

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Институт иностранных языков

*75-летию Великой Победы
посвящается*

STUDIA LINGUISTICA

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ТРАДИЦИИ И ПОИСК НОВОГО

XXIX

Санкт-Петербург
Политехника-сервис
2020

Печатается по рекомендации Ученого совета Института
иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Н.Н. Бочегова** (КГУ)
доктор филологических наук, профессор **Т.И. Воронцова** (РГПУ им.
А.И. Герцена);

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова** (ответствен-
ный редактор);
кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Редактор английских текстов:

доктор филологических наук, профессор **В.Ю. Клейменова**

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Каргаполова**;
доктор филологических наук, профессор **О.Н. Морозова**;
кандидат филологических наук, доцент **В.В. Меняйло** (НИУ ВШЭ)

Технический редактор:

М.С. Фокина

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXIX. Стратегии развития современ-
ных лингвистических исследований. Традиции и поиск нового.
Сб. научных трудов. – СПб.: Политехника сервис, 2020. – 164 с.

ISBN 978-5-907223-81-3

29-й выпуск серии STUDIA LINGUISTICA посвящен разным по мас-
штабам, но важным событиям: 75-летию Победы в Великой Отечествен-
ной Войне и прошедшему в институте иностранных языков юбилейному
Круглому столу «Никитинские чтения», организованному в честь 90-летия
М.В. Никитина (1929-2009).

Выпуск открывается посвящением профессорам и преподавателям ин-
ститута иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, сражавшимся за Ве-
ликую Победу на фронте и в тылу. Разделы выпуска представлены труда-
ми в области теории и методологии науки о языке, семантики, грамматики
и прагматики, лингвистики текста и интерпретации текста. Освещаются
актуальные проблемы соотношения языка и мышления в контексте био-
логии познания, решаются сложные вопросы смыслового конструирования
в художественном тексте, рассматриваются вопросы гендерных исследо-
ваний и анализируется язык современного социума. Завершает сборник
описание Круглого стола «Никитинские чтения – 2019».

Книга адресована специалистам-филологам, магистрантам и аспиран-
там филологических и смежных специальностей, а также широкому кругу
читателей, интересующихся актуальными проблемами современной науки.

ISBN 978-5-907223-81-3

К 75-летию Великой Победы

УЧЕННЫЕ-ГЕРЦЕНОВЦЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ¹

Великая победа 1945 г. принадлежит героическому времени. Она сотворена силою духа и величием подвига народа. Свой вклад в Победу на фронте и в тылу внесли профессора и преподаватели Герценовского университета. Судьбы многих из них связаны с институтом иностранных языков. Всем нашим коллегам, с честью отдавшим долг Отечеству, низкий поклон и слова безмерной благодарности.

Напомним их имена²:

Арнольд Ирина Владимировна, профессор кафедры английской филологии. В годы Великой Отечественной войны преподавала в Военно-воздушной академии Красной армии. Возглав-

¹ Статья продолжает серию публикаций о профессорах и преподавателях института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, сражавшихся за Великую Победу на фронте и в тылу, и является частью проекта «Ученые моего университета», который реализуется кафедрой иностранных языков совместно с музеем РГПУ. К 75-летию Победы, благодаря открытию доступа ко многим архивным документам, участниками проекта, под руководством проф. И.А. Щириной и доц. Ю.В. Сергаевой, были уточнены и дополнены многие собранные ранее данные, найдены новые факты. Особую благодарность за консультации и предоставленные архивные материалы участники проекта выражают директору музея РГПУ им. А.И. Герцена Е.М. Колосовой.

² Дополнительную информацию о героях-герценовцах см. в статье «Герои Великой Победы: ученые нашего института» \ \ Studia Linguistica. Вып. XXIV. Язык в пространстве социума и культуры. – Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2015. – С. 3–12. Предлагая собранные материалы, участники проекта, безусловно, отдают себе отчет в том, что для восстановления имён всех инязовцев – участников Великой Отечественной Войны и работников тыла, жителей блокадного Ленинграда – требуется специальное научное исследование.

ляемая ею кафедра радиотехники сыграла важнейшую роль в создании радиолокационной защиты страны, занимаясь подготовкой квалифицированных кадров для авиации, владеющих иностранными языками. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Белюсова Нина Андреевна, старший преподаватель кафедры французского языка. Участвовала в оборонных работах в пос. Шушары. Занималась эвакуацией ленинградцев в тыл страны, служила в действующей армии в должности машинистки-стенографистки. Награждена орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Короны Румынии.

Бергельсон Григорий Юльевич, доцент кафедры немецкого языка. Инструктор отделения по пропаганде среди войск противника на Карельском фронте, военный переводчик, участник Нюрнбергского процесса. Выступал на передовых позициях в роли диктора звуковещательных станций. Награжден орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Вейцман Олег Дмитриевич, кафедра немецкого языка. Командир стрелкового взвода на Ленинградском фронте, военный переводчик разведотдела. Оборонял окруженный Ленинград, освобождал Берлин и позже работал с немецкими коммунистами. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда».

Гитлиц Анна Марковна, доцент кафедры испанского языка. Студенткой ушла на фронт, сражалась на Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах. Награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда».

Дмитриева Валентина Тихоновна, доцент кафедры немецкого языка. Житель блокадного Ленинграда, направлена на военную службу по призыву комсомола в 1944 г. Переводчик в аппарате Уполномоченного МГБ СССР в Германии. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Златогорская Ревекка Лазаревна, старший преподаватель кафедры немецкого языка. Вела работу с детьми в блокадном

Ленинграде: работала директором детдома на Подольской улице и завучем в детдоме 55/61.

Ильиш Борис Александрович, профессор кафедры английской филологии. Выезжал со студентами на оборонные работы в Тосненский район Ленинградской области. Как командир по обработке прессы возглавлял группу переводчиков 1-го берегового радиоотряда КБФ. Награжден боевым орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Кобленц Александра Кононовна, старший преподаватель кафедры французского языка. Работала со студентами на окопах под Кингисеппом, выполняла работы по оборудованию бомбоубежищ. По направлению Военкомата Октябрьского района работала в местной противовоздушной обороне. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Пинкевич Альберт Альбертович, доцент кафедры испанского языка. Ушел добровольцем на Ленинградский фронт, служил начальником разведки. Сражался в боях под Москвой, в Польше. Участвовал в освобождении Праги и штурме Берлина. Награжден орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Путилина Галина Николаевна, доцент кафедры второго иностранного языка, служила на радиостанции Ленинградского фронта, военный переводчик при управлении министерства госбезопасности. Участник войны с Японией. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», двумя медалями «За боевые заслуги».

Резникова Инна Павловна, ассистент межфакультетской кафедры английского языка. Юнга, воспитанница II отдельного артиллерийского дивизиона Кронштадтского сектора Береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота (ф. Тотлебен). Принимала участие в обороне города-героя Ленинграда. Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги».

Сегаль Марк Маркович, доцент кафедры фонетики английского языка. Воевал в составе 2-го и 3-го Украинского, а так-

же Воронежского и Центрального фронтов, был командиром артиллерийской батареи. Прошел всю войну, освобождая Россию, Украину и Европу от фашизма. Награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, 20 правительственными медалями, в том числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Праги», «За победу над Японией».

Тураева Зинаида Яковлевна, профессор кафедры английской филологии. Пошла добровольцем на фронт, работала секретарём-машинисткой в оперативном отделе штурмовой авиационной дивизии на Сталинградском, Воронежском и Волховском фронтах. Позже была назначена секретарем политотдела воинской части. Награждена орденом Отечественной Войны II степени, медалью «За оборону Сталинграда».

Шатилов Сергей Филиппович, профессор кафедры методики преподавания иностранного языка. Служил стрелком 3 отдела Краснознамённого Балтийского флота. Попав в плен, провёл 3 года в лагерях на территории Эстонии, бежал из плена в 1944 г. Служил переводчиком в Отделе контрразведки СМЕРШ 9-й штурмовой дивизии ВВС. Награжден орденом Отечественной Войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Эткинд Ефим Григорьевич, профессор кафедры французского языка. Ушёл добровольцем на фронт, служил военным переводчиком в разведотделе Штаба 26-й Армии Карельского фронта, вел пропаганду среди войск противника. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

О высоких личностных и профессиональных качествах героев-герценовцев говорят скупые строки архивных документов.

• *Об Ильише Б.А.:* «вложил весь свой богатый опыт филолога в создание и выпуск высококачественных ежедневных бюллетеней радиоперехвата. Под его непосредственным руководством коллектив вольнонаёмных переводчиков быстро овладел новой для них работой».

• *О Сегале М.М.:* «показал образцы храбрости и мужества, смелый и инициативный офицер, всегда находился на самых ответственных участках».

• *Об Эткинде Е.Г.:* «проявил себя исключительно способным честным и трудолюбивым работником. Зная 4 иностранных языка, <...> всегда добывал ценные сведения для командования».

• *О Путилиной Г.Н.:* «успешно выполняла задания командования Ленинградского фронта, <...> доставляла ценную информацию».

• *О Вейцмане О.Д.:* «работая переводчиком, <...> показал себя в совершенстве владеющим немецким языком, культурным, честным офицером».

• *О Бергельсоне Г.Ю.:* «грамотный, культурный и инициативный политработник. <...> Прекрасное знание языков, широкий политический кругозор, любовь к Родине – всё это обеспечивало оперативность в работе».

(см. Интернет-портал подлинных документов о Второй мировой войне «Память Народа» [<https://pamyat-naroda.ru>])

Многие коллеги-инязовцы были жителями блокадного Ленинграда, некоторые – ещё совсем детьми, наравне со взрослыми переносили тяготы и лишения сурового времени. Среди переживших блокаду: профессор кафедры английского языка *Новелла Александровна Кобрина*, профессор кафедры романской филологии *Раймонд Генрихович Пиотровский*, профессор кафедры методики обучения иностранным языкам *Нина Витальевна Баграмова*, доцент кафедры второго иностранного языка *Софья Ивановна Блинова*, доцент кафедры французского и испанского языков *Алла Леонидовна Афанасьева*, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков *Кузнецова Генриетта Петровна*. Их имена записаны в Книгах Памяти «Блокада» и «Они пережили Блокаду» [<http://vizz.nlr.ru/blockade>].

Духовный опыт Поколения Победителей бесценен в деле воспитания молодежи. Память о героизме герценовцев бережно хранится кафедрами института иностранных языков. Подвигам коллег посвящаются творческие проекты, публикационные материалы, вечера памяти и другие интересные события. Однако ничто не сравнится по силе воздействия со словом самих победителей, увековеченном в книгах и воспоминаниях.

Из мемуаров З.Я. Тураевой «В поисках прошлого»...

«...На Волховском фронте мы пробыли недолго, несколько месяцев. Уже где-то в июле нас отправили под Москву, на переформирование. Память сохранила лишь отдельные блики. Помню, теплой майской ночью штаб дивизии перебазировался на другое место. И строчки К. Симонова невольно всплывают в мозгу: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?». Мы ехали в кузове грузовика удивительно красивой лесной дорогой. И все время пути нас сопровождало пение соловьев. Никогда более, за все время моей долгой жизни я не слышала такого соловьиного пения. словно вечная красота природы противостоит ужасным деяниям человека...».

Это полное жизни слово убеждает в мощи духовного потенциала и бессмертия всех их, сражавшихся и победивших.

От редакторов

ПРОБЛЕМАТИКА ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

УДК 811-111

О.А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

МЕСТОИМЕНИЕ *it* В СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ РЕФЕРЕНТНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ

Статья посвящена описанию функционального потенциала местоимения *it* в субъектной позиции и его референтной отнесённости. В частности, рассматриваются случаи актуализации т.н. антиципирующего *it* в структурах с осложняющим компонентом в синтаксически связанной и свободной формах.

Ключевые слова: антиципирующее *it*, сентенциональная конструкция, референтная отнесённость, констатиивность, дейксис.

Предложения, в которых в инициальной (субъектной) позиции актуализируется личное местоимение *it*, представляют собой неомогенный класс структур английского языка. «Различное поведение» данных сентенциональных конструкций можно объяснить тем, что объём референтной отнесённости инициального прономинала в различных типах предложений, соответственно, различен. В общем плане его отличает градуальность – от конкретно-личного (в случае «личного» *it*) – к максимально расширенному (в случае «безличного» *it*). Различные случаи употребления *it* в антиципирующей функции можно расположить на различных точках «оси» конкретизации референтной отнесённости, соединяющей эти два экстремума. Таким образом, в предложениях *It's raining* и *It's Sunday* референт *it* максимально обобщён, соотносится со всем окружением говорящего и характеризуется неограниченной широтой и неконкретностью, а также невыделенностью его конституентов. Именно по этой причине к таким

предложениям нельзя задать вопросы **What is raining? *What is Sunday?* Уточнение, или сужение референтного поля *it* возможно при конкретизации содержания пропозиции путём введения в неё адвербиалов: *It's cold out, It's late now*. Собственно, вопросный тест (*What-questions*) использует и Г. Калтенбокк для установления границ между ступенями, уровнями конкретизации референтной отнесённости прономнала *it* в различных типах предложений и считает, что движение на оси конкретизации референта *it* идёт по линии «*безличное*» → *антиципирующее* → «*личное*» [Kaltenböck, 1999, p. 58–62]. Вопрос к «безличному» *it* звучит неграмматично и нелогично по причине экстремально широкого референта и полной ясности для коммуникантов того, с чем референциально соотносится *it*. Даже получая уточнение объёма референта с помощью адвербиалов, предложения этого типа всё же не могут отвечать требованиям вопросно-ответного теста: *It's hot in California* → *What's hot?* – **In California*. Однако, в некоторых случаях ответ на *What*-вопрос возможен в принципе, хотя и без привлечения исходной информации, содержащейся в пропозиции: *It's a total mess after a flood* → *What's a total mess?* – *Things are* (не **After a flood*); *It's hard once you try to do a job like that* → *What's hard?* – *Things/Life are/is hard* (не **Once you try to do a job like that*). Далее референт *it* уточняется ещё более узко и вопросно-ответный тест даёт конкретный ответ на вопрос *What?* к референту прономнала: *It's hard to do a job like this* → *What's hard?* – *To do a job like this*. По мнению Г. Калтенбокка, подобные примеры демонстрируют «движение» от «безличного» к антиципирующему *it*, и это подтверждает его тезис о градуальности референтного поля *it* и что наличие различных функционально-семантических вариантов *it* является отражением этой градуальности [Kaltenböck, 1999, p. 59].

Г. Калтенбокк представляет динамику в поле референтной отнесённости различных функционально-семантических вариантов *it* в следующем виде (*таблица 1*) [Kaltenböck, 1999, p. 62].

- a. *It's raining/cold/snowing*
- b. *It's cold in here/out/in California*
- c. *It's a total mess after a flood*
- d. *It's hard once you try to do it well*
- e. *It's not much fun when you have to work all the time*

Таблица 1

Функциональный тип <i>it</i>	«безличный» <i>it</i>	«антиципирующей» <i>it</i>	«личный» <i>it</i>
Тип референта	«окружение», возможны адвербиалы с уточняющей семантикой	«ситуация» (пропозициональный концепт)	единичный, конкретный референт
Объём референта			
Примеры (см. ниже)	a, b, c, d	e, f, g, h, i	j, k

- f. *It's tough to make him understand*
 g. *It's interesting that John went to London*
 h. *It's nice sitting around and talking*
 i. *It's amazing the amount of beer he puts away*
 j. *It's amazing, his determination*
 k. *He bought a book but left it in the shop*

«Движение» от антиципирующего к «личному» *it* Г. Калтенбокк демонстрирует с помощью следующих примеров: *It's amazing that John decided to leave the country* → *It's amazing the things he does* → *It's amazing, his determination*. По мнению учёного, движение в данном случае происходит в направлении state of affairs referent [*John decided to leave the country*] → single referent [*his determination*] (см. подробно в [Kaltenböck 1999, p. 60]).

Подтверждают тезис о градуальности по линии «конкретность – размытость» границ референта прономинала *it* также и примеры, где референтная отнесённость данного элемента структуры определяется исключительно в контексте сообщения (в широком смысле) и может трактоваться двояко, если последний не ясен: *It's difficult when there is no one there to help you* может трактоваться как *Things are/Life is difficult when there is no one to help you*, а также как *The fact of no one being there to help you is difficult to cope with*. Более того, если данное предложение являлось бы ответом на вопрос *Why don't you finish your work?*, то референтом *it*, скорее, было бы *work* или *the act of finishing the work*. Тот факт, что *it* во всех вышеописанных трёх случаях

остаётся преимущественно тождественным самому себе, свидетельствует о том, что различным в данных ситуациях является контекст, что и отражается в референтном статусе *it*. Таким образом, любые попытки определить статус *it* обязательно должны учитывать контекст высказывания с целью выявить границы референтной отнесённости инициального прономинала.

Синтаксический статус инициального *it* в предложениях с «антиципирующим» функционально-семантическим вариантом данного прономинала и осложняющим компонентом всё же вызывает вопросы. Здесь наблюдается некая градуальность от относительной лексической независимости (пропозициональная, инфинитивная или герундиальная части отделены средствами пунктуации) до жёсткой синтаксической связанности и структурной обусловленности осложняющего компонента (нет маркировки пунктуационными средствами):

1. *'It's (this is) nice, isn't it?' – 'What is nice?' – 'Sitting around and talking.'*
2. *It's nice, sitting around and talking.*

В предложениях (1 и 2) референтная отнесённость *it* предельно ясна и вытекает из контекста. Будучи лексически и синтаксически независимым, осложняющий компонент является antecedentом местоимения *it*, который в подобных случаях представляет собой явный пример конкретно-референтного (катафорического) употребления. Лексическая актуализация семантики референта *it*, получающая наполнение в виде осложняющего компонента (в данных примерах выраженного герундиальным оборотом), возникает в контексте как некоторое осмысление, уточнение содержания после произнесения высказывания. При синтаксическом связывании элементов предложения возникает (при лексически абсолютно тождественном заполнении) совершенно иная структура, обусловленная исключительно грамматическими факторами. Сравним пример (2) и (3):

3. *It's nice sitting around and talking.*

То же самое можно сказать и об аналогичных структурах с пропозициональными осложняющими компонентами, сравним:

4. *It's not good luck, when you miss the bus all the time.*

5. *It's not good luck when you miss the bus all the time.*

Рассмотрим эти примеры подробнее.

Высказывания с лексически свободным (синтаксически не связанным) статусом *it* (см. примеры 2 и 4) связаны с актуализацией в высказывании конситуативно обусловленных значений – и говорящий, и слушающий находятся в некоторой ситуации, наблюдают её и именно по поводу наблюдаемого положения дел (наблюдаемого – в широком смысле) делается некоторое оценочное высказывание. Собственно, именно эта заложенная в семантику высказываний конситуативность наглядно демонстрируется в примере (1). Говорящий не озвучивает тот предмет разговора, который получает оценку *nice*, что и приводит к следующему за высказыванием *'It's (this is) nice, isn't it?'* вопросу со стороны второго участника речевой ситуации *'What is nice?'*. Далее следует описание того фрагмента наблюдаемой действительности, к которому и относится атрибут *nice: sitting around and talking*, где участники данной речевой ситуации находятся непосредственно в актуальном времени. Данный – конситуативный – дейксис и получает маркирование в виде пунктуационных средств в письменной речи, и в виде просодического оформления речи звучащей. Таким образом, в данных примерах *it* получает конкретно-референтный статус и функционально сближается с катафорическим функциональным вариантом данного личного местоимения.

Иной случай представляют собой примеры, где наблюдается синтаксическая связанность элементов структуры (см. примеры 3 и 5). В данных примерах конситуативный дейксис не наблюдается, высказывание не обязательно связано с актуальным индексом «здесь / сейчас» и может рассматриваться как потенциально генерализующее высказывание о типичных ситуациях и их типичных оценках.

Таким образом, формулируя высказывание по модели, где осложняющий компонент либо лексически свободен, либо синтаксически связан, говорящий маркирует либо конситуативность, либо внеситуативность того фрагмента окружающей действительности, который получает оценку в формате высказывания. Говорящий, сообщая в высказывании какую-то информацию, оперирует знанием, полученным на двух уровнях когнитивной

категоризации: на феноменологическом уровне (уровне компетенции Наблюдателя) и на структуральном уровне (уровне компетенции говорящего) [Кравченко, 1992, с. 63–64], при этом синтаксическая связанность или несвязанность осложняющего компонента в структуре рассматриваемого типа, а именно с «не-референтным» инициальным прономиналом *it*, связана с отражением наблюдаемости в языковых синтаксических формах.

Список литературы

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Kaltenböck G. Which it is it? Some Remarks on Anticipatory *it*: [сайт] // Vienna English Working Papers. 1999. Vol. 8. № 2. P. 48-71. URL: www.anglistik.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/dep_anglist/weitere_Uploads/Views/Views992.pdf (дата обращения: 18.08.2012).

Berezina Olga Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

PRONOUN *it* IN SUBJECT POSITION AS REFLECTION OF REFERENCE DYNAMICS

The article aims at describing the functional potential of the English pronoun *it* as subject of the sentence and its reference. In particular, the main point of the article is to consider the cases of the so called “anticipatory *it*” actualization in the structures with syntactically fixed and free propositional complement.

Keywords: *anticipatory it, sentence structure, reference, consituation, deixis.*

УДК 81.131

Т.Г. Галушко (Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В статье рассматривается в контексте эволюционной эпистемологии на основе биологии познания язык как особый вид рекурсивного поведения, как динамическое свойство живой системы, определяющее ее когнитивное развитие и обусловленное биосоциальной средой, и как укорененный в человеческой биологии специфический вид социальной консенсуальной деятельности.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, биология познания, биология языка, рекурсивность, консенсуальные взаимодействия.

Концептуальное перевооружение науки XXI века имеет глубоко синтетический характер взаимопроникновения и взаимодействия понятий естественнонаучного и гуманитарного знания. На смену эпохи аналитического изучения объектов науки пришла эволюционная эпистемология, когда для исследований характерны теоретико-синтетическое отражение феноменов организованной сложности объективного мира, цельность и иерархичность образующих его систем на основе порождающего синтеза.

В конце XX столетия в науке о языке проявляется тенденция экспансионизма, как выхода за пределы чисто лингвистики, что создает предпосылки для возникновения новых научных парадигм в трансдисциплинарном пространстве современной науки. Понятие экспансионизма было впервые сформулировано на XIV Международном лингвистическом конгрессе в Берлине в 1987 году.

Как подчеркивает Т. Гивон, лингвистика с самого своего зарождения как науки испытывает влечение к структурализму, подменяя объяснение описанием или его формализацией: «Этот злой дух подчиняет себе лучших из нас, как функционалистов, так и формалистов, заставляя искать неуместные модели в физике, математике и компьютерной науке. И он заслоняет от нас мать всех дисциплин в изучении сознания, поведения и разнообразия – биологию» [цит. по Кравченко, 2015, с. 4].

Цель нашей работы рассмотреть язык в контексте эволюционной эпистемологии на основе биологии познания для того, чтобы обозначить подход к языку как особому динамическому свойству живой системы, определяющему ее когнитивное развитие. Такой подход не является панацеей и универсальным способом решения сложных когнитивных проблем языка, как мы полагаем. Но не субъект дает рецепты, а нелинейная сложная ситуация как-то разрешается, формируя и самого субъекта. Как сказал Поль Валери: «*Createur est celui qui fait cree*» («Творец – это тот, кто творим»).

П. Тейяр де Шарден рассматривает гомологичность (схожесть) как методологический принцип научных исследований, сводя ее к биологическим началам: «Эволюционный веер продолжается, соприкасаясь с нами в тысяче социальных явлений, о которых мы и подумать не могли, что они столь **тесно связаны с биологией**: в формировании и распространении языков; в создании и распространении философских и религиозных учений ... Для того, кто почувствовал полный смысл эволюции, необъяснимая схожесть превращается в тождество – в тождество структуры, которое осуществляется в различных формах снизу-вверх путем органической непрерывности движения или, что одно и то же, путем органического единства среды. Социальный феномен – кульминация, а не ослабление биологического феномена» [Шарден, 1987, с. 178].

С самого начала зарождения генетики было определено сходство между языком и процессами обработки генетической информации. В 1970 г. Р. Якобсон рассматривал проблему соответствий между языком и генетическим кодом как кардинальную для лингвистики.

Главное во взаимодействии мозга и окружающей среды – синтез информации. Второе начало термодинамики устанавливает существование энтропии как функции состояния системы и ее самопроизвольный рост т.е. любая система стремится к состоянию максимальной сложности, выражаемому максимумом количества информации. Энтропия, как определяющая переменная различных процессов и систем, имеет универсальный характер [Хазен, 1992, с. 119]. Как подчеркивал А. Эйнштейн, понятие энтропии может быть обобщено на любые системы из многих элементов.

Принцип максимума производства энтропии рассматривается как основная причина возникновения и эволюции жизни и разума: «Причина возникновения и эволюции нервных систем и мозга человека – избыточность производства энергии при метаболизме, аккумулируемая в виде энергии электрического поля трансмембранного потенциала. Живые организмы и мозг не могут непосредственно обмениваться информацией с окружением – необходим предварительный синтез информации» [там же, с. 121].

Иерархия синтеза информации лежит в основе работы мозга и увеличения энтропии, необходимой для новой иерархической ступени синтеза информации на основе аксиом (результат уже синтезированной информации в мозге). Интеллект определяется как иерархия синтеза информации, этот синтез создает термины, понятия и возможность установления между ними функциональных связей [Хазен, 1993, с. 719]. Опыт возникает из взаимодействия со средой, сознание и язык оба имеют опытную природу [Bartsch, 2002].

Иерархия синтеза информации лежит в основе когнитивных структур сознания и языка, что выявляется в лингвистике как уровне лингвистической семантики (полисемия, деривация значения и др.), так и на уровне семантики синтаксических единиц (глубинные и поверхностные структуры, пропозиции и др.) [Галущко, 1997].

Если основатель эволюционной эпистемологии К. Лоренц назвал предметом этого направления науки эволюцию когнитивных структур, познание, понимание как главную функцию жизни, то У. Матурана и Ф. Варела применили этот эволюционный подход к исследованию познания и языка для понимания их роли в эволюции человека и сознания [Матурана, Варела, 2001]. Рассмотрим основные положения биологии языка У. Матураны на основе его работы «Биология познания. Естественный язык» [Матурана, 2003].

Языковое поведение является ориентирующим на консенсуальные взаимодействия.

Чтобы понять, как естественные языки возникли в процессе эволюции, надо выявить такую фундаментальную биологическую функцию, которая могла бы их породить. Если бы биологическая

функция языка состояла в передаче информации, то предварительно должна была бы существовать функция денотации, из которой могла бы развиваться система передачи информации.

Если признать, что язык коннотативен, а не денотативен, и что его функция состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его собственной когнитивной области, а не в том, чтобы указывать ему на независимые от него сущности, то очевидно, что усвоенные ориентирующие взаимодействия воплощают в себе функцию неязыкового происхождения, которая в условиях взаимодействий рекурсивно может порождать в процессе эволюции систему консенсуальных взаимодействий между организмами, то есть естественный язык.

Поведение (функция) зависит от анатомической организации, т. е. эволюция поведения – это эволюция анатомии. В эволюции языка естественный отбор, действуя на ориентирующее поведение как на функциональное поведение, привел к анатомическим изменениям, к развитию артикуляционных органов (*vocalization*).

До тех пор, пока язык считается денотативным, на него приходится смотреть как на некое средство передачи информации. Но если признать, что язык коннотативен, и что его функция состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, то становится очевидным, что никакой передачи через язык не происходит. Выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается самим ориентируемым в результате операции над собственным состоянием.

Выбор ориентироваться в собственной когнитивной области в результате взаимодействия принадлежит слушателю. Каждое языковое взаимодействие по необходимости зависит от контекста.

Языковое поведение представляет собой процесс непрерывной ориентации. Поэтому то новое состояние, в котором система оказывается после языкового взаимодействия, возникает в итоге языкового поведения. Правила порождающей грамматики указывают на повторяющиеся черты, которые наблюдатель отмечает в языковом поведении. Любая корреляция между различными областями взаимодействий принадлежит исключительно когнитивной области наблюдателя.

Ориентирующее поведение в организме с нервной системой, способной рекурсивно взаимодействовать со своими собственными

ми состояниями, расширяет когнитивную область этого организма, давая ему возможность рекурсивно взаимодействовать с *описаниями* своих собственных взаимодействий. В результате:

а) естественный язык возникает как новая область взаимодействия, в которой модификации организма вызываются его же *описаниями* своих взаимодействий, воплощенных в состояниях активности нервной системы;

б) новые последовательности ориентирующих взаимодействий (новые предложения) внутри консенсуальной области по необходимости понятны слушателю, потому что каждый из компонентов, входящих в эти последовательности, обладает определенными ориентирующими функциями;

в) естественный язык – по необходимости порождающий, ибо он является результатом рекурсивного применения одной и той же операции, выступающей в качестве нейрофизиологического процесса, к результатам этого применения.

На основе эволюционной эпистемологии термин «порождающий язык» понимается именно как результат когнитивного развития структур мозга, как модификации организма на основе ориентирующего и рекурсивного взаимодействия. В классическом языкознании мы находим употребление термина «порождающий» прежде всего у В. фон Гумбольдта в его сохранившем научный потенциал фундаментальном труде «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества» [Гумбольдт, 1984], в котором автор иначе трактует язык, чем его предшественники, а именно через поступательное развитие человечества. Близко к современной биологической концепции языка прозрение В. фон Гумбольдта, что язык и духовная деятельность (сейчас мы бы сказали когнитивная деятельность) попеременно обуславливают друг друга, т.е. поочередно дают друг другу импульсы для развития. Это представлялось Гумбольдту несколько противоречивым. «Язык, с одной стороны, как создание индивидов и творение наций всегда опирается на совокупность человеческой духовной силы» [Гумбольдт, 1984, с. 58], с другой стороны, сам язык воздействует на человека и человечество, и «главное воздействие языка на человека обуславливается его мыслящей и в мышлении творящей силой; эта деятельность имманентна и конструктивна для языка» [Гумбольдт 1984,

с. 58]. Квинтэссенцией гумбольдтовской теории языка является постулат: «Язык не есть продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia) [Гумбольдт 1984, с. 70]. Далее уточнение Гумбольдта сводится к следующему: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как созидающий процесс (Erzeugung)» [Гумбольдт 1984, с. 89].

Близок к глубинному пониманию языка А.А. Потебня: «Язык не есть отражение мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1989, с. 156], а также близки к пониманию языка в русле эволюционной парадигмы Э. Сепир и Б. Уорф.

Термин Н. Хомского «порождающая грамматика» свидетельствует о том, что язык не только активная динамическая структура, но и «живой организм», его исследования имеют, вне сомнения, не только гуманитарный, но и естественнонаучный статус.

В традиционном соотношении «язык-мышление», позже «язык-сознание», оба члена корреляции взаимосвязаны, и язык стоит на первом месте. Это аксиома. Как мы полагаем, эта аксиоматичность обусловлена прежде всего тем, что язык материален и доступен для наблюдений и исследований, в этом его преимущество. Логически следует вывод, что язык первичен, что он определяет мышление, однако в русле системно-эволюционной методологии современные естественнонаучные открытия, в первую очередь, в нейробиологии и теоретической биологии, не так категоричны относительно приоритета в этой корреляции. Более того, универсальные механизмы и закономерности эволюции функциональных живых и когнитивных систем открывают значительные возможности для дальнейших исследований.

Известный специалист в области нейробиологии и лингвистики Т.В. Черниговская подчеркивает, что сейчас понимание природы языка меняется, а именно, от «язык как система знаков» к более сложному, «язык это интерфейс между сознанием и мозгом, сознанием и миром» [Черниговская, 2013, с. 10]. «Язык понимается как инструмент мышления», более того, «язык – это особая способность мозга, дающая возможность строить и организовывать сложные коммуникационные сигналы, обеспечивая мышление» [Черниговская 2013, с. 67].

Интересно высказывание М.В. Никитина: «Генетически язык выступает в качестве необходимого условия, обеспечивающего

абстрактный, обобщающий уровень сознания» [Никитин 2003, с. 265].

Рассмотрим некоторые положения эпистемологического конструктивизма и энактивизма [Князева 2015], позволяющие на основе междисциплинарного ценностно-значимого синтеза обозначить новые методологические подходы к исследованиям языка в контексте эволюционной эпистемологии, а именно: человек встроен в свое окружение, весь его телесный опыт отражает пространственно-временное состояние мира, его процессуальность; познающий и познаваемое, ум и мир находятся в отношении друг с другом через взаимную конкретизацию и взаимозависимую координацию (Ф. Варела); жизнь как познание представляет собой извлечение смысла, отбор значимого и ценного и вовлечение этого в жизненный мир организма (Э. Томпсон); всякое действие есть познание, всякое познание есть действие, мы зависим от того, что мы делаем, и как мы вписаны в окружающую среду (У. Матурана и Ф. Варела); когнитивная деятельность является деятельностью конструирующей, познание есть конструирование, созидание, даже порождение мира.

Значительные достижения в лингвистической науке были достигнуты, когда структурализм, заслуга которого в свою очередь в отказе от описательных методов, сдает свои позиции как ведущая парадигма, и наступает когнитивная революция, о которой Н. Хомский сказал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума и мозга и к тому, как они обуславливают поведение человека, особенно к когнитивным состояниям: состояниям знания, понимания, интерпретации и т.п.» [Фундаментальные направления 1997, с. 178].

Расширение картины научных представлений о знании как феномене человеческой деятельности в значительной степени ориентировано на множественность решений и относительность истины. Как сказал великий И. Кант: «Целое не дано, а задано субъекту как цель его познавательного движения» [Кант 1963, с. 411].

На основе достижений «когнитивной революции» XX века лингвистика берет на себя труд заполнить лакуны в исследованиях биологически ориентированной когнитивной науки на основе эволюционной эпистемологии. Для лингвистической науки

XXI века это означает использование моделей эволюционного научного познания, основанных на междисциплинарном знании, где особая роль отводится синтезу знаний, дисциплин и теорий.

Итак, на основе биологической концепции языка следует: языковое поведение является ориентирующим на консенсуальные взаимодействия; язык – особое динамическое свойство живой системы, определяющее ее когнитивное развитие и обусловленное биосоциальной средой; язык – это особый вид рекурсивного поведения; язык – это укорененный в человеческой биологии специфический вид социальной деятельности и координирующего поведения. На первый взгляд такие определения в контексте традиционной лингвистики звучат непонятно, сложно и бесперспективно. Но научное познание – это постоянное эволюционное развитие на основе порождающего синтеза. Кроме того, сегодняшнее положение дел в науке конструируется из будущего.

Список литературы

Галушко Т.Г. Иерархия синтеза информации как основа когнитивных процессов языка, мышления и сознания. Деп. В ИНИОН РАН от 08.07.97. № 52794.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Кант И. Собр. соч. в 6 т. М., 1963. Т. 3.

Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот: [сайт]. URL: (дата обращения 19.02.2020).

Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки // Философия науки и техники. 2015. № 3. С. 126–144.

Матурана У. Биология познания // Естественный язык: [сайт]. URL: <https://centroditerapiastrategica.ru/biologija-poznanija/> (дата обращения 11.01.2020).

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Пер с англ. Ю.А. Данилова. М., 2001.

Никитин М.В. Основания когнитивной лингвистики. СПб, 2003.

Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.

Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под редакцией А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М., 1997.

Хазен А.М. Особенности применения второго начала термодинамики к описанию работы мозга // Биофизика. 1991. Т. 36. № 4. С. 714–724.

Хазен А. М. Происхождение и эволюция жизни и разума с точки зрения синтеза информации // Биофизика. 1992. Т. 37. № 1. С.105–122.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и познание. М., 2013.

Шарден Пьер Тейяр Де. Феномен человека. М., 1987.

Galushko Tamara Georgievna (Saint Petersburg, Russia)

LANGUAGE IN THE CONTEXT OF EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY

The article considers language in the context of evolutionary epistemology based on the biology of cognition. Thus, language is defined as a special type of recursive behavior, as a dynamic property of a living system, which determines its cognitive development due to the biosocial environment. Language is a specific type of social consensual activity rooted in human biology.

Keywords: evolutionary epistemology, cognition biology, language biology, recursiveness, consensual interactions.

УДК 811.58'34

Т.А. Пруцких (Санкт-Петербург, Россия)

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью статьи является подтверждение звуко­символической роли лабиальных звуков в выражении пейоративности. В связи с этим был проведен фоносемантический анализ экспрессивных лексических единиц (ЭЛЕ) китайского языка с отрицательно-оценочным значением.

Ключевые слова: фоносемантика, пейоративность, лабиальные финали, экспрессивная лексика, китайский язык.

Еще в античные времена философия занималась изучением эмоций как психического взаимодействия человека с окружающей средой. Антропоцентрический подход в лингвистике рас­ставляет новые акценты в изучении всего человеческого – все ис­следовательские координаты перекре­щиваются на Homo sapiens. Современная наука приобретает ярко выраженный междисци­плинарный характер, потому что именно комплексные межпред­метные исследования способны привести к достижению значи­мых результатов. Во второй половине XX столетия появляется интегративная дисциплина – психолингвистика, а ее особым разделом становится фоносемантика. До сих пор не существует единого названия для научной дисциплины, занимающейся изу­чением соотношения звучания и значения – кроме фоносеманти­ки (phonosemantics), употребляются термины – «звуковой симво­лизм» (sound symbolism), «лингвистический иконизм» (linguistic iconicity), «экспрессивный символизм», «фонетический симво­лизм» и др. [Шляхова, 2018, с. 99].

«Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о нем можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого пред­ставления» [Гумбольдт, 1984, с. 92]. Современные лингвистиче­ские исследования, многие из которых носят экспериментальный характер, подтверждают наличие иконического отражения дей­

ствительности на всех уровнях языка, при этом большинство исследователей признают относительность мотивированности языкового знака, что свидетельствует и о произвольности языкового знака, и о существовании звукового символизма. Принцип генетической произвольности языкового знака является методологической основой фоносемантики, он доказательно обоснован в рамках Петербургской фоносемантической школы и подтверждается многочисленными исследованиями на материале различных языков. Тем не менее, С.В. Воронин признает, что «в «современной» синхронии языковой знак представляет собой двоякую сущность: он одновременно не-произволен и произволен. Причина такой двойственности видится в двойственности самого характера слова: оно с самого начала выступает в двух «ипостасях» – отражательной и коммуникативной [Воронин, 1982, с. 30].

Особая роль в изучении звуко-символизма принадлежит экспрессивной лексике, потому что именно экспрессивные слова «служат ярким и экономным средством выражения многообразных проявлений окружающей действительности и связаны с мыслительной деятельностью человека, его чувствами и эмоциями» [Фролова, 1996, с. 149].

При всей разнице подходов к определению функций языка достаточно непротиворечиво выделяются три основные функции (см. табл. 1) [Матвеева, 2013, с. 5].

Таблица 1

Основные функции языка

В. фон Гумбольдт	Ю.С. Степанов	Р. Якобсон
коммуникативная	синтаксическая	фатическая
когнитивная	номинативная	денотативная
экспрессивная	прагматическая	эмотивная

Слова в языке и в речи выполняют различные функции, комбинируя и акцентируя их в зависимости от цели использования. Экспрессивное слово, как и нейтральное, обычно выполняет номинативную функцию, т.е. его денотативный компонент указывает на определенное явление. Важной характеристикой экспрессивных слов является их семантическая денотативно-коннотативная

двухкомпонентность: они обозначают вполне объективное понятие об объекте речи, а также содержат субъективную оценку этого объекта. Важно, что эти два компонента тесно взаимосвязаны, причем, функционально акцент смещается именно на эмотивно-коннотативный компонент. Напомним, что именно психологическая категория «эмоция» переходит в языковую «эмотивность», поэтому эмотивный компонент лексического значения также принято обозначать как эмоциональная окраска, эмоциональная оценка, эмоционально-оценочное значение.

Возьмем на себя смелость предположить, что когнитивно-номинативно-денотативная функция языка подтверждает произвольность, конвенциональность, определенную статичность языкового знака, в то время как экспрессивно-прагматично-эмотивная функция может свидетельствовать о мотивированности, иконичности и динамизме языковых единиц.

Именно звуко-символические слова, обладающие фонетически мотивированной связью между звуком (формой) и значением (содержанием), являются яркими фонетическими средствами экспрессивности/эмоциональности.

Высокой степенью экспрессивности и эмоциональности обладают пейоративы, которые составляют значительный пласт лексики в любом языке. Слова с отрицательно-оценочным значением в полной мере соответствуют критериям звуко-символических слов, выделенных С.В. Ворониным [Воронин, 1982], «обладают образной и в то же время конкретной семантикой, обозначают простейшие элементы психофизиологического универсума человека, обладают стилистической ограниченностью, морфологической и фонетической гипераномальностью» [Котомцева, 2016, с. 116].

Пейоративность – это «свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб представителям социума» [Лескина, 2010, с. 9]. Единицы языка, обладающие подобной семантикой, называются пейоративами.

Лабиялизация хорошо известна как один из способов выражения презрительного, негативного значения. Лабияльные пейоративы – многочисленные и чрезвычайно характерные образования в самых различных языках. В эмоционально-интеллектуальной сфере символизм данного фонемоти́па определяется артикуляторно выразительными движениями лица, сопровождающими эмоции презрения, неудовольствия, отвращения, которые в значительной степени выражаются посредством движения мышц вокруг рта и носа.

С целью подтвердить звуко-символическую роль лабиальных звуков в выражении пейоративности мы провели фоносемантический анализ *экспрессивных лексических единиц* (ЭЛЕ) [Фролова, 1996]. О.П. Фролова представила оригинальную классификацию ЭЛЕ по словообразовательному способу выражения экспрессивности, мы же воспользовались данной лексической группой для проведения фонетического анализа.

1. ЭЛЕ, образованные по моделям словосложения

pǔ 朴 ‘бесхитростный’ + dùn 钝 ‘тупица’ → pǔ dùn 朴钝 ‘тупица’;

xióng 雄 ‘самец’ + fēng 蜂 ‘пчела’ → xióng fēng 雄蜂 ‘трутень’;

hǎo 好 ‘хороший’ + sè 色 ‘цвет, секс’ → hǎo sè 好色 ‘ловелас’;

mén 门 ‘ворота’ + kè 客 ‘клиент’ → mén kè 门客 ‘прихлебатель’.

2. ЭЛЕ, образованные путем сложения корневой морфемы

• с морфемой chóng 虫 ‘насекомое’ (1):

hútu 糊涂 ‘глупый’ + (1) → hútu chóng 糊涂虫 ‘тупица, простофиля’;

• с морфемой guǐ 鬼 ‘черт’ (2):

è 饿 ‘голод’ + (2) → è guǐ 饿鬼 ‘голодранец, сопляк’;

jiǔ 酒 ‘вино’ + (2) → jiǔ guǐ 酒鬼 ‘забуддыга’;

• с морфемой dàn 蛋 ‘яйцо’ (3):

huài 坏 ‘плохой’ + (3) → huài dàn 坏蛋 ‘дрянь, сволочь’;

bèn 笨 ‘тупой’ + (3) → bèn dàn 笨蛋 ‘тупица’;

• с морфемой gùn 棍 ‘палка’ (4):

è 恶 ‘плохой’ + (4) → è gùn 恶棍 ‘дубина’;

• с морфемой mí 迷 ‘увлекаться’ (5):

cái 财 ‘богатство’ + (5) → cái mí 财迷 ‘корыстолюбец’;

• с морфемой huò 货 ‘товар, вещь’ (6):

chòu 臭 ‘дурной запах’ + (6) → chòu huò 臭货 ‘поганец’;

jiàn 贱 ‘дешевый’ + (6) → jiàn huò 贱货 ‘мерзавец’;

• с морфемой zhǒng 种 ‘вид, сорт’ (7):

è 恶 ‘дикий’ + (7) → è zhǒng 恶种 ‘деревенщина’;

huài 坏 ‘испорченный’ + (7) → huài zhǒng 坏种 ‘ничтожество’.

3. ЭЛЕ, образованные путем добавления экспрессивной характеристики к обычному (двусложному) слову:

tóujī 投机 ‘спекулировать’ + fēnzi 分子 ‘элемент (о человеке)’ →
tóujī fēnzi 投机分子 ‘приспособленец’;

huài 坏 ‘плохой’ + dōngxi 东西 ‘вещь’ → huài dōngxi 坏东西 ‘подлец’;

fā 乏 ‘недоставать’ + dōngxi 东西 ‘вещь’ → fā dōngxi 乏东西 ‘профилия’;

bèn 笨 ‘глупый’ + jiāhuò 家货 ‘утварь, посуда’ → bèn jiāhuò 笨家货 ‘дубина, головотяп’;

qióng 穷 ‘бедный’ + bàngzi 棒子 ‘палка’ → qióng bàngzi 穷棒子 ‘голытьба’;

lǎo 老 ‘старый’ + bàngzi 棒子 ‘палка’ → lǎo bàngzi 老棒子 ‘старый хрыч’.

II. Экспрессивная характеристика человека в словах, образованных аффиксацией

1. ЭЛЕ, образованные при помощи «чистых аффиксов», например, zi 子, er 儿, tou 头:

hú 胡 ‘борода’ + zi 子 → hú zi 胡子 ‘бандит’;

piàn 骗 ‘обманывать’ + zi 子 → piàn zi 骗子 ‘плут, жулик’;

huā píng 花瓶 ‘ваза для цветов’ + er 儿 → huā píng er 花瓶儿 ‘цаца’;

kōu 抠 ‘ковырять’ + er 儿 → kōu er 抠儿 ‘скряга, проныра’;

kōng 空 ‘пустой’ + tou 头 → kōng tou 空头 ‘враль’;

huá 滑 ‘скользить’ + tou 头 → huá tou 滑头 ‘мошенник, плут’.

2. ЭЛЕ, образованные при помощи полусуффиксов zhe 者, han 汉, fu 夫, shou 手:

jìshēng 寄生 ‘паразит’ + zhe 者 → jìshēng zhe 寄生者 ‘тунеядец’;

mén wài 门外 ‘дилетант’ + han 汉 → mén wài han 门外汉 ‘профан’;

kuáng 狂 ‘сумасшедший’ + fu 夫 → kuáng fu 狂夫 ‘идиот’;

yóu 游 ‘гулять’ + shou 手 → yóu shou 游手 ‘бездельник’.

3. ЭЛЕ, образованные при помощи префиксов ā 阿, lǎo 老:

ā 阿 + fēi 飞 + ‘лететь’ → ā fēi 阿飞 ‘баловень, пижон’;

ā 阿 + lín 林 ‘лес, чаща’ → ā lín 阿林 ‘остолоп, дурень’ (диал.);

lǎo 老 + gǒu 狗 ‘собака’ → lǎo gǒu 老狗 ‘старый хрыч’.

lǎo老 + pǐfū匹夫 ‘невежда’ → lǎo pǐfū老匹夫 ‘кретин’.

III. ЭЛЕ, образованные при помощи повтора:

huā花 ‘цветок’ + gōngzǐ公子 ‘молодой барин’ → huā huā gōngzǐ花花公子 ‘пижон, хлыст’.

Наглядно видно, что все слова (всего 36) имеют отрицательные коннотации, а в фонетическом составе преобладают лабиальные финали, которые составляют 81% (29 слов). Проведенное исследование подтверждает наличие звукосимволической связи между лабиальными звуками и отрицательным экспрессивно-эмоционально-оценочным значением.

Представляется интересным в качестве перспективы для дальнейшего исследования рассмотреть соотношение эмоционального и рационального в детском лексиконе. Ведь именно дети способны заниматься словотворчеством и создавать собственные уникальные наименования, в которых присутствует эмоциональная звукоизобразительная составляющая.

Список литературы

Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / под ред. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983: [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 15.03.2020).

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Котомцева Е.А. Звукосимволизм пейоративов (на материале словаря В.И. Даля) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 116–119.

Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2010: [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/54867571-Leskina-seda-vitalevna.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Матвеева Т.В. Экспрессивность русского языка. Германия: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.

Фролова О.П. Типы личностных характеристик в системе экспрессивной лексики китайского языка // Китайское языкозна-

ние: материалы VIII междунар. науч. конф. (г. Москва, 25-26 июня 1996 г.). М., 1996. С. 149–153.

Шляхова С.С. О состоянии фоносемантики в России. Часть первая // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1 (35). С. 99–114.

汉俄词典/上海外国学院汉俄词典编写组编.北京: 商务印书馆出版, 1992. 1250页.

Prutskikh Tatiana Anatoljevna (Saint Petersburg, Russia)

SOUND SYMBOLISM OF CHINESE EXPRESSIVE WORDS

The purpose of the article is to confirm the sound-symbolical role of labial sounds in expressing pejoration. Thus, the author has carried out a phonosemantic analysis of the Chinese expressive lexical units (ELU) with negative evaluative connotations.

Keywords: phonosemantics, pejorativeness, labial finals, expressive words, Chinese language.

УДК 81.27

Ю.В. Сергаева, Е.В. Никитина
(Санкт-Петербург, Россия)

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В статье даётся определение понятиям «язык/дискурс насилия», рассматривается проблема типологии насилия и агрессии. Предметом анализа выступили семантически и структурно маркированные языковые единицы дискурса насилия, их реализация в контексте и прагматика функционирования в СМИ и саморепрезентативных описаниях домашнего насилия.

Ключевые слова: агрессия, домашнее насилие, язык насилия, дискурс насилия, прагмалингвистика, деакцентуация вины.

Растущее внимание общественности, СМИ и законодательных органов к проблемам домашнего и других видов насилия свидетельствует об актуальности изучения этих вопросов не только в области криминологии и юриспруденции, но и через призму различных гуманитарных дисциплин.

Выявление типологии агрессии и насилия, их взаимосвязи, причин и следствий становится фокусом исследования в психологии (А.Н. Buss, Т.К. Shackelford, К. Lorenz, К. Изард, Б. Крейхи, L. Berkowitz), философии и социологии (Э. Фромм, М. Фуко, Й. Галтунг, Г.Н. Киреев, А.Д. Швейцер), журналистике и лингвистике (Т.И. Барсукова, В.И. Жельвис, Ю.В. Щербинина, Т. Ван Дейк, П. О'Коннор, И.Г. Жирова, А.С. Ларионова и др.).

Интересный подход к анализу природы человеческой агрессии предложил философ и социолог Эрих Фромм, выделив два её вида: доброкачественную (оборонительную) и злокачественную (т.е. деструктивную, ведущую к жестокости) [Фромм, 2008, с. 18]. Такая характеристика агрессии исходит из причин её возникновения. Доброкачественная агрессия, согласно философскому подходу Фромма, возникает как реакция на «угрозу витальным интересам индивида» [там же, с. 208], проявляется в настойчивости, храбрости. Злокачественная же агрессия подразумевает желание человека доминировать над другими, полу-

чать удовольствие от результатов собственной жестокости. Немаловажно, что Э. Фромм акцентирует внимание на идее о том, что причину жестокости и деструктивности человека «следует искать не в унаследованном от животных разрушительном инстинкте, а тех в факторах, которые отличают человека от его животных предков...» [там же, с. 397].

Выделение форм личностного (прямого) и структурного насилия в концепциях Й. Галтунга и М. Фуко основано на наличии/отсутствии непосредственного субъекта насилия – индивидуума или целой системы в виде государства [Galtung, 1969; Foucault, 1978]. И если военная агрессия, расизм и классовая дискриминация являются очевидными формами структурного насилия, то в других случаях, учитывая тесную взаимосвязь данных видов насилия, не всегда легко провести грань между ними и охарактеризовать, например, домашнее насилие как структурное, а не личностное, т.к. государство не обеспечивает должную защиту и поддержку жертвам домашней агрессии.

Что касается лингвистического аспекта проблемы, то, в отличие от философии и социальных наук, изучение языка и риторики, используемых для описания домашнего и другого вида насилия, является относительно молодым направлением исследований в лингвистике, где филологов, прежде всего, интересуют вербальные и невербальные формы насилия, а также прагматический эффект такого воздействия. Так, вербальная агрессия, по мнению Ю.В. Щербининой, характеризуется как «негативный способ коммуникативного поведения», «деструктивное общение» [Щербинина, 2006, с. 12–13], при изучении которого анализу подвергается а) внешний (формальный) уровень представления – т. е. специфика лексических и синтаксических средств, реализующих вербальную агрессию, интонации, тембр, темп, громкость речи и б) внутренний (содержательный) уровень – т. е. анализ дискурсивного контекста, общей тематики, конкретного содержания, интенциональной (прагматической) направленности агрессивных высказываний [там же, с. 14–15].

Совпадает ли понятие вербальной агрессии с так называемым «дискурсом насилия»? Мы придерживаемся мнения, что последнее несколько шире. Согласно американскому лингвисту и социологу П. О'Коннор, дискурс насилия это – «язык, кото-

рый сопровождает акты насилия и посредством которого такие акты передаются и воспроизводятся, а также то вербальное наполнение языка, которое способствует проявлению насилия» ([O'Connor, 1995, p. 310] – *перевод наш*). Так, в статье “Discourse of Violence” П. О’Коннор рассматривает не только тексты, которые описывают и передают акты насилия, но и тексты, предшествующие и способствующие этим актам. Автор подчеркивает, что тексты такого характера нуждаются в подробном дискурсивном анализе именно с точки зрения языковых характеристик. По сравнению с множеством работ исключительно социологического направления исследований дискурса насилия в лингвистическом аспекте не так много [O'Connor, 2000]. Акцентируя внимание на важности лингвистического анализа, П.О’Коннор отмечает, что слова, описывающие насилие, могут выступать в качестве доказательств формирования насильственных импульсов. Она утверждает, что дискурс-анализ нарративов жертв и преступников может дать исследователям более четкое и глубокое понимание насилия и его причин, а значит и способов его предотвращения [O'Connor, 1995, p. 310].

Опровергая детскую поговорку “*Sticks and stones may break my bones, but words can never hurt me*”, О’Коннор ставит вопрос о способности слов ранить чувства человека и о том, в каких ситуациях они обладают такой силой. Враждебные высказывания, несомненно, несут в себе вред, являясь одновременно нарушением личного или группового социального пространства. Такие высказывания вербально закрепляют за адресантом право на насилие и более того, зачастую побуждают насилие в сторону адресата, а также ответ от человека или группы, на которых направлены сами высказывания [там же, p. 310].

Одним из фокусов изучения языка насилия, представляющих для нас интерес в настоящей статье, являются особенности описания инцидентов насилия как самими агрессорами, так и представителями медиа. И в том и в другом случае, как правило, описание несколько искажает действительность. Так, в медиадискурсе нередко наблюдается перенос фокуса ответственности, её деакцентуация, словно насилие случается над жертвой без участия индивида, который принял решение его совершить. Авторы статьи “The Language of Violence” Э. Тайлер и Р. Ма-

кей утверждают, что языковые средства, используемые в современных СМИ для описания насилия, минимизируют жестокость преступника [Women's Health Goulburn North East, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://whealth.com.au/news/wp-content/uploads/2018/10/The-Language-Of-Violence-1.pdf>]. Примером такого рода может послужить типичная для медиазаголовка синтаксическая конструкция пассивного залога с опущенным вспомогательным глаголом:

WOMAN ATTACKED AND RAPED IN DERRY

[<https://www.irishtimes.com/news/>]

В конструкциях такого типа объект действия является подлежащим и, соответственно, фокусом всего предложения. Преступник, ответственный за насилие, в заголовке не упоминается. Чаще всего в криминальных новостях это объясняется тем, что он неизвестен и находится в розыске. Однако, даже в тех случаях, когда личность нападавшего известна (о нём идет речь далее в тексте статьи, при этом иногда им оказывается супруг жертвы), типовая структура медиазаголовка не меняется:

WOMAN ATTACKED, RAPED AFTER LEAVING TURKEY HILL STORE IN PA.

Franklyn Nathaniel Drayton, 34, of Tennessee, faces charges of raping a woman after she left a Turkey Hill store in Wilkes-Barre.

[<https://www.pennlive.com/daily-buzz/>]

С одной стороны, это структурная особенность медиатекста, но с другой стороны, как подчеркивают Э. Тайлер и Р. Макей [там же, с. 4-7], такое построение фразы приводит к вопросам о том, каким образом женщина может избежать самой ситуации насилия. Использование подобных пассивных конструкций игнорирует ответственность преступника за совершенный акт насилия. При ином построении заголовка, когда ответственность выражается четко и лежит на индивиде, совершившем акт насилия, насилие перестает восприниматься как, пусть и трагичное, но должное, а жертва перестает быть виновником самого акта насилия. В противном случае, преступник вычеркивается из повествования, становясь невидимым для дальнейшего обсуждения. Такое использование языка приводит к тенденции обвинять жертву (*victim blaming*), а не преступника, жертва предстает пас-

сивным, несопротивляющимся участником ситуации. Например, это можно наблюдать в следующих комментариях к новости о нападении на женщину, опубликованной на странице издания the Sun Herald в Facebook:

«*Too many people take too many risks...No reason to put yourself in that position.*»

«*I would not run alone that late at night, especially being a woman. Go during daylight or go with a running buddy.*»

«*Hmmm, story sounds kinda fishy to me!*»

[<https://www.clarionledger.com/story/news/2018/11/16/supporters-victim-blaming-woman-raped-ms-coast-bridge/1998538002/>]

Что касается лексических средств деакцентуации вины, то в последнее время подвергается критике использование, например, эвфемистических оборотов *unwanted sex* вместо термина *rape* или *sex attacker* вместо *rapist* и, наоборот, поощряется использование термина *marital rape*. Как подчеркивают авторы статьи “The Language of Violence” Э. Тайлер и Р. Макей, насилие следует рассматривать как односторонний феномен (*one-way act*). В отличие от социальных ситуаций взаимодействия, где происходит взаимное и обоюдное общение или действие, насилие заключается в односторонних действиях одного индивида против воли и благополучия другого, даже в кругу семьи. Следовательно, для описания насилия необходимо использовать лексические единицы, которые несут в себе идею этого одностороннего социального феномена. Использование смягчающих оборотов делает ситуацию более сложной, ведь называя изнасилование «нежеланным половым актом», сам процесс приравнивается к некому бытовому взаимодействию вне правового поля, в то время как изнасилование – это акт, в котором присутствует жертва и преступник (или преступники), и отсутствует согласие всех сторон [World report on violence and health, 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42495/9241545615_eng.pdf].

Далее перейдём к дискурс-анализу описания домашнего насилия и рассмотрим примеры, найденные нами в документальном короткометражном фильме “Convicted Abusers Reflect on Their Violent Behavior” (фильм размещён на Интернет-платформе ли-

тературного журнала The Atlantic). В нем запечатлены нарративы участников групповой терапии, осужденных за домашнее насилие и рассуждающих о своих поступках и приведших к ним причинах.

В ходе лексико-семантического анализа корпуса примеров дискурса насилия были выделены 6 семантических групп, объединенных семой «насилие» и представляющих собой следующие компоненты описания ситуации насилия: 1) действия, предполагающие ссору; 2) инструменты, используемые для совершения насилия; 3) насилие и жестокость как черты личности; 4) последствия физического насилия; 5) физические действия, предполагающие насилие и жестокость; 6) физические действия, предполагающие убийство.

В процессе прагмалингвистического анализа корпуса текстов также были выделены функции языковых средств, восходящие к таким коммуникативным тактикам, как отвод критики, обвинение, признание. К полученным функциям относятся: 1) акцентуация ответственности; 2) деакцентуация ответственности; 3) обвинение жертвы; 4) передача эмоционального состояния адресанта.

Например:

[ROBERT] *“My wife and I started arguing, I got mad and I threw the TV remote and it busted and the batteries flew out and hit her on the arm. She had a bruise on her arm. I mean I always grew up knowing that, you know, you don’t hit women, I always grew up that way, you know. And...I’m not perfect, you know. Obviously I’m here and I take responsibility but at the same time this is not my first class. This is actually my third class. I mean I’m trying to change. Sometimes I just don’t think, I just react. <...> I should have learned from the first time, I didn’t apparently. <...> I grew up in a hostile home, I used to get hit, abused. That doesn’t work. It doesn’t work. Because in reality all it do just piss me off more, put more fuel and more fire in my heart. It completely kept the cycle going”*. [The Atlantic, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/video/index/580378/group/>]

Проанализируем отрывок с точки зрения его лексико-семантических и прагматических характеристик, согласно выделенным выше семантическим группам и функциям:

- Семантическая группа «действия, предполагающие ссору»: *started arguing*
- Семантическая группа «физические действия, предполагающие насилие и жестокость»: *to throw something, to react, to hit, to abuse*
- Семантическая группа «инструмент/средство совершения насилия»: *TV remote, batteries*
- Семантическая группа «последствия физического насилия»: *to have a bruise*

Выделенные 4 из 6 вышеназванных групп представляют собой, казалось бы, типичный случай бытовой ссоры, не повлекшей серьёзных последствий. Однако некоторые лексические единицы вносят дополнительный смысл в происшедшее. Например, лексема *to react* реализует значение насилия лишь в данном контексте, являясь, по сути, эвфемизмом лексемы *to attack*. Тот факт, что средством совершения насилия оказался не брошенный в женщину телевизионный пульт, а случайно выпавшие из него батарейки (*the batteries flew out and hit her on the arm*), говорит о якобы непреднамеренности причинения вреда, но в то же время мужчина уже третий раз проходит курс групповой терапии для совершивших домашнее насилие и осужденных за него (*This is actually my third class*). Это заставляет усомниться в правдивости его версии и усмотреть признаки лингвистической манипуляции.

Главной целью манипуляции является не информирование, а оказание воздействия, «принуждение слушающего к некому представлению о действительности, эмоциональному реагированию, не совпадающему с тем, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно» [Гурочкина, 2003, с. 136]. Так, адресант подбирает определенные способы транслирования информации и его главной целью становится направленное имплицитное воздействие на адресата. Манипулирование в рассматриваемом примере происходит с помощью следующих средств и реализуемых ими функций:

- Функция «передача эмоционального состояния адресанта»: *to get mad, to get pissed off, to put more fuel, to put more fire*
- Функция «акцентуация ответственности»: *to take responsibility*
- Функция «деакцентуация ответственности»: *just, to not think, to grow up in a hostile home, to get hit, to be abused*

Итак, проанализируем средства признания и снижения ответственности:

I'm trying to change; I take responsibility; I'm not perfect – иллокутивная сила этих высказываний лежит в признании ответственности говорящего за свои действия или поведение.

I always grew up knowing that, you know, you don't hit women – адресант утверждает, что рос в среде, где насилие к женщинам порицается, тем самым он признает противоречие своих действий по отношению к своему воспитанию. Однако при этом адресант сообщает о своем личном опыте жизни в семье, где он был жертвой, подчеркивая, что испытанное насилие стало причиной и его агрессивного поведения:

I grew up in a hostile home, I used to get hit, abused.

Порицая насилие в целом, адресант смещает фокус своей собственной ответственности, снижая её степень. Интересен также в данном высказывании выбор метафор огня (*fire*) и горючего (*fuel*) для описания своих эмоций:

It doesn't work. Because in reality all it do just piss me off more, put more fuel and more fire in my heart. It completely kept the cycle going. – адресант констатирует факт, что некая неконтролируемая внешняя сила (*it*) усиливает эмоциональное реагирование и берет вверх над его рациональной стороной.

Однако «неконтролируемость» ситуации может оказаться мнимой. Важно подчеркнуть, что явление лингвистической манипуляции напрямую коррелирует с тезисами о реализации власти и контроля в дискурсе, предложенными Ван Дейком. Он утверждает, что доминирование и контроль реализуются в дискурсе когнитивными и стратегическими способами, такими как «убеждение и манипуляция», с целью изменения мнения других в своих собственных интересах [Van Dijk, 1993: 254]. Как показал анализ, нарратив, описывающий совершенный ранее акт домашнего насилия, скорее сознательно, чем бессознательно, направлен на сглаживание ситуации, оправдание действий или фокусируется на эмоциональном состоянии адресанта.

В заключение выскажем мнение, что манипуляцией и, отчасти, дискриминацией следует считать то, что, как и в случае медийного описания насилия над женщинами, анализ саморепрезентативных нарративов инициаторов домашнего насилия

выявил лексико-семантические, структурные и прагматические особенности: использование языковых средств, выполняющих функцию снижения ответственности, смещения её фокуса, или её отрицания, а в некоторых случаях и обвинение самой жертвы.

Список литературы

Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. № 5(3). – С. 136-141.

Жирова И.Г. Семантика агрессии. М., 2016.

Фромм Э.З. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2008.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

Adams P.J., Towns A. & Gavey N. Dominance and Entitlement: The Rhetoric Men Use to Discuss their Violence towards Women. *Discourse & Society*. 1995. 6(3). P. 387–406.

Foucault M. *The History of Sexuality. Volume 1: An Introduction*. N.Y., 1978.

Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167-191.

O'Connor P. Discourse of Violence. *Discourse & Society*. 1995. 6(3). P. 309–318.

O'Connor P. *Speaking of Crime: Narratives of Prisoners*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000.

The Atlantic, 2019 [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 02.06.2020)

Van Dijk T. Principles of critical discourse analysis // *Discourse & Society*. London, 1993. - № 4(2). – PP. 249-283.

Women's Health Goulburn North East, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://whealth.com.au/news/wp-content/uploads/2018/10/The-Language-Of-Violence-1.pdf>. (дата обращения: 05.06.2020)

World report on violence and health, 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42495/9241545615_eng.pdf (дата обращения: 12.06.2020)

*Sergaeva Yulia Vladimirovna, Nikitina Elizaveta Vasilyevna
(Saint Petersburg, Russia)*

DOMESTIC VIOLENCE AS AN OBJECT OF DISCOURSE ANALYSIS

The article defines the terms “language / discourse of violence”, explores the problem of violence and aggression typology. The authors focus on semantically and structurally marked units of the discourse of violence, on their meanings and pragmatic functions used in media and narratives of domestic violence.

Keywords: *aggression, domestic violence, language of violence, discourse of violence, blame shifting.*

И.Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ XIX–XXI вв.

В статье рассматриваются некоторые изменения в языковых практиках англоязычных стран, связанные с переосмыслением гетеросексуальной матрицы, структурирующей гендерные отношения в социальной реальности англоязычных сообществ в XIX–XXI вв.

***Ключевые слова:** социальная самоидентификация, маскулинность, фемининность, гендерная концептосфера, деконструкция гетеросексуальной матрицы.*

Сегодня гендерные исследования являются одним из наиболее популярных направлений в лингвистике и других гуманитарных науках. Гендер понимается как один из модусов социальной ситуации личности, как некое социокультурное последствие принадлежности к одной из двух биосоциальных групп в ситуации доминирования мужской группы и маскулинных ценностей.

Исследование гендерных отношений, предпринятое представителями гуманитарных наук в XX–XXI вв., показывает, что различие по признаку пола не задано и не закреплено природой, а осуществляется человеком. Пол является культурным конструктом, включенным в исторический процесс развития общества и ментальности, а программы воспитания и нормы женственности и мужественности всегда ориентированы на экономические требования, выдвигаемые данной эпохой для определенного сословия.

Тенденция, связанная с рассмотрением различия социальных ролей и ментальных характеристик пола, появляется в философии в эпоху Нового времени. Именно в это время в философии и культуре формулируются представления о маскулинности и фемининности как часть формирования национального менталитета, и соответственно, идеальные модели мужчины и женщины.

Разница в поведении и когнитивных стилях представителей двух биосоциальных групп становится принципиальной.

Для эпохи раннего Просвещения, как отмечает В. Эрих-Хэфели, характерна относительно эгалитарная модель отношения полов, но новый, утвердившийся в XVIII веке дискурс о полах, нашедший свое выражение в сочинениях Ж.Ж. Руссо, представляет ту модель, «против которой борется феминистское движение с самого своего зарождения» [Эрих-Хэфели, 1999, с. 56].

Новый дискурс о женщинах был инициирован Руссо в его книге «Эмиль», особенно в пятой книге «Софи, или женщина», где он представил свою модель «новой женственности» [Rousseau, 1964]. Руссо ставит вопрос о том, является ли женщина существом рода «человек» и решает его положительно; во всем же, что касается пола, мужчина и женщина различны. Все в женщине определяется полом – ее конституция, дух, темперамент и характер. Руссо полагает, что совершенный мужчина и совершенная женщина так же мало сходны духом, как своим внешним обликом. Более того, для женщины является добродетелью то, что для мужчины было бы недостатком [Rousseau, 1964, с. 458].

Исходный пункт дифференциации Руссо видит в «общей цели природы»: для продолжения человеческого рода необходимо, чтобы мужчина был активным, сильным и готовым к наступлению, а женщина – слабой, пассивной и робкой. Для женщины не предусмотрено самоопределение: ее жизнь проходит во всевозможных ориентациях на мужчину – хозяина и господина. Руссо уверен, что такая «ориентация на других» заложена в самой природе женщины. В то время как Эмиля поощряют свободно и практически действовать, Софи должна постоянно иметь в виду удовольствие и одобрение другого – «приятная» является важнейшей характеристикой в оценке ее качеств. Поэтому женщина постоянно смотрит в зеркало: и буквально, и в переносном смысле. Ее игра представляет собой самоотчуждение, идентификацию себя с объектом чужого желаяния. Особенно важно то, что этот взгляд преподносится как «естественный», законный и данный самой природой. Руссо, ненавидевший неравенство, тем не менее, считал, что лишь мужчина посредством своего Разума совершает некий интеллектуальный путь усиления в себе истинной человеческой природы, что и делает его по-настоящему

моральным существом. Женщина же должна быть воспитана в отказе от субъектности, она должна привыкнуть подавлять в себе собственную активность. Убежденность в том, что именно такое отношение полов соответствует природе, долгое время мешала критической оценке этой модели.

Обоснование дуализма полов особенно интенсивно формулировалось именно тогда, когда разрыв между идеалом равенства всех людей и реальным положением женщин и других «меньшинств» особенно бросался в глаза – а именно в эпоху, последовавшую за Просвещением [Хоф, 1999, с. 26].

Природа женщины, как отмечает В. Вулф, полностью изменилась вскоре после 1750 года [Вулф, с. 1989]. Женщина стала существом, наделенным качествами, абсолютно противоположными мужским. «Слабый» пол превратился в «противоположный пол». Это случилось, по мнению М. Фуко, в соответствии с логикой познавательного процесса, который в период Просвещения предполагал оперирование взаимоисключающими категориями противоположности (бинарными оппозициями) [Foucault, 1969]. Как полагает С. Бордо, настало Новое время в философии, и появившийся в этот период картезианский дуализм как основание современной науки, на долгие годы утвердил способ познания, в котором глубоко заложено отрицание женского начала [Bordo, 1987, с. 100].

Поляризация характеров полов и практика «разделенных сфер» (divided spheres) характерна для периода зарождения и становления буржуазного общества и связана с необходимостью разделения труда: мужчина трудится на производстве, а женщина – в семье. Различия между анатомией и физиологией мужского и женского тела, а также между мужской и женской ментальностью, казавшиеся раньше не такими значительными, в этот период становятся принципиальными. Список женских отличительных черт включает, в рамках этих противопоставлений, такие бинарные оппозиции, как естественность (против культуры) и нравственное чувство (против мужского интеллекта) [Шаберт, 1999, с. 116].

Анализ концепции «новой женственности» и вся западная философская традиция дает возможность сделать вывод о том, что концепт «женщина» конструируется мужчиной на противоречиях мужского дискурса и отражает мужское представление о ней

как о «другом», при этом совершенно естественным образом она обозначается как «тайна» или «загадка», а представление о диаметральных различиях двух полов остается в силе, начиная со времени позднего Просвещения и до конца XIX в. (начала массового феминистского движения).

До этого момента в основном течении западной культуры дискурсивно невозможно было быть вне разницы между мужчиной и женщиной: каждый человек в каждый момент времени был классифицирован как мужчина или женщина. Власть бинарной логики пола над морфологией тел не продуцирует и не именуется ничем, кроме этих двух – никаких других тел, желаний или ролей, считает Дж. Батлер. Исследовательница идет еще дальше и утверждает, что определяющая пол гетеросексуальная власть дает *гендеризированные* возможности стать понятным субъектом вообще [Butler, 1993].

С тех пор гендерные представления сильно изменились. Гендерная сфера как область социальной самоидентификации человека постоянно модифицировалась в течение XX века – сначала стали размываться оппозиции мужское/женское, маскулинность/фемининность. К началу XXI века трансгендерность и транссексуальность, а также однополые отношения, стали рассматриваться в западноевропейской культуре как приемлемые социальные практики. Таким образом, гетеросексуальная матрица была демонтирована. Более того, гендер стал рассматриваться как территория свободы: ребенку говорят о том, что у него есть выбор, кем ему стать – мальчиком или девочкой. Можно по-разному относиться к этой ситуации, однако несомненно, что данное положение вещей постепенно находит отражение в словаре современных европейских языков, ибо дискурс послушно отражает все новое в области социальной реальности.

Прежде всего, в языке находит отражение признание легитимности существования групп людей, не вписывающихся в традиционную бинарную логику морфологии тел, и связанную с этим необходимость обозначения этих людей и новых социальных практик:

non-binary people – трансвеститы и транссексуалы (здесь и далее дефиниции приводятся по словарю Multitran: <https://www.multitran.com>);

необходимость обозначения *non-binary people*, для чего вводится сингулярное употребление местоимения *they*;

same sex marriage – однополый брак;

pinkwashing – (*pink+washing*) – популяризация *lesbian – gay – bisexual and queer* идей и прав;

misgendering – мисгендерные обращения к трансгендеру в несоответствующем его гендерной идентичности грамматическом роде (чаще всего, с целью оскорбить);

необходимость дегендеризации в ряде случаев номинативной деятельности за счет расширения морфологического репертуара языка, напр.:

Latinx – лицо латиноамериканского происхождения как нейтральный термин без указания на пол, альтернатива для *Latino, Latina*;

необходимость гендерно нейтрального обращения к аудитории – так, стюардам рекомендовано новое обращение к авиапассажирам – *everyone* вместо *ladies and gentlemen*;

новое аксиологическое осмысление понятий: *toxic masculinity* – идеализированные брутальность, бесчувственность и самцовость в социальной роли и поведении мужчины (вместо *hegemonic masculinity*).

Эти вновь зарегистрированные языковые факты отражают изменения социальной реальности, маркирующие демонтаж гетеросексуальной матрицы, которая с конца эпохи позднего Просвещения регулировала гендерные отношения внутри англоязычных сообществ.

Список литературы

Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко-философской антропологической традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2003. № 6.

Вулф В. Своя комната // Литературное обозрение, 1989, № 6. С.169–190.

Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / пер. В. Алавердяна и Н. Носовой // Пол, гендер, культура. Ч. 1. 1999. С. 23–55.

Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы / Пол, гендер, культура. Ч.1. 1999. С.109–123.

Эрих-Хэфели В. К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVIII века: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи // Пол, гендер, культура. Ч.1. 1999. С.55–107.

Bordo S. R. *The Flight to Objectivity: Essays on Cartesianism and Culture*. N.Y., 1987.

Butler J. *Bodies that Matter. On the Discursive Limits of "Sex"*. New York: Routledge, 1993.

Foucault M. *L'archeologie du savoir*. Paris, 1969.

Rousseau J.J. *Emile ou de l'education*. Paris, 1964.

Serova Irina Georgievna (Saint-Petersburg, Russia)

THE DYNAMIC GENDER REPRESENTATIONS IN THE DISCURSIVE PRACTICES OF THE XIX–XXI CENT

The article highlights some changes in the linguistic practices of the English language, connected with the reconceptualization of heterosexual matrix, which structured the gender relations in the social reality of the XIX-XXIth centuries.

Keywords: social self -identification, masculinity, femininity, gender conceptual space, deconstruction of heterosexual matrix.

УДК 81.373.2

А.В. Сидоров (Санкт-Петербург, Россия)

ПСЕВДОНИМЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

В статье кратко излагается история понятия «псевдоним», а также проводится анализ основных подходов к исследованию англоязычных авторских псевдонимов – ономатографический, литературоведческий и ономастический.

Ключевые слова: псевдоним, имя собственное, литературная маска, ономастика, ономатография, литературоведение.

Слово «псевдоним» состоит из греческого префикса ψευδος («ложный») и слова ὄνομα («имя»), однако в корпусе английского языка оно бытует в качестве прямого заимствования – pseudonym. Первый толковый словарь английского языка Abecedarium Anglo-Latinum, составленный Ричардом Хьюлетом в 1552 году, его не содержит. Словарь The English Dictionarie, or, An Interpreter of Hard English Words, вышедший в 1623 году, включает только описание слова pseudograph (a counterfeit writer) и префикса pseudo- (all words beginning with “Pseudo-”, signifie counterfeit or false).

В англоязычных толковых словарях XVIII–XIX вв. – Noah Webster’s American Dictionary of the English Language (1868), The Concise Oxford Dictionary of Current English (1919) – слово «псевдоним» уже трактуется как **ложное (false) или вымышленное (fictitious) имя автора или творческой личности**. Данное определение встречается и в современных словарях английского языка (Cambridge Online Dictionary, McMillan Online Dictionary, Oxford Online Dictionary и др.), что дает основания считать его устоявшимся.

В настоящее время определения слова «псевдоним» можно встретить не только в толковых словарях, но и в специализированных справочниках по литературоведческой и ономастической терминологии:

псевдоним – подпись, которой автор заменяет свое настоящее имя [Кожевников, 1987, с. 310];

псевдоним – это вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него [Подольская, 1978, с. 118].

В первом определении подчеркивается то, что псевдоним – это инструмент в творческом арсенале писателя, а во втором – что псевдоним представляет собой разновидность онима (имени собственного).

В исторической перспективе можно выделить три основных подхода к исследованию псевдонимов, в частности, тех, что принадлежат англоязычным авторам.

Ономаграфический подход: его название происходит от греческого слова «ономаграфия» (*ονοματογραφία* – «записывание имен») и предполагает словарное описание различных видов онимов [Матвеев, 2005, с. 9]. Он связан с широкомасштабной инвентаризацией псевдонимов, начавшейся в англоязычных странах в середине XIX века – в этот период значительно выросло число издаваемых словарей, посвященных псевдонимным произведениям и самим авторским псевдонимам.

Составители словарей в основном шли по пути сужения географии научного поиска: в одних случаях рамки инвентаризации сводились к определенной стране или региону, в других – к конкретному жанру или литературному направлению. Существуют примеры и обратного: так, двухтомник Уильяма Аббатта, составленный в 1924–1925 гг., охватывал литературные имена, инициалы и эпиграммы американских, британских, а также канадских авторов.

В дальнейшем возникла тенденция объединять в рамках справочников и словарей не только авторские псевдонимы, но и прозвища, клички общественных деятелей, музыкантов, журналистов, политиков и т.д. Эта тенденция сохраняется и по сей день, о чем свидетельствует наличие таких словарей, как *Adrian Room's Dictionary of Pseudonyms: 13,000 Assumed Names and Their Origins* (2010). Главная особенность ономаграфического подхода заключается в констатации наличия псевдонима у тех или иных литераторов без подробного изучения экстралингвистических факторов его появления.

Литературоведческий подход. В середине XX века интерес к псевдонимам стали проявлять литературоведы, однако зарубеж-

ные работы, посвященные англоязычным авторским псевдонимам, носят в основном научно-популярный характер, а работы отечественных специалистов посвящены лингвокреативности исключительно русскоязычных авторов. При литературоведческом подходе подчас смешиваются понятия «псевдонимия» и «анонимность», а также «псевдоним» и «литературная маска».

В первом случае факты использования писателями вымышленных, заимствованных или придуманных имен предлагается называть псевдонимией (*pseudonymity*), факты отсутствия какой-либо подписи на сочинении – анонимностью (*anonymity*), а случаи указания авторами своих подлинных имен – онимностью (*onimity*) [Genette, 2001, с. 39]. Во втором случае псевдоним и литературную маску можно разграничить так: для псевдонима подходит сравнение с гримом, который накладывает актер, а маска подобна кукле, которую автор оживляет, передавая ей свой голос и заставляя двигаться [Голомидова, 1998, с. 91]. Иными словами, литературная маска – более широкое понятие, отражающее образ автора, живущий на страницах созданного им произведения.

Современный этап исследования англоязычных авторских псевдонимов тесно связан с понятием «**ономастика**» (от греч. *onomastike technē* – «искусство давать имена»): раздел языкознания, оформившийся в самостоятельную интегративную науку в 30-е годы XX века, связанную с историей, этнографией, археологией, генеалогией, геральдикой, текстологией, литературоведением, географией и др. и изучающий историю возникновения имен собственных и мотивы их номинации [Комарова, 2012: 360].

Ономастический подход предполагает изучение следующих аспектов различных категорий имен собственных, в частности:

лексикологический аспект соотносится с описательной ономастикой и лексикологией, преследуя цель инвентаризации онимического материала (см. ономатографический подход);

исторический аспект предполагает анализ исторического фона, на котором складывались и формировались ономастические системы; так, в Англии XVI века наиболее распространены были латинские псевдонимы (*Theophilus Philadelphus* – John Ley; *Phil. Christianus* – William Chappell), относившиеся преимуще-

ственно к представителям духовенства, которое в то время считалось наиболее образованным слоем населения;

географический аспект играет большую роль в ареальных ономастических исследованиях; так, в США существует множество авторских псевдонимов, построенных по модели «личное имя + среднее имя + фамилия» (*James G. Edwards* – James William MacQueen; *David William Meredith* – Earl Schenk Miers), отражающей одну из американских традиций имянаречения; в Канаде исторически сильно влияние французского языка, которое прослеживается в псевдонимах местных авторов (*Paul De Mar* – Pearl Foley; *Jean De Saint-Luc* – John Glassco);

типологический аспект преследует цель показать сходные ономастические явления в разных языках для их научной классификации; так, в русском и английском языках есть **проприальные, проприально-апеллятивные и апеллятивные** псевдонимы. К первому типу относятся псевдонимы, состоящие только из имен собственных (ср. *Борис Акунин* (Григорий Чхартишвили) и *Lewis Carroll* (Charles Lutwidge Dodgson)); ко второму – псевдонимы, включающие как имена собственные, так и апеллятивы (ср. *Демьян Бедный* (Ефим Придворов) и *Jonathan Oldstyle* (Washington Irving)); к третьему – псевдонимы, созданные на основе исключительно апеллятивов (ср. *Гусь* (Гавриил Жулев) и *A Celebrated Author in Ireland* (Jonathan Swift)); и др. [Суперанская, 2007, с. 221–230].

Основное преимущество ономастического подхода заключается в том, что англоязычные авторские псевдонимы рассматриваются не обособленно, а в системе онимов, конститuentы которой находятся в ядерно-периферийных отношениях. Так, ядро антропонимии составляют личные имена и их гипокористические формы. Уменьшительно-ласкательные и увеличительно-уничтожительные формы, а также отчества и фамилии располагаются в окооядерном пространстве с разной степенью движения в сторону периферии, а прозвища и псевдонимы образуют антропонимическую периферию [Супрун, 2000, с. 7].

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что понятие «псевдоним», окончательно вошедшее в корпус английского языка в XVII веке, за несколько столетий прошло длительный путь от инвентаризации до полноцен-

ного, всестороннего исследования, вызывая интерес у широкого круга исследователей: от литературоведов до ономастов.

Список литературы

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова. М., 1987.

Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. №2. 2005. С. 5–11.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Суперанская А.В., Сталтманэ В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Непокупный. изд. 2-е. М., 2007.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.

Genette, G. Paratexts: Thresholds of interpretation. CUP, 2001.

Sidorov Andrei Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

PSEUDONYMS OF ENGLISH AUTHORS: RESEARCH APPROACHES

The article briefly covers the way English language has encompassed the notion of pseudonym and analyzes the basic approaches to studying the pseudonyms of English authors in onomatography, literary studies, and onomastics.

Keywords: pseudonym, proper name, literary mask, onomastics, onomatography, literary studies.

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

АНГЛИЙСКИЙ ФРАЗОВЫЙ ГЛАГОЛ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС

В статье на примере анализа традиционно выделяемого в толковых словарях фразового глагола *tell off* обосновывается тезис о том, что подобные словосочетания не демонстрируют какого-либо переосмысления составляющих их слов, а синтаксическая связанность предложного наречия обусловлена явлением, которое в статье предлагается называть синтаксическим эллипсисом, то есть свертыванием мотивирующей модели глагол + инфинитивная фраза, что демонстрируется на ряде контекстов.

Ключевые слова: полисемия, глагол, наречие, фразовый глагол, дефиниция.

Фразовый глагол как особая единица словарного состава английского языка прочно утвердился в теории и практике преподавания. Фразовый глагол традиционно рассматривается как словосочетание, выступающее в плане содержания как единое семантическое целое и в этом смысле подобное слову. В связи с этим, существует тенденция рассматривать фразовые глаголы как особые переосмысленные структуры, близкие к фразеологическому фонду языка [Dixon, 2003]. В ряде статей, опубликованных в предыдущих номерах журнала *Studia Linguistica*, мы уже выдвигали несколько критических аргументов против установившейся традиции в трактовке фразовых глаголов [Толочин, 2010; Толочин, 2017]. В данной статье мы предлагаем еще один аргумент в пользу трактовки традиционно выделяемых фразовых глаголов как синтаксически полноформленных словосочетаний, состоящих из семантически автономных глагола и наречия, выступающего по отношению к глаголу в функции обстоятельства. Мы предлагаем обратиться к сочетаниям глагола и наречия, в которых наречие является обязательным элементом структуры, т.е. в которых глагол в принципе не может использоваться без данного наречия. О том, что такие сочетания всегда мотивирова-

ны в языке конструкцией «глагол + наречие + предложная группа», мы писали в одной из предыдущих статей [Толочин, 2017]. Сейчас мы хотели бы подробнее рассмотреть сам механизм закрепления наречия при глаголе, который и создает впечатление особой спаянности этого образования и переосмысленности его компонентов. Мы утверждаем, что большинство подобных словосочетаний обусловлены свертыванием мотивирующей конструкции, что мы предлагаем называть синтаксическим эллипсисом.

В качестве примера мы обратимся к фразовому глаголу *tell off* в тех его сочетаниях, в которых наречие является синтаксически связанным элементом структуры. Этот вариант глагола выделяется в качестве отдельной единицы словаря толковыми словарями английского языка. Рассмотрим словарные статьи из общедоступного электронного варианта Оксфордского словаря [Oxford] и словаря Макмиллан [Macmillan].

1. Оксфордский словарь:

tell someone off – phrasal verb

informal Reprimand or scold someone.

‘my parents told me off for coming home late’

2. Макмиллан:

tell off – phrasal verb

to criticize someone angrily for doing something wrong

tell off for doing something:

The teacher told me off for talking again today.

be/get told off:

I’m going to get told off for being late.

Как видим, дефиниции достаточно похожи одна на другую. Обе дефиниции описывают данное словосочетание как идиоматическое переосмысленное образование, значение которого не выводимо из значения составляющих его слов. Действительно, используемые в дефинициях глаголы *reprimand*, *scold*, *criticize* представляются довольно слабо связанными с семантическим потенциалом глагола *tell* в переходных вариантах его значения, а использование местоимения в качестве прямого дополнения, наоборот, как бы говорит нам о том, что глагол *tell* подвергся переосмыслению и при нем, так же как и при глаголах, приводимых в дефинициях, может появляться личное местоимение, обозначающее человека, в качестве прямого дополнения. Без на-

речия глагол *tell* в качестве прямого дополнения использует в основных значениях только местоимения, обозначающие неодушевленные объекты (конструкция *tell somebody something*). Такая существенная трансформация содержательного плана глагола и той синтаксической структуры, в которой он реализует это преобразованное значение (*tell somebody off*) как будто бы может рассматриваться как неопровержимое доказательство особого статуса сочетания *tell off* как фразового глагола.

Для того, чтобы доказать обратное, стоит обратить внимание на две синтаксические конструкции, одна из которых характерна для глагола *tell* и выделяется словарями: *tell someone to do something*, а другая является типичной для фразового глагола: *tell someone off for doing something*. Словари определяют значение глагола в первой конструкции с помощью таких глаголов как *order*, (*strongly*) *advise* [Oxford; Macmillan]. Пока еще трудно увидеть связь между *order/strongly advise* с одной стороны и *reprimand/scold/criticize angrily*, с другой. Однако конструкция с инфинитивом предполагает и использование отрицания: *tell someone not to do something*. Словари не считают существенным привести данную конструкцию в словарной статье. Но именно эта конструкция, вполне частотная, и позволит нам продемонстрировать синтаксическую мотивирующую базу для появления фразового глагола *tell someone off*, в котором глагол не подвергается семантической трансформации по отношению к мотивирующей базовой синтаксической модели. Рассмотрим ряд примеров.

3. *A customer complained he was told not to sit beside his wife* [<https://www.businessinsider.com/pakistan-mcdonalds-in-trouble-for-enforcing-its-own-moral-code-2012-9/lightbox?r=AU&IR=T>].

4. *We asked a woman walking past to take our photo. A man interrupted her, told her not to help us, to put the camera down* [<https://labourbriefing.org/blog/2018/6/28/northern-ireland-next>].

В примерах 3 и 4 мы видим типичный контекст для варианта *tell*, который словари определяют как близкий по значению к глаголам *order/advise*. В этих предложениях инфинитивная фраза с отрицанием конкретизирует значение глагола как словесный запрет. В следующем примере без отрицания глагол обозначает словесный приказ, обусловленный неподобающим поведением субъекта:

5. *I didn't push him, I just touched him – and I pointed my finger on his shoulder and I told him to respect me, that I was older than him* [https://books.google.ru/books?id=3dJeXIz9lVIC&pg=PA113&lpg=PA113&dq=%22told+him+to+respect%22&source=bl&ots=L1hNZG0L_z&sig=ACfU3U39Y2w11f7LsO6Z7WIUcjATMctERw&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwj].

Примечательно, что для всех этих контекстов есть сходные контексты, в которых появляется наречие *off*. Соответственно, это примеры 6, 7 и 8:

6. *We even sat down on a chair, to be told off not to sit there because it was an exhibit (even though it didn't have a no touch sign)* [<https://www.inspirock.com/czech-republic/prague/national-technical-museum-a212108815>].

7. *Yeah, she really wanted to help us but....we both told her off not to help us* [<https://www.wattpad.com/608023670-super-mario-bros-book-1-meet-the-new-heroes>].

8. *When I told him off to respect the MP (and her standing) as a woman and a mother, he said he did not mean to insult her* [<https://www.thestar.com.my/news/nation/2013/07/10/sexual-harrassment-flash-panties>].

Словари не приводят подобных иллюстративных примеров. Между тем, мы видим, что в данных контекстах, во-первых, *tell* имеет более конкретное значение, чем это предлагают словарные дефиниции: в сочетании с инфинитивной группой *tell* обозначает словесный выговор либо по поводу необходимости прекратить что-то, раздражающее субъекта (примеры 3 и 4 с отрицанием в инфинитивной фразе), либо это требование не только прекратить раздражающие действия, но и сделать то, что говорящий считает правильным (пример 5 без отрицания в инфинитивной фразе). Как видим, в этих примерах значение *tell* вполне соответствует не очень четким перекрестным дефинициям фразового глагола в рассматриваемых словарях (примеры 1 и 2). Примеры 6, 7 и 8 показывают, что в подобных контекстах вполне естественно использование и наречия *off*. При этом значение глагола никак не меняется. Сопоставление примеров 3–8 позволяет нам сделать вывод, что при использовании инфинитивной фразы, конкретизирующей содержание словесного выговора, наречие *off* является факультативным в данной конструкции и выступает в качестве

обстоятельства. Оно лишь подчеркивает резкость и эмоциональную напряженность словесного выговора (*tell someone off to do something/tell someone off not to do something*).

Теперь необходимо обратиться собственно к выделенному в словарях фразовому глаголу (примеры 1 и 2). С точки зрения содержания дефиниций мы видим, что значение этого фразового глагола полностью соответствует значению глагола *tell* в рассматриваемой нами синтаксической конструкции. Уже этот факт должен поставить под вопрос правомочность обособления сочетания *tell off* как автономной словарной единицы. Однако в приводимых словарных примерах совершенно очевидно то, что наречие *off* является синтаксически связанным, что, видимо, и служит для лексикографов достаточным основанием для того, чтобы вывести *tell off* за рамки полисемии глагола *tell*. Нам представляется более важным то обстоятельство, что в примерах, которые словари приводят в качестве иллюстрации использования фразового глагола в контексте, отсутствует инфинитивная фраза: *The teacher told me off for talking again today*. Мы считаем, что в подобных контекстах инфинитивная фраза остается в имплицитации, поскольку наиболее существенным для говорящего является именно сам факт выговора, а не его содержание. Именно это и служит причиной закрепления наречия в конструкции. Но если мы сопоставим этот пример с примерами 3–8, мы увидим, что синтаксическая связанность никак не влияет на содержание контекста, лишь фокусируя внимание на самом факте выговора, а не его содержании. Такое явление мы и предлагаем считать синтаксическим эллипсисом. Данная структура может получать развертывание, при котором наречие сразу становится факультативным:

9. *I am often told off to stop talking rubbish*

[<https://lyricstranslate.com/en/pour-un-pote-buddy.html>]

Предложение 9 является частью песенного рефрена. Оно повторяется без наречия *off* пять раз в тексте песни, но именно в заключительном рефрене в самом конце это предложение появляется с наречием *off* – факультативным обстоятельством, подчеркивающим резкость получаемой критики.

При сопоставлении двух синтаксических моделей: *to tell someone (off) not to do something/to do something* и *to tell someone*

off (for doing something) разница проявляется в том, что при инфинитивной конструкции в качестве дополнения при глаголе *tell* с факультативным наречием *off* словесный выговор представляется всей конструкцией: глагол обозначает сам момент выговора, а инфинитивная конструкция раскрывает его содержание. При этом наиболее существенным для контекста является именно информация, передаваемая инфинитивной конструкцией. В случае использования модели *to tell someone off (for doing something)* факультативная предложная фраза в функции обстоятельства трансформирует содержание выговора в исходной модели в его причину, что обуславливает сдвиг значимости на сам глагол с наречием *off* как наиболее существенный компонент контекста и закрепление синтаксической позиции наречия в качестве маркера свернутой по механизму эллипсиса структуры.

10. Only social space was in the corridor and we got told off for sitting there.

[<https://studenthut.com/locations/norwich/accommodation/britten-house/>]

Для подобных контекстов можно выстроить две ступени мотивирующей развернутой конструкции: Это пример 6 – *We even sat down on a chair, to be told off not to sit there because it was an exhibit (even though it didn't have a no touch sign)* и, соответственно, пример 3 – *a customer complained he was told not to sit beside his wife.*

Таким образом, мы видим, что обособляемый в словарных дефинициях фразовый глагол *tell off* на самом деле представляет собой пример свертывания синтаксической конструкции с закреплением позиции обстоятельства, выраженного предложным наречием. Результат синтаксического эллипсиса позволяет перенести фокус значимости с подразумеваемой инфинитивной фразы, выражающей содержание словесного выговора, на само действие. Эта модель является элементом структуры полисемии глагола *tell*.

Описанная закономерность касается целого ряда традиционно выделяемых фразовых глаголов. Включение подобных конструкций в словарные статьи, описывающие полисемию соответствующих глаголов и предложных наречий, могло бы более системно и четко представить семантическую и морфологическую природу

словосочетаний глагола и предложного наречия, когда наречие находится в синтаксически связанной позиции при данном глаголе.

Список литературы

Толочин И.В. Giving It Up: стоит ли говорить о фразовых глаголах // *Studia Linguistica*. Вып. XIX. Человек. Язык. Познание. 2010. С. 97-103.

Толочин И.В. Об одной особенности английских фразовых глаголов // *Studia Linguistica*. Вып. XXVI. Актуальные проблемы современной филологии. 2017. С. 95–103.

Dixon R. *Essential English Idioms*. London, 2003.

Macmillan: [сайт]. URL: <http://macmillandictionary.com/> (дата обращения: 02.02. 2020).

Oxford: [сайт]. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 02.02.2020).

Tolochin Igor Vladimirovich (St. Petersburg, Russia)

THE ENGLISH PHRASAL VERB AND SYNTACTIC ELLIPSIS

The article proposes to consider English phrasal verbs such as *tell off* as instances of syntactic ellipsis. The syntactically bound position of the prepositional adverb in such phrases is not related to their idiomaticity. A series of contexts demonstrate a link between *tell off* as a phrasal verb and a construction combining *tell* and an infinitive phrase with and optional position for the adverb *off*, which is recognized as a separate sense of *tell* in dictionaries.

Keywords: polysemy, verb, adverb, phrasal verb, definition.

УДК 81'373

М. С. Фокина (Санкт-Петербург, Россия)

СИНОНИМИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблема терминологической синонимии английской научной терминологии. Автор делает попытку объяснить причины синонимии, выявить тенденции ее проявления в метаязыке медицины и определить специфику употребления терминологических синонимов в научной коммуникации. В заключение делается вывод о двояком влиянии синонимии на научный дискурс.

Ключевые слова: термин, терминологическая синонимия, терминологический дублет, стилистическая синонимия, латино-греческий терминоэлемент.

Словарный состав английского языка насчитывает около 490 тыс. слов и 300 тыс. терминов. Кроме того, английский признан языком с самым большим количеством синонимов. Такое языковое разнообразие оказало влияние и на научный дискурс. В терминосистемах различных областей научного знания существуют термины, полностью или частично дублирующие значение друг друга. Этот процесс затронул и область медицины, науки с давней терминологической традицией. Цель данной статьи состоит в том, чтобы установить причины появления терминологических синонимов и определить специфику их употребления в научной коммуникации.

Синонимия свойственна нескольким системам языка (фразеологической, грамматической, словообразовательной), однако терминологическая синонимия, в первую очередь, относится к лексической системе. Природа синонимии определяется различной степенью семантической близости языковых единиц и объясняется асимметрией знака и значения, их неустойчивым равновесием [ЛЭС, электронный ресурс]. Также считается, что синонимия отражает в языке индивидуальную картину мира посредством восприятия и оценки индивидом окружающей действительности. Однако термин как единица языка для специальных целей

призван точно выражать научные понятия, быть нейтральным и моносемичным. Чтобы избежать лексического парадокса, некоторые ученые предпочитают использовать вместо терминологического синонима формулировку «терминологический дублет», означающую семантическое тождество лексем, соотношенность терминов с одним и тем же сигнификатом и денотатом [Ахманова, 2018, с. 145]. Употребление этого термина вызывает критику в научной литературе, так как под дублетами чаще понимаются сходные по значению лексические единицы, этимологически связанные с одной и той же производящей основой.

В настоящее время в научном сообществе не сложилось единого мнения о терминологической синонимии. В большей степени к этому явлению ученые относятся отрицательно, утверждая, что использование синонимов в научном тексте свидетельствует о недостаточной изученности какого-либо явления [Суперанская, 2012, с. 49]; синонимы появляются на ранних этапах формирования терминосистем как результат словарной избыточности [Крыжановская, 1985, с. 17]; синонимы «невыгодны» терминологии и только усложняют научную коммуникацию [Horecky, 1968, с. 321]. С другой стороны, терминологическая синонимия расширяет возможности специального языка в плане удовлетворения конкретных профессионально-коммуникативных задач [Маринова, 1998, с. 18], а также представляется закономерным результатом развития науки и увеличения объема знаний об объекте [Лейчик, 2006, с. 98].

Критика употребления синонимичных терминов в целом носит объективный характер, однако замечание А. В. Крыжановской можно подвергнуть сомнению. Медицинская терминология английского языка испытала влияние многих языков, среди которых объективно выделяются латинский и греческий. По статистике, более 60% всех английских слов имеют греческие или латинские корни. В словарном составе научных отраслей их количество возрастает до 90% [Stamper, электронный ресурс]. Древнейшие научные тексты по медицине были написаны древнегреческим врачом Гиппократом (I в. до н.э.) и древнеримским энциклопедистом Авлом Корнелием Цельсом (I в. н.э.). В средние века и период Ренессанса метаязык медицины обогатился заимствованиями из арабского и французского. Викторианской

эпохе свойственно значительное укрепление собственно английской терминологии. В настоящее время терминология медицины стремительно пополняется благодаря развитию современных технологий. Несмотря на то, что становление метаязыка медицины заняло более двух тысяч лет, в лексиконе медиков до сих пор содержатся терминологические синонимы с греко-латинскими терминоэлементами.

Чтобы понять причины совпадения значений разных терминов, необходимо изучить механизм их образования. Терминоворчество чаще всего начинается с использования латинских и греческих основ, к которым прибавляются соответствующие префиксы и суффиксы. Такой способ словообразования сочетается в себе черты словосложения и аффиксации и отличается высокой продуктивностью. Например, в издании *Blakiston's Gould Medical Dictionary* содержится более ста словарных статей к терминам, имеющим греческую основу *acr* («в высочайшей степени»), среди которых *acro-agnosis*, *acro-anesthesia*, *acro-arthritis*, *acro-asphyxia* и др. [Genarro, Gould, 1979, с. 18–21]. Многообразие комбинируемых основ и аффиксов позволяет создавать гибридные формы с использованием латинских и греческих словообразовательных элементов: *hyper-* + лат. *tens* («stretch») + *-ion* = *hypertension*; лат. *de-* + греч. *hydr* («water») + *-ate* = *dehydrate*.

Терминологическая синонимия возникает тогда, когда в образовании терминов одного терминологического поля используются морфемы из ресурсов разных языков. Выбор терминоэлемента может объясняться спецификой конкретной науки: в анатомии предпочтение отдается латинским основам (*vertebra, onis*), в клинической медицине – греческим морфемам (*spondylitis, arthritis*). Однако в анатомической номенклатуре могут встречаться обозначения одного и того же объекта как самостоятельным латинским корневым словом, так и греческой комбинируемой основой в составе производного слова. Например, *mentum* (лат. подбородок) – *genioglossus* (греч. подбородочно-язычный); *lingua* (лат. язык) – *hypoglossus* (греч. подъязычный). Несмотря на то, что в зарубежной лингвистике терминологическими синонимами признаются самостоятельные и производные термины с греко-латинскими терминоэлементами [Blinderman, 1990, с. 8], эти случаи можно признать синонимичными лишь отчасти, так как

даже небольшое преобразование денотата влечет за собой изменение в понятийном содержании термина.

Причины использования разноязычных морфем для образования однородных терминов до сих пор не ясны. Существует тенденция, при которой в связанных терминологических парах латинские основы имеют более генерализирующее значение, в то время как греческие указывают на частные случаи проявления каких-либо явлений: *osselet* (лат. кость) – *osteoporosis* (греч. хрупкость кости); *musculus* (лат. мышца) – *myositis* (греч. воспаление мышцы). С одной стороны, эту закономерность можно связать со временем вхождения заимствований в английский язык: так латинский язык повлиял на него раньше, слова с латинскими основами чаще означают общие явления, а слова с греческими основами, появившимися позже, связаны с частными случаями. С другой стороны, тенденция может быть связана со спецификой научной области: в метаязыке рентгенологии используются больше латинские терминоэлементы, так как предметом исследования науки является орган как таковой, в том числе и здоровый (*mamma* – лат. грудь), в то время как отклонения в работе органа рентгенолог назовет термином с греческой основой (*mastodynia* – греч. боль в груди).

Существует мнение, что синонимы не могут быть абсолютно равнозначны, они различаются оттенком значения при выполнении уточняющей или противопоставляющей функции [ЛЭС, электронный ресурс]. Однако терминологические синонимы, точно выражающие научные понятия, различаются в большей степени не семантикой, а функциональной направленностью. В научной коммуникации можно выделить несколько групп терминологических синонимов. В первую группу входят стилистически равноценные синонимы. Как правило, это иностранные заимствования дескриптивного характера, которые больше не воспринимаются как заимствованные, например, *coexisting / concomitant / concurrent disease*. Перечисленные опции образованы от латинских основ («*existere*» – появляться, «*concomitant*» – сопровождающий, «*concurrere*» – встречаться) и используются как стилистически взаимозаменяемые в научном дискурсе. Во вторую группу входят стилистически равноценные синонимы, которые воспринимаются как неравнозначные, например, *heart*

failure и *cardiac insufficiency*, *renal failure* и *kidney failure*, *liver failure* и *hepatic insufficiency*. Основываясь на данных примерах, можно сделать предположение, что комбинаторность составных терминов зависит от этимологической однородности его элементов по модели Latin/Greek + Latin/Geek (*cardiac insufficiency*) или non-L/G + non-L/G (*heart failure*), однако это всего лишь тенденция. С субъективной точки зрения термины с греко-латинскими морфемами кажутся «более научными» и поэтому более предпочтительными в научных кругах, хотя в некоторых случаях формулировки могут быть взаимозаменяемы и стилистически равноценны (*renal failure – renal disease*). Актуальность используемых терминов в том или ином контексте определяется актами международных организаций (ВОЗ, ЕСМС). Их принятие направлено на решение проблемы разнородности профессионального языка и создание единой терминологической базы. В третью группу входят стилистически неравноценные синонимы, а именно термины греко-латинского происхождения и их английские эквиваленты: *erythrocytes – red blood cells*, *thrombocytes – blood platelets*, *coagulation – blood clotting*. Эквиваленты встречаются в научных текстах, однако они адресованы не-специалистам, пациентам или просто заинтересованным в данной теме. Во избежание трудностей взаимопонимания в собственно научной коммуникации предпочтительны специализированные термины, установленные соответствующей номенклатурой (напр., ICD-11, *International Classification of Diseases*).

Таким образом, возникновение синонимии в метаязыке объясняется, во-первых, особенностями исторического развития английского языка, сильным влиянием греко-латинских заимствований на становление научной терминологии, во-вторых, уникальным словообразовательным потенциалом английского языка, его способностью продуцировать новые слова при помощи заимствованных терминоэлементов, в-третьих, нуждами конкретных областей научного знания. Терминологические синонимы составляют неотъемлемую часть научного дискурса и активно используются в письменной и устной научной коммуникации. Выбор термина зависит не только от субъективной оценки говорящего/автора, но и от условий коммуникативной ситуации, причем его форма должна соответствовать установленным номен-

клатурным стандартам. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что терминологическая синонимия носит двойственный характер. С одной стороны, синонимия создает коммуникативные помехи и способствует расслоению профессионального языка по разным сферам его применения (терминология и профессиональный жаргон). С другой стороны, это явление разграничивает сферы употребления схожих терминов, а также делает научный дискурс доступнее, что дает возможность заинтересованным лицам стать участниками научного сообщества.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2018. Лингвистический энциклопедический словарь [сайт]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/446c.html> (дата обращения: 14.03.2020).

Крыжановская А.В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков. Киев, 1985.

Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; под ред. Т.Л. Канделаки. изд. 6-е. М., 2012.

Blinderman Ch. Biollexicon: a guide to the language of biology. Springfield, 1990.

Gennaro A.R., Gould G.M. Blakiston's Gould Medical Dictionary. New York, 1979.

Horecky J. Uloha synonym v terminologii // Kulta slova. 1968. № 2.

Stamper K. What percentage of English words are derived from Latin? [сайт]. URL: <https://www.dictionary.com/e/word-origins/> (дата обращения: 14.03.2020).

Fokina Maria Sergeevna (Saint Petersburg, Russia)

SYNONYMY IN ENGLISH MEDCAL TERMINOLOGY

The article deals with the problem of terminological synonymy in English scientific discourse. The author attempts to trace the reasons and tendencies of terminological synonymy in medical metalanguage as

well as to explore the functional peculiarities of synonyms in scientific communication. The article suggests a conclusion about the ambivalent influence of synonymy on scientific communication.

Keywords: term, terminological synonymy, terminological doublet, stylistic synonymy, Latin-Greek bases.

ПРОБЛЕМАТИКА ТЕКСТА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

УДК 811.111:81'42

Гордиенко Е. В. (Донецк, Украина)

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ США

В статье рассматриваются средства выражения структурных компонентов категории оценки в заголовках новостных сообщений американского влиятельного издания «The New York Times». В качестве структурных компонентов в данном исследовании рассматриваются основные инвариантные элементы категории оценки (субъект, объект, характер и основание оценки), уточняется роль заголовков как ключевого элемента организации новостного сообщения на страницах Интернет-изданий. Материалом для исследования категории оценки послужили медиатексты, так как именно они фиксируют, описывают и оценивают наиболее актуальные события в жизни общества, соответственно, медиадискурс отражает и раскрывает разнообразные системы ценностей представителей англоязычных лингвокультур.

Ключевые слова: категория оценки, медиадискурс, медиатекст, новостной заголовок, средства выражения.

Данная статья посвящена изучению способов выражения оценочного значения в англоязычном медиадискурсе, а именно, в американских новостных заголовках.

Целью исследования является изучение и описание средств реализации структурных компонентов (субъект, объект, характер оценки, основание) категории оценки в американских новостных заголовках.

Материалом исследования послужили заголовки новостных сообщений, опубликованные в Интернет-версии американского влиятельного издания «The New York Times». Ключевой тематикой отобранных заголовков являются текущие конфликтные си-

туации в мире (гражданская война в Ливии, военный конфликт в Сирии, турецко-курдский конфликт и др.) и их проявления (боевые действия, деятельность террористических организаций, политика правительства стран, вовлеченных в конфликты).

Для решения задач, поставленных СМИ, авторы прибегают к различным лингвистическим средствам, в том числе и к категории оценки, которая в данном исследовании, вслед за В.Н. Телией, понимается как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» [Телия, 1986, с. 54]. Наличие и степень оценки в публикации определяется не только жанром медиатекста, но и типом издания (quality press / tabloid), его политической ориентацией и другими факторами.

В данной работе в качестве одного из вариантов медиатекста рассматривается так называемый сетевой текст электронных СМИ, т. е. воспроизводимый и функционирующий в Интернете [Добросклонская, 2008, с. 79]. Отсюда, важность роли заголовка в интернет-изданиях как **объекта** настоящего исследования, поскольку в них, в отличие от традиционных печатных СМИ, читатель ориентируется только на название публикации до тех пор, пока не откроет ее полный текст [Колесниченко, 2008, с. 96]. **Предметом** же исследования является реализация категории оценки в новостных заголовках американских медиатекстов.

Заголовок несет в себе не только информативную функцию, т.е. сообщает читателям, о чем статья, но и содержит в себе оценочное значение, что указывает на авторскую интерпретацию описываемого события.

В организации так называемого сетевого текста заголовок играет ключевую роль, поскольку он в отличие от заголовков в традиционных печатных изданиях «не находится в линейной последовательности» [Цыбикова, 2011, с. 47] с текстом самой статьи, т.е. отсутствует возможность одновременного прочтения и заголовка, и текста.

Основные результаты исследования. Ключевыми этапами исследования являются: 1) формирование корпуса языкового материала (отбор медиатекстов, посвященных теме конфликтов, в заголовках которых содержится оценка события), 2) описание

средств выражения структурных компонентов категории оценки в отобранных заголовках (субъект, объект, характер оценки, основание).

1. СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ. Под субъектом оценки в данной работе вслед за Е. М. Вольф понимается лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка [Вольф, 2002]. Субъект может быть выражен эксплицитно или имплицитно.

В ходе анализа было выявлено, что субъект оценки в большинстве случаев выражен имплицитно и может быть выделен из контекста как автор новостного сообщения. Так, в заголовке *Wave of Taliban Attacks Kills at Least 20 Afghan Soldiers* (24 февраля 2018 г.) имплицитно выраженным субъектом оценки выступает автор данной новостной публикации – Эндрю Краммер.

Пример заголовка с эксплицитно выраженным субъектом оценки оказался единичным: *U.N. Panel Links Russia to Potential War Crime in Syria* (6 марта 2018 г.). В приведенном заголовке субъектом оценки является Комиссия ООН (U.N.Panel), члены которой выражают определенную оценку по отношению к действиям Российской Федерации.

2. ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ. Объектом оценки может выступать личность, предмет, событие или состояние вещей, к которому относится оценка [Вольф, 2002]. Анализ показал, что объект актуализируемой оценки в отобранных заголовках является исключительно эксплицитно выраженным. Например, в заголовке *Hazaras Protest After an ISIS Attack Kills 10 in Kabul* (9 марта 2018 г.) объектом оценивания эксплицируется нападение террористов ИГИЛ в Кабуле (*an ISIS Attack*), а также результат и последствия этого нападения (*Hazaras Protest, Kills 10 in Kabul*).

В заголовке *Deadly ISIS attack hits an Aid group, Save the Children, in Afghanistan* (24 января 2018 г.) эксплицитным объектом оценки является атака Игил на представительство международной организации «Спасем детей» в Афганистане, характеризующаяся как смертоносная, беспощадная посредством негативнооценочной лексемы *deadly* ‘causing or able to cause death’ [Oxford Dictionaries].

3. ХАРАКТЕР ОЦЕНКИ. Установление и выражение определенного отношения между субъектом и объектом составляет характер оценки [Вольф, 2002]. В ходе анализа выявлено, что

заголовки новостных сообщений, опубликованные в январе-марте 2018 г. характеризуются отрицательной оценкой. Так, в заголовке *Erdogan's Next Target as He Restricts Turkey's Democracy: The Internet* (4 марта 2018 г.) оценка политики президента Турции, Эрдогана, актуализируется через использование глагола с негативнооценочным значением *to restrict 'deprive (someone or something) of freedom of movement or action'* [Oxford Dictionaries].

4. ОСНОВАНИЕ ОЦЕНКИ. Основание оценки представляет компонент высказывания, который «выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции» [Дормидонтова, 2009, с. 48]. Анализ материала показал, что основание оценки эксплицируется непосредственно в заголовке. Так, в примере *Suicide Bomber Kills at Least 11 at Pakistani Army Base* (3 февраля 2018 г.) основанием оценки являются последствия описываемого происшествия, а именно – нападение террориста-смертника на военную базу в Пакистане (*Kills at Least 11*). Кроме того, экспликация основания оценки зачастую находит отражение в стратегии убеждения и манипулирования, т.е. речевого воздействия, посредством которого автор стремится регулировать деятельность адресата, корректировать или изменять его ценности, убеждения, которая выражается рядом тактик, содержащих оценочный компонент: использование имен известных персоналий для утверждения авторитета (*Erdogan's Next Target*); использование топонимов (*in Syria, in Kabul*); применение точных числовых данных, т.е. доказательная аргументация (*20 Afghan Soldiers, Kills at Least 11*); наличие фразеологизмов, клише, аббревиатур и неологизмов, т.е. концентрация внимания (*U.N. Panel, an ISIS attack*).

5. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЗАГОЛОВКОВ. В ходе анализа целесообразным представилось провести комплексный разбор оценочного значения в отобранных новостных заголовках, который можно представить следующим образом:

В заголовке *Snipers Slam Shut an Escape Hatch From a Syrian Hell* (09 марта 2018 г.) имплицитным субъектом оценки, как и в большинстве случаев, является редакция издательства «The New York Times» (в лице автора новостного сообщения, Энн Барнард). Эксплицитным объектом оценивания является тот факт, что снайперы повстанцев обстреливают зеленый коридор, тем самым

препятствуя гражданским лицам покинуть опасные районы. Оценка в данном примере носит отрицательный характер, что подтверждается метафорическим использованием высказывания *to slam shut* 'to close violently' [Oxford Dictionaries], поскольку снайперы не могут буквально закрыть путь к отступлению (*escape hatch* 'a means of retreat from or avoidance of a difficulty or problem' [Oxford Dictionaries]), а простреливают его, то есть не дают шансов мирным жителям использовать его. Основанием оценки в приведенном заголовке может являться метафора *a Syrian Hell*, которая основывается на принципе аналогии между боевыми действиями, происходящими на территории Сирии, и настоящим адом (*hell* 'a place regarded in various religions as a spiritual realm of evil and suffering, often traditionally depicted as a place of perpetual fire beneath the earth where the wicked are punished after death; a situation, experience, or place of great suffering' [Oxford Dictionaries]).

6. ВЫВОДЫ. Анализ заголовков новостных сообщений американского влиятельного издания «The New York Times», посвященных теме конфликта позволил сделать вывод о наличии следующих инвариантных компонентов структуры оценочного высказывания в отобранных примерах: субъекта оценки, объекта оценивания, а также характера и основания оценки.

В ходе анализа отмечено, что в большинстве случаев субъектом оценки в изучаемых новостных заголовках имплицитно выступает автор публикации. Отмечены заголовки, в которых субъект проявляется эксплицитно, хотя они и являются единичными.

Исследование показало, что эксплицитно выраженным субъектом в анализируемых заголовках выступают актуальные происшествия, события, а также действия известных персоналий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что оценочные высказывания характеризуются отрицательной оценкой, что объясняется тематикой отобранных заголовков, а именно текущие конфликтные ситуации в мире.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что результаты и последствия оцениваемых в отобранных заголовках событий эксплицируют и определяют основание оценки.

Список литературы

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М., 2002.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2008.

Дормидонтова О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки. Тамбов: Грамота, 2009. №2 (21). Ч. I. С. 47-49.

Колесниченко А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. М., 2008.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Цыбикова Н. С. Заголовок как диктемное имя текста интернет-новостей // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69).

Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Gordyenko Elena Vitalyevna (Donetsk, Ukraine)

EVALUATION IN NEWS REPORT HEADLINES OF AMERICAN MEDIA DISCOURSE

The article addresses the category of evaluation and its basic structural components as exemplified in the news headlines of 'The New York Times'. Means of expression of this category in newspaper headlines are described. The significance of a headline, a key element of news reports in online media, is clarified. Media texts are analysed because they record, describe and evaluate the most trending events. So, media discourse reflects and reveals values of English-speaking linguocultures.

Keywords: evaluation, category, discourse of media, media text, headline, means of expression.

УДК 81.111

Т.Н. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

АНГЛИЙСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 17–18 ВЕКА: ТЕМАТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Статья посвящена становлению и развитию литературной публицистики в Англии раннего нового времени, в особенности жанру памфлета, тематике и лингвистической сущности памфлета как адресного диалогического аргументативного текста или отражения аргументативного дискурса. В качестве примеров использованы некоторые трактаты и памфлеты Дж. Мильтона, Дж. Свифта, Д. Дэфо.

Ключевые слова: памфлет, диалогизм, аргументативный дискурс, взаимодействие жанров, Дж. Милтон, Дж. Свифт, Д. Дэфо.

17–18 век в Англии – это особое время, которое характеризуется важнейшими процессами становления в различных сферах жизни общества и становления национального языка, это время постепенного реформирования системы образования, развития и становления публицистической прозы.

Цель статьи – рассмотреть публицистические тексты эпохи, прежде всего памфлеты, с точки зрения лингвистики, определить особенности жанра памфлета и языковые средства его воплощения, вопросы адресации дискурса и аргументации в текстах данного жанра. В настоящей статье мы рассмотрим несколько памфлетов, отразивших разные тематические направления – прежде всего, и в наибольшей степени вопросы реформы образования, которые сближались с политическими вопросами, вопросы национального самосознания и в некоторой степени вопросы экономики. Любопытно, что в толковании самого термина памфлет нет единства мнений, словари даже разнятся в объяснении происхождения этого слова и в том, как именно было оно заимствовано в русский язык – из английского или из французского.

Словарь В. Даля утверждает, что это английское заимствование и дает следующее определение, которое более всего отражает английское понятие памфлета: «сильно нападающая на что, либо отстаивающая что статья, отпечатанная отдельной книжечкой,

тетрадкой» [Даль, 1998]. В то же время Краткая литературная энциклопедия и ряд других справочных изданий видят в памфлете только сатиру на что-либо, а чаще кого-либо, иногда характеристика памфлета даже создает негативное к нему отношение, сближающее его со словом пасквиль. Сопоставление словарей и справочников было бы интересной темой для отдельной публикации, но в задачи данной статьи не входит. Однако, необходимо отметить, что объем этого понятия в русском и в английском языке не совпадает. Мы будем исходить из английского значения слова, представленного в Online Etymology Dictionary, который отмечает, что значения слова в конце 14 века и в конце 16 века отличались друг от друга – если в 14 веке это был «небольшой переплетенный трактат, или небольшая книжечка, краткий текст, поэма» (т.е. более всего форма, за которой могло быть разное содержание или жанр), то в конце 16 столетия это уже было «краткое произведение, затрагивающее актуальные вопросы, краткий трактат или эссе, обычно отражающее полемику по какой-либо злободневной теме, волнующей общественность» (перевод мой Т. И). [Online Etymology Dictionary. Электронный ресурс].

Представляется, что данное определение не только раскрывает многогранность памфлета и его непростую жанровую природу, но и показывает, что именно памфлеты послужили основой и стали существенным этапом в становлении публицистики. Памфлеты писались как по поводу очень конкретного события, так и по поводу долгосрочных проблем, которые требовали тщательного изучения и решения. Этот жанр был весьма типичен для 16, 17 и 18 столетия, их популярность в Англии объясняется еще и тем, что газеты там стали выпускаться на 60 лет позже, чем в Германии. Первая газета в Германии вышла в 1605, а в Англии только в 1665 (Oxford Gazette), а набирать обороты газетная публицистика начала еще через почти 50 лет с выходом знаменитых изданий The Tattler (1709), The Examiner (1710) и The Spectator (1711).

Постепенно обсуждение злободневных тем стало главной задачей газетно-журнальной публицистики, и жанр памфлета стал менее популярен. Однако в разных странах интерес к нему усиливался в зависимости от появления действительно острых зло-

бодневных вопросов, например в период Французской Буржуазной революции конца 18 столетия и перед революцией 1848 года [Краткая литературная энциклопедия, 1978].

Именно тем, что публицистика только еще складывалась и объясняется, видимо, трудно определяемая жанровая природа памфлета, внутреннее расслоение этой формы и взаимодействие жанров внутри нее.

С точки зрения теории жанров М.М. Бахтина авторский обработанный текст является вторичным жанром [Бахтин, 1979, с. 238–239]. Однако, особое личностное отношение, всегда содержащееся в памфлете, быстрая реакция на события, диалогизм связывают его с живой ситуацией общения и сближают с первичным жанром. В анализе взаимодействия или столкновения жанров в одном тексте мы следуем за постановкой вопроса и его исследованием в работе А.А. Масленниковой и Т.П. Третьяковой [Масленникова, Третьякова, 2003, с. 91 и далее].

Необходимо сказать несколько слов о том, каковы были злободневные темы в Англии 17-18 века – это была религиозная борьба, образовательная реформа, вопросы национального самосознания и экономики и целый ряд других.

Вследствие Реформации, проведенной Генрихом VIII «сверху», шел долгий и болезненный процесс становления религиозной сферы, борьба между представителями разных религиозных направлений, с одной стороны продолжалась борьба католиков и протестантов, с другой стороны протестантизм не был единым. Эта ситуация не могла не влиять на сферу образования и педагогики. Вопросам образования был посвящен целый ряд памфлетов и трактатов раннего нового времени.

Эти вопросы начали обсуждать еще при Генрихе VIII, потом готовность монархии задуматься о состоянии школ и университетов ярко проявилась при Елизавете I, и позднее, при Якове I. В период противостояния короля и парламента, а затем при Кромвеле образование вышло на передний край политической борьбы, например, известно, что при подавлении роялистского восстания в Уэльсе сначала изгонялись священники и учителя старого толка, а потом вслед за армией шли священники и учителя, утвержденные специальной комиссией парламента. Долгий парламента был серьезно сосредоточен на вопросах образования,

а один из законодательных документов закреплял необходимость использовать церковные земли для того, чтобы строить там университеты и школы [Adamson, 2009].

Великий ученый, педагог и философ Ян Амос Коменский в 1642 специально был приглашен в Англию для организации школ нового типа, это начинание тоже было поддержано Кромвелем, но начавшаяся Гражданская война, казнь короля, потом смерть Кромвеля и Реставрация монархии несколько замедлила развитие образовательных реформ, помешала осуществлению задуманного.

Однако деятельность Я.А. Коменского и его английских соратников не прошла даром и способствовала появлению объединения ученых – Королевского общества и созданию колледжей диссентеров.

Вопросы о том, на каком языке должно вестись преподавание, как должны быть устроены школы, что должно входить в школьную программу становились часто вопросами политическими и требовали обсуждения, которое происходило не только в парламенте, в обществе в целом постоянно шел диалог, касающийся данных вопросов.

Рассмотрим некоторые яркие примеры. Первым по хронологии написания были трактаты Дж. Мильтона. «Об образовании»¹ (“On Education”), был написан в 1644 году. Как правило, он именуется трактатом, однако можно считать его ярким случаем взаимопроникновения жанров. Во-первых, он адресован другу Самюэлю Хартлибу, с которым в начале трактата происходит условный диалог, что придает ему черты личного письма. В первых строчках Милтон раскрывает свое уважительное отношение к Хартлибу и его деятельности по продвижению учености и образования и говорит, что именно этот факт является для него стимулом изложить свои мысли о развитии образования в Англии. Уже в этой первой части происходит плавный переход к аргументативному дискурсу, который служит цели убеждения, конечно, не только Хартлиба, а и общественности в необходимости реформы образования и в потенциальной успешности предлагаемой Мильтоном модели.

¹ Необходимо отметить, что «О воспитании» – более традиционное русскоязычное название, но мы придерживаемся названия «Об образовании» (Т.И)

<...> forcing the empty wits of children to compose themes, verses and orations, which are the acts of ripest judgment and the final work of a head filled by long reading and observing, with elegant maxims, and copious invention. These are not matters to be wrung from poor striplings, like blood out of the nose, or the plucking of untimely fruit: besides the ill habit which they get of wretched barbarizing against the Latin and Greek idiom, with their untutored Anglicisms, odious to be read [Milton, Электронный ресурс].

В анализ ситуации в школах проникает риторизм, свойственный не столько научному тексту, сколько памфлету, что было отмечено в некоторых работах о прозе Мильтона, где вышеназванный трактат относят к памфлетистике [Orwell, 1995].

Риторика Мильтона видна в использовании оценочных слов (существительных и прилагательных), специальных союзов, которые вводят аргументацию.

Также в тексте трактата можно увидеть черты жанра, который мы именуем сейчас научно-популярным, в тексте есть определенный анализ – характеристика, которая обычно свойственна научной и научно-популярной речи, и, наконец, некоторые фрагменты данного текста делают его воззванием, призывом.

Примерно в то же самое время Милтон написал знаменитый трактат «Ареопагитика», столь характерный для его стиля и содержащий целый ряд риторических посылов – воззваний (аппеллятивов).

Лорды и общины Англии! Подумайте, к какой нации вы принадлежите и какой нацией вы управляете: нацией не ленивой и тупой, а подвижной, даровитой и обладающей острым умом; изобретательной, тонкой и сильной в рассуждениях, способной подняться до высочайших ступеней человеческих способностей? <...>

Разве не избранник перед другими тот народ, от которого, как с Сиона, идут и разносятся по всей Европе первые вести и трубный глас реформации? [Милтон Дж. Ареопагитика]

В ряде трактатов-памфлетов Д. Дефо, журналистские таланты которого были отмечены и в России [Русско-английские литературные связи, с. 82] также звучит тема образования, но наиболее интересное смешение жанров проявляется в памфлете “The True-born Englishman” («Чистокровный англичанин»).

Это стихотворное воззвание, эмоциональное, хлесткое, жесткое, язвительное, но с точки зрения жанровой принадлежности, тоже неоднозначное, так как стихотворная форма не мешает обилию аргументативных союзов [van Eenemen et al. 1996, p. 13] и проявлению черт научно-популярного текста, представленный там анализ сближает поэму с трактатом. Предисловие начинается с обращения к Сатире, оно оформлено как аппеллятив, но при этом с помощью союза *for* сразу начинается аргументация, вводится аргумент в пользу обращения к Сатире:

*SPEAK, Satire, for there's none can tell like thee,
Whether 'tis folly, pride, or knavery,
That makes this discontented land appear
Less happy now in times of peace, than war*
[Defoe D. Электронный ресурс]

Острые сатиры направлено было против тех англичан, которые кичились своим, якобы чистокровным происхождением, против национализма и шовинизма, волна которого проявилась в связи с появлением на британском престоле голландского принца. Дефо в стихотворном памфлете приводит исторические данные о племенах и народах, которые населяли Британские острова и которые вместе образовали английскую нацию и клеймит тех, кто считает себя «чистокровным». В поэме большое количество оценочных определений, которые являются косвенными аргументами против идеи «чистокровности» и возвышения «по крови»:

*this heterogeneous thing, off-spring, mongrel half-bred race,
nauseous brood, a bloody nation, barbarous and rude.*

[Defoe D. Электронный ресурс]

Памфлетное творчество Свифта ярче всего проявилось в период его жизни в Ирландии. Первый его памфлет “A Proposal for the Universal Use of Irish Manufacture”, обличающий и протестующий против английского гнета, который проявлялся в экономике и в политике посвящен невыгодным для Ирландии условиям торговли мануфактурой. Само название свидетельствует о том, что памфлет является неоднородным с точки зрения жанровой принадлежности – так как термин *‘proposal’* характерен для жанра научной речи. В памфлете есть ссылки на серьезные экономические вопросы, упоминание солидных научных трудов и даже цитаты на латыни [Swift, 1984]. В тексте снова встреча-

ются аргументативные союзы, которые вводят либо утверждение, касающееся точки зрения, либо поддерживающий аргумент. Но, вчитываясь в суть предложенных аргументов или «серьезных» положений, мы в полной мере ощущаем издевку Свифта и его яростный протест:

I could fill a volume as large as the History of the Wise men of Gotham with a catalogue only of some wonderful laws and customs we have observed within thirty years past [Swift, 1984, p. 400].

Недаром после выхода памфлета власти сочли его мятежным, а издатель чуть не угодил в тюрьму. Но Свифт продолжил развивать тему с помощью следующего стихотворного памфлета, который являлся протестом против гонений на первый – “An excellent new song on a seditious pamphlet. To the tune of Packington’s Pound” [Swift, 1984, p. 406–407].

Эта мелодия была мелодией весьма популярного танца, что еще интереснее оттеняет взаимодействие жанров. Завершается данное «кольцо памфлетов» личным письмом литератору и обществу деятелю Александру Поупу [Swift, 1984, pp. 411–417].

Подводя итоги, отметим, что все проанализированные нами памфлеты объединяет сходная авторская интенция – убеждение широкой читающей публики в правоте точки зрения, высказываемой автором. Сходство проявляется и во взаимодействии жанров внутри одних и тех же текстов или группы текстов, которые образуют смысловое единство.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1998.

Иванова Т.Н. Образование как поиск нравственной гармонии: диалог идей Яна Амоса Коменского и Джона Мильтона // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования. Материалы международной научно-практической конференции, 2016. С. 164–182.

Краткая литературная энциклопедия. В 9-ти томах. М., 1962–1978.

Масленникова А.А., Третьякова Т.П. Диалектика взаимодействия текстового жанра и авторской интенции // Диалектика текста /Под редакцией А.И.Варшавской. СПб., 2003. С. 91–112.

Мильтон Дж. Ареопагитика. Новосибирск, 1997.

Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982.

Федоров С. Введение и примечания к тексту перевода трактата Дж. Мильтона «О воспитании» // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего средневековья и начала нового времени (исследования и материалы): Сб. научн. тр./Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1990, С. 150.

Adamson J.W. Pioneers of Modern Education 1600-1700. Bibliobazaar, 2009.

Defoe D. The True-born Englishman. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/30159/30159-h/30159-h.htm> (дата обращения: 17.06.2020).

Van Eemeren F. et al. Fundamentals of Argumentation Theory. A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah, 1996.

Milton J. Tractate on Education // The Harvard Classics 1909-1914, vol.3 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Harvard_Classics_Vol._3/Milton%27s_Tractate_on_Education (дата обращения: 21.05.2020).

Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/pamphlet> (дата обращения: 27.05.2020).

Orwell G., Reynolds R. Introduction // British Pamphleteers. Vol.1, London, 1948, p.15.

Swift J. Oxford University Press, The Oxford Authors series, Oxford, 1984.

Ivanova Tatiana Nikolaevna (Saint Petersburg, Russia)

**ENGLISH JOURNALISM IN THE XVII-XVIII CENTURIES. THEMES
AND LANGUAGE**

The article deals with the beginning and evolution of literary journalism and more specifically, literary pamphlets. The author describes their themes and their linguistic form as an argumentative dialogic text addressed to certain audience, i.e. reflection or fixation of argumentative discourse. The examples from J.Milton, D.Defoe and J.Swift are analysed.

Keywords: *pamphlet, dialogic text, argumentation, the methods of address of the discourse, J. Milton, D. Defoe, J. Swift*

УДК 81.111

В.Ю. Клейменова, А.С. Филатов (Санкт-Петербург, РФ)

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ «АРКИ ГЕРОЯ» В СЕРИАЛЕ “BREAKING BAD”

Статья посвящена динамике личностно-психологических изменений персонажа в кинотексте сериала “Breaking Bad” и её языковому репрезентанту – «арка героя». Прослеживается влияние развития социального статуса персонажа на его речевое поведение. Антропонимы и сленгизмы описываются как языковые маркеры изменений, свидетельствующих о прохождении персонажем адаптации к субкультуре и его аккультурации.

Ключевые слова: персонаж, сленгизм, «арка героя», аккультурация, субкультура

Американская телевизионная криминальная драма “BREAKING BAD” (2008–2013 гг.) – один из наиболее популярных кинотекстов XXI века – получил несколько десятков престижных наград, в том числе и пять премий Ассоциации телевизионных критиков. Ключевая тема кинотекста имплицитно представлена в его названии. Коллоквиализм *to break bad*, распространенный на юге США, как следует из словарных дефиниций, обозначает «to act in a threatening, menacing manner» [The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English], «to behave in a violent manner for no good reason» [The Facts on File Dictionary of American Regionalisms], «to become angry or aggressive» [Cassell’s Dictionary of Slang]. В течение пяти сезонов авторы рассказывают историю превращения скромного школьного учителя химии в триумфального криминального гения.

В основе сюжета лежит описание жизненного пути главного персонажа и происходящих с ним личностно-психологических изменений. Динамика образа может быть выражена термином «арка героя», который используется при описании кинотекста и понимается как «процесс изменения героя в ходе истории, трансформация от его начального состояния, в котором он не может добиться цели и/или решить свои проблемы, до конечного, в ко-

тором это становится возможным» [Словарь терминов кинодраматургии]. Традиционно выделяют три типа арок: (1) положительная – герой побеждает «внутренних демонов» и изменяется в лучшую сторону, (2) плоская – герой практически не меняется в течение развития сюжета, выступает в роли катализатора изменений изображенного мира и (3) отрицательная, в которой герой изменяется в худшую сторону [Уэйланд 2020, с. 8].

По мнению А.З. Акопова, интерес зрителя от завязки (начала фильма) до кульминации неуклонно нарастает. «Если нарисовать график роста и падения напряжения зрителя в течение фильма, должна получиться арка, которая двумя «ногами» будет упираться в начало и финал фильма, а высшая ее точка будет обозначать кульминацию. Но, поскольку кульминация располагается ближе к концу фильма, то и пик арки на картинке будет сдвинут вправо» [Акопов 2010, с.197].

Данная статья посвящена языковым средствам, маркирующим путь главного героя от начала до конца сюжета. Поскольку понятие «арка» подразумевает прежде всего психологические, индивидуальные изменения, которые происходят с героем [Gerke, 2010], лексическое оформление речи персонажа будет рассматриваться в качестве свидетельства его социально-личностного развития.

Поведение человека, в том числе и речевое, обусловлено его социальным окружением, его идентичностью. Идентичность определяется как социальное позиционирование себя и других. Согласно мнениям исследователей, идентичность не является автономной или независимой особенностью человека. Она приобретает иной социальный смысл при контакте с другими носителями определенной культуры [Bucholz, Hall, 2005, p. 591]. В кинотексте, который состоит из пяти частей-сезонов, последовательно представлены три этапа взаимодействия личности с новой для нее субкультурой, которые определяют изменения в речевом поведении личности: (1) вне чужой субкультуры, (2) адаптация к субкультуре, (3) аккультурация, то есть «приобретение коммуникативных способностей к новой культуре». Через продолжительный опыт общения люди осваивают то, что необходимо в новых условиях [Бороноев, Павленко 1994, с. 257].

Следует отметить, что изменение – это ключевое понятие сериала. Уже в первой серии Уолтер Уайт утверждает, что, по его

мнению, изменение есть основа материи, и химия изучает не вещества, а именно изменения.

(1) «Chemistry is, well, technically, chemistry is the study of matter. But I prefer to see it as the study of change. Now just – just think about this. Electrons. They change their energy levels. Molecules. Molecules change their bonds. Elements. They combine and change into compounds. Well, that’s – that’s all of life. Right? It is growth, then decay, then transformation. It is fascinating, really». [WTV]

Значимость понятия «изменение» для говорящего подчеркивается многократным повтором лексемы *change*, а также использованием существительных *growth, decay, transformation*, денотативное значение которых содержит сему «change». Таким образом, Уолтер Уайт не только описывает химические реакции, но и в контексте кинотекста задает программу собственного личностного развития. Рост, распад и трансформация – именно эти стадии пройдет главный герой в рамках сюжетного пространства кинотекста.

Первой группой лексических маркеров «арки героя» в кинотексте являются имена собственные. Когда школьный учитель Уолтер Уайт решает изменить свою жизнь, он отказывается от своего имени и, став криминальным авторитетом, берет кличку Гейзенберг. Оба антропонимы контекстуально мотивированы. Импликационал имени прилагательного *white* включает семы «моральная чистота, честность, готовность помочь людям, отказ от причинения вреда». Умный и доброжелательный Уолтер добросовестно выполняет свою работу, однако это не приносит ему ни общественного признания, ни материального благополучия. Поэтому, начиная новую жизнь в иной субкультуре, он решает сменить имя. Выбор нового имени не случаен: физик-теоретик Вернер Гейзенберг, один из создателей квантовой механики, член множества академий и научных сообществ, удостоенный Нобелевской премии в 1932 г., является для Уолтера Уайта символом успеха. Персонаж не только создает новую личность в ином социуме, но и заявляет о своем намерении достигнуть тех высот, которые ему не покорились в обычной жизни.

Второй группой лексических маркеров изменения положения говорящего в субкультуре являются сленгизмы. В начале сериа-

ла персонаж находится за пределами субкультуры; он добропорядочный гражданин, человек, обладающий широкими научными знаниями. В его репликах (*пример (1)*) отсутствует разговорная лексика, оно изобилует общенаучными терминами (*chemistry, chemicals*). Синтаксическая структура высказывания – использование односоставных предложений, параллельных конструкций – способствует выделению ключевых понятий.

По мере продвижения героя по арке меняется его речевое поведение. Начало адаптации к субкультуре маркировано первыми попытками использовать новый для него язык. Иллюстрацией служит следующая сцена, в которой персонажи пытаются завести трейлер:

(2) *Jesse: You're gonna flood it man.*

Walter: I'm not gonna flood it. She's not gonna flood, alright? We're just gonna stay positive, right? We're gonna clean up this mess [WTV].

Услышав в речи представителя субкультуры сленгизм *gonna flood*, Уолтер многократно повторяет его, а затем использует разговорную грамматическую конструкцию *gonna* с иным лексическим наполнением. Таким образом, он учится говорить на новом для него языке, пытается имитировать язык субкультуры.

Следующий пример иллюстрирует переключение кодов в процессе адаптации к новым условиям коммуникации. Персонажам необходимо избавиться от мертвого тела, и Уолтер рассказывает о том, как это можно сделать «научным» способом, однако по ходу разговора прерывает себя и пытается заменить термины на более привычные для Джесси слова и выражения.

(3) *WALTER. ...that our best course of action would be chemical disincorporation... dissolving in strong acid.*

JESSE. Oh man, that's messed up [WTV].

Уолтер сохраняет тесные лингвистические связи со своим старым миром – он использует узкоспециальную лексику (*chemical disincorporation*). Заметив непонимание собеседника, он заменяет эти слова на более понятную общенаучную терминологию (*acid*), однако недостаток коммуникационного опыта в субкультуре не позволяет ему подобрать лексические единицы. Маркером неуспешности акта коммуникации является реплика Джесси «*messed up*».

Пик арки представлен в событиях заключительной части кинотекста: процесс аккультурации завершен, персонаж осознает свое высокое положение в иерархии субкультуры, уверенно использует сленгизмы. В следующем примере Уолтер обсуждает с другим наркодилером качество своего продукта, сравнивая его с аналогами иных производителей.

(4) *Walter: You produce the meth that's 70% pure, if you're lucky. What I produce is 99,1% pure.*

Man: So?

Walter: So... It's grade school T-Ball vs the New York Yankees.

Yours is just some tepid, off-brand, generic cola. What I'm making is classic Coke. A better high means customers pay more [WTV].

Речь героя изобилует лексикой наркокультуры (*to produce* – готовить наркотик, *the meth* – метамфетамин, *customers* – наркоманы, приобретающие наркотики), коллоквиализмами («a better high» в значении «лучший эффект, который можно получить при употреблении наркотика»), метафорами, характерными для речи представителей субкультуры. Примером служат метафоры, призванные показать разницу между конкурирующими наркотическими товарами *grade T-Ball vs the New York Yankees* и *generic cola vs classic Coke*.

Таким образом, изменения в речевом поведении персонажа свидетельствуют об изменении его социального статуса и места в иерархии субкультуры, то есть о прохождении им отрицательной «арки героя». Путь, пройденный персонажем в рамках сюжетного пространства кинотекста, соответствует визуальному образу арки: в первых частях героя прежде всего интересует решение собственных финансовых проблем и достижение поставленной цели, обретение материальной стабильности, может расцениваться как движение вверх. Кульминационная сюжетная точка, финансовый успех и высокое положение в субкультуре, – это начало пути вниз, начало разрушения личности, отказавшейся от этических норм, и потери ею социального статуса за пределами субкультуры. Лексическими маркерами арки героя в сериале «BREAKING BAD» являются антропонимы и сленгизмы.

Список литературы

Акопов А.З. Драматургия телесериала в контексте экранной культуры (на материале компании «Амедиа») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. №3. с. 194-199.

Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 1994.

Словарь терминов кинодраматургии [Электронный ресурс]. URL: <http://dramafond.ru/slovar-terminov/> (дата обращения: 5.04.2020).

Уэйланд К.М. Создание арки персонажа. Секреты сценарного мастерства: единство структуры, сюжета и героя. – М.: «Альпина нон-фикшн», 2020.

Bucholz, M. Hall, K. Identity and Interaction: A Sociocultural Linguistic Approach // Discourse Studies 7(4-5):585-614. October 2005. Gerke, J. Plot versus Character: A Balanced Approach to Writing Great Fiction. – 2010.

Website TVsubtitles.net with the collection of subtitles for TV Shows – Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/tvshow-133-1.html> (дата обращения: 19.02.2020) (WTV)

Kleimenova Victoria Yurjevna (Saint Petersburg, Russia)

Filatov Alexander Sergeevich (Saint Petersburg, Russia)

LINGUISTIC MARKS OF “CHARACTER ARC” IN “BREAKING BAD” TV SERIES

The article focuses on “character arc”, i.e. growth of the character as the plot unfolds. In the series “Breaking Bad” the changes in the character lead to his new social status which in its turn alters his speech behaviour. Linguistic marks of the character arc in the film text are personal names and slang. They indicate the process of acculturation.

Keywords: character, slang, “character arc”, acculturation, subculture.

УДК 81.42

И.В. Коныхина, С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИРАЩЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ФЕМИНИТИВОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Статья посвящена анализу использования феминитивов в современных англоязычных публицистических статьях. Несмотря на отсутствие оценочных коннотаций в семантике большинства феминитивов, в контексте публицистического текста они могут приобретать оценочные смыслы, которые чаще всего являются негативными.

Ключевые слова: публицистический текст, феминитивы, оценочность, коннотации.

Феминитивы – относительно новый класс слов, появление которого обусловлено развитием феминистических идей в современном обществе. Это слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода. Компонентный и контекстуальный анализ данного класса слов позволяет сделать вывод о том, что феминитивы часто выступают в роли средств субъективной модальности в различных типах текстов, в частности, в публицистическом тексте. Именно поэтому оценку как вид модальности можно рассматривать в качестве наиболее интересного компонента их семантики.

Проведенный нами дефиниционный анализ 11 феминитивов (*administratrix, businesswoman, policewoman, gentlewoman, priestess, chairwoman, poetess, astronette, manageress, tomboy, presidentess*) позволил сделать вывод о том, что в значениях этих феминитивов отсутствуют оценочные коннотации. Исключение составляют два феминитива: *tomboy* и *gentlewoman*.

Электронный словарь «Collins English Dictionary» дает следующее определение значения лексемы «tomboy»: «a girl who acts or dresses in a boyish way, liking rough outdoor activities» [Collins English Dictionary, электронный ресурс]. В определении компонент значения «rough» содержит отрицательную оценку. Кроме того, в общественном сознании грубость не ассоциируется с девушками или женщинами, что также способствует форми-

рованию отрицательного отношения к девушкам, проявляющим маскулинные поведенческие характеристики. В значении лексемы «gentlewoman», напротив, обнаруживается положительная оценочная коннотация. Так, вышеупомянутый электронный словарь определяет данную лексическую единицу следующим образом: «a woman who is cultured, courteous, and well-educated» [там же]. Три компонента значения (cultured, courteous, and well-educated), как видим, обладают положительными оценочными смыслами. Хорошо образованная, вежливая и культурная женщина положительно оценивается общественностью и не вызывает отрицательных эмоций.

Изучение семантики данной группы слов в публицистическом тексте показало, что некоторые феминитивы приобретают в нем оценочные приращения значений.

Известно, что публицистический текст освещает актуальные общественно-политические проблемы, его основная функция – это постоянное и глубокое воздействие на читателя. Субъективно-оценочная окрашенность информации позволяет передавать ощущения и впечатления, тем самым воздействуя на читателя и вызывая эмоциональные отклики на различные события и проблемы. Одной из характеристик этого текста, как следствие, И.Р. Гальперин называет обилие оценочных средств выражения [Galperin, 2012, p. 287].

Публицистическая статья относится к аналитическому жанру публицистического стиля, следовательно, в ней представлен определенный анализ, исследование какого-либо события. Среди языковых особенностей статьи исследователи выделяют обилие средств, выражающих логические связи (союзы, вводные слова), а также средств, позволяющих выразить формулировки закономерностей: абстрактные существительные, единственное число в собирательном значении, термины, часто узкоспециализированные, с последующим объяснением и лексемы, называющие отвлеченные понятия [Воронова, Минакова, 2014].

Рассмотрим некоторые случаи использования феминитивов в публицистических статьях.

Статья Метлер Кэйти «Give us your tired, your poor» посвящена американской писательнице и поэтессе Эмме Лазарус, чей сонет выгравирован на бронзовой доске внутри Статуи Свободы.

Сочувствие к еврейским и русским беженцам, которое чувствуется в каждой строчке произведения поэтессы, имело большое значение для иммигрантов, прибывающих в Америку. Колонизация западных земель привела к огромному потоку иммигрантов, их количество возросло в 17 раз [Ефимова, 2007]. Произведение Эммы Лазарус «Новый Колосс» стало олицетворением тех событий, которые происходили в США в середине 19 в.

Автор статьи употребляет феминитив «poetess», рассказывая о том, как слова Эммы Лазарус определили отношение американцев к свободе:

«What she didn't know at the time – as a woman whose work as a “poetess” had been the subject of condescension – was that it would be her words, lyrical and poignant, that decades later came to define the American vision of liberty» [Mettler Katie, 2017].

Согласно словарной дефиниции, оценочные коннотации в значении ЛЕ «poetess» отсутствуют («a female writer of poems» [CED]), однако, в тексте статьи феминитив приобретает отрицательные оценочные смыслы, в частности, под влиянием ЛЕ «condescension» («the act or an instance of behaving in a patronizing way» [CED]), выражающей несерьезное, высокомерное отношение к поэтессам. Автор использует феминитив «poetess» с целью подчеркнуть тот факт, что, несмотря на снисходительное отношение к женщинам данной профессии, Эмма Лазарус смогла своим творчеством добиться к себе уважительного отношения и повлияла на восприятие концепта свободы многими американцами.

В статье «Predictions of a Presidentess» Адриен Лафранес рассуждает о возможном будущем женщины: может ли женщина стать президентом страны? Адриен говорит о том, что этот вопрос возник еще в прошлом столетии, однако ответ на него был скорее отрицательным. Мужчины видели предназначение женщин далеким от управления целой страной. Несмотря на это, некоторые полагали, что такое будущее возможно, и мужчинам будет отведена второстепенная роль, как в политической, так и в экономической сферах человеческой жизни.

Помимо заглавия – сильной позиции, определяющей основную тему статьи, в тексте дважды употребляется феминитив «presidentess», а также синонимичные ему словосочетания:

«female president» (4 раза), «woman president» (3 раза) и «female chief executive» (1 раз).

Феминитивы способствуют выражению отрицательного отношения мужчин 20 в. к возможному назначению женщины на президентский пост в будущем, к тому, что государство, управляемое женщиной, изменится в неузнаваемую сторону. Во всех случаях употребления в статье феминитив реализует значение «a female president» [CED]. В узуальном значении ЛЕ коннотации отсутствуют, однако, в контексте феминитив и его синонимы приобретают дополнительные оценочные смыслы.

Например, насмешливое, несерьезное отношение к женщине как главе государства выражено во фразе «part its hoax-news April Fool's Day edition», где такая возможность приравнивается к глупой первоапрельской шутке:

«In 1919, one Florida newspaper predicted the election of a “presidentess” the following year – as part its hoax-news April Fool's Day edition» [Lafrance Adrienne, 2016].

Отрицательная оценка большинства к назначению женщины президентом экипелируется в ЛЕ «negatives»:

«Yet many other predictions for American life with a female president instead focused on the presumed negatives: With a woman in charge, tobacco would lose its potency, women would start wearing trousers, the halls of power would fill with squalling babies, and the nation's global standing would evaporate» [там же].

Не во всех случаях, однако, такие оценочные приращения отрицательные. В начале статьи автор рассуждает о том, что развитие технологий невозможно без гендерного равенства и, как следствие, без предоставления женщине возможности выбирать любую профессию, в том числе и в политике. В этом контексте выражение «female chief executive» содержит положительную оценку:

«And although headlines at the time screamed about the imminent “danger of a woman becoming president of the United States,” imagining the first woman president often meant exploring the contours of life in some far-off future that would be unrecognizable in several ways. After all, the new national obsession with a hypothetical female chief executive brought politics into a realm long dominated by technological thinkers: futurism. While some people predicted that a woman in office would stifle industrial progress,

others envisioned technology and gender equality marching forward in tandem» [там же].

Положительная оценка имплицирована в окружающих феминитив словах и выражениях: technology, industrial progress, technological thinkers. Все эти понятия ассоциируется с позитивными явлениями, способствующими развитию человечества, следовательно, номинация «female chief executive» понимается как часть прогресса и общественного развития.

Таким образом, использование феминитивов помогло автору статьи не только убедительно отобразить отрицательное отношение мужчин 20 в. к возможному назначению женщины главой государства, но и выразить свое отношение к тому, что должность президента в ближайшем будущем может стать достижимой для женского пола. Для автора статьи общественный прогресс невозможен без гендерного равенства во всех сферах человеческой жизни.

Итак, из результатов проведенного нами компонентного и контекстуального анализа следует, что феминитивы постепенно входят в речь носителей английского языка; это свидетельствует о начале процесса устранения языкового сексизма. Номинации женского рода зафиксированы в англоязычных словарях и являются, в основном, нейтральными моносемантическими лексемами. Несмотря на то, что в словарных дефинициях феминитивов не обнаруживаются коннотации, в контексте публицистической статьи данные лексемы приобретают оценочные смыслы, преимущественно негативные. Феминитивы с оценочными приращениями выполняют в тексте стилистические функции, придают не только оригинальность речи автора, но и делают ее более убедительной, что способствует достижению основной цели публицистического текста – глубокому воздействию на восприятие читателя.

Список литературы

Collins English Dictionary (CED): [сайт]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 10.02.2020).

Galperin I.R. English Stylistics. ed. by L.R. Todd. 4th ed. M., 2012.

Lafrance A. Predictions of a Presidentess [сайт]. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2016/11/predictions-of-a-presidentess/505982/> (дата обращения: 10.02.2020).

Mettler Katie. «Give us your tired, your poor»: The story of Emma Lazarus. // Washington Post [сайт]. URL: <https://newsela.com/read/emma-lazarus-refugees/id/26423> (дата обращения: 03.02.2020).

Воронова А.В., Минакова Н.А. О некоторых лингвистических особенностях газетных медиатекстов [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 03.02.2020).

Ефимова М. Эмма Лазарус. Стихотворения как пьедестал свободы [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/> (дата обращения: 03.02.2020).

Konyakhina Irina Vladimirovna (Volkhov, Russia)
Filippova Svetlana Gennadjevna (Volkhov, Russia)

EVALUATIVE AUGMENTS OF FEMINITIVES' MEANINGS IN PUBLICISTIC ARTICLES

The article is devoted to the analysis of feminitives in modern English publicistic articles. Despite the fact that there are no evaluative connotations in feminitives meanings, in the context of the publicistic text they can gain the evaluative augments that are usually negative.

Keywords: publicistic text, feminitives, evaluation, connotation.

УДК 811.11.112

Е.В. Малышева (Санкт-Петербург, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В УТОПИИ И АНТИУТОПИИ

В статье анализируется специфика построения категорий художественного пространства и времени в утопии и антиутопии на примере произведений С. Батлера «Эдгин» (Erewhon) (1872) и О. Хаксли «О дивный новый мир» (Brave New World) (1932). Анализ показал, что для утопий более значимой является категория художественного пространства, а для антиутопий наибольшую значимость представляет категория художественного времени. Средства создания вышеназванных категорий – это разнообразные лексические маркеры, которые могут быть эксплицитными и имплицитными.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, текст, категория текста, художественное время и пространство, эксплицитные маркеры, имплицитные маркеры.*

Утопия и антиутопия как два противоположных, но в то же время взаимосвязанных явления не оставляют равнодушными исследователей в разных областях знания. В последние десятилетия об утопиях и антиутопиях были написаны интересные работы литературной, социокультурной и собственно лингвистической направленности (см. напр., [Григоровская, 2018; Лукашёнков, 2010; Тузовский, 2009; Филиппова, 2019; Шадурский, 2011; Шишкина, 2018, 2019]).

Целью данной статьи является определение специфики средств формирования текстотипологических категорий художественного пространства и времени в утопическом и антиутопическом текстах, где антиутопия рассматривается, с одной стороны, как логическое продолжение утопии и с другой – как её противоположность.

С античных времён утопии рассказывали о таких местах полного блаженства, где законы идеальны, а каждый человек счастлив. Но на смену идеальным картинам «счастливых островов» или «идеальных республик», особенно ярко рисовавшихся

людям в XV – начале XX веков (Т.Мор, Т.Кампанелла и др.), пришли научно обоснованные, пугающие воображение антиутопии (Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл).

Популярность нового жанра объясняется, по мнению Э.Л. Рахимовой, тем, что антиутопия – «это всегда «настоящий» роман: с любовью, приключениями, невозможными совпадениями. Ее герои живут в приземленном, человеческом мире, в отличие от условного мира утопии. Антиутопические романы как бы имитируют жизнь в ее наиболее драматических и трагических изломах. В них есть то, что современному человеку необходимо: ирония, сатира, карикатура» [Рахимова 2015, с. 104].

Выбранные для анализа произведения – утопия С.Батлера «Эдгин» и антиутопия О.Хаксли «О дивный новый мир» – повествуют о несуществующих мирах, где быт и жизнь людей отличаются от настоящего, знакомого читателю мира, но при этом, если утопия повествует нам о чудесном мире, который существует параллельно реальному миру, то антиутопия рассказывает нам о будущем, о той реальности, которая может появиться через много лет. Именно поэтому пространственно-временные маркеры в этих произведениях являются интересными объектами для лингвистического анализа.

Категории художественного пространства и времени относятся, согласно типологии З.Я. Тураевой [Тураева, 1986], к содержательным категориям текста¹ и, как предполагается, могут считаться текстообразующими и текстотипологическими категориями как для утопического, так и для антиутопического типа текста. Рассмотрение особенностей создания данных категорий в тексте утопии в плане сравнения с антиутопическим текстом позволит в дальнейшем выявить эволюцию языковой репрезентации текстотипологических категорий в антиутопиях.

В анализируемых произведениях можно выявить эксплицитные и имплицитные средства выражения категорий художественного пространства и времени. К эксплицитным средствам

¹ Термин «содержательные категории текста» используется З.Я.Тураевой вслед за И.Р. Гальпериным. Содержательные категории противопоставляются структурным [Тураева, 1986] и формально-структурным [Гальперин, 1981]. См. анализ инвентаря категорий в работе И.А. Щировой, Е.А. Гончаровой «Многомерность текста: понимание и интерпретация». СПб. 2018 [Гончарова, Щирова, 2018].

относят конкретные даты событий литературного произведения, а также реальные топонимы, локализирующие происходящее в пространстве, что и будет рассмотрено далее в статье. Имплицитные средства – это маркеры, действие которых основано на читательских ассоциациях. Встретив такие маркеры в тексте, читатель сопоставляет их с фактами реальной действительности, проводит анализ и формирует в своем сознании пространственно-временные отношения конкретного литературного произведения.

Эксплицитные маркеры пространства обнаруживаются как в утопии, так и в антиутопии.

Так, точный пространственный маркер в самом начале утопии С. Батлера указывает нам на страну, откуда герой отправляется в путешествие:

«If the reader will excuse me, I will say nothing of my antecedents, nor of the circumstance which led me to leave my native country; ... I thought that I could better my fortunes more rapidly than in England» [Butler 1967, p.17] (здесь и далее выделено автором настоящей статьи – Е.М.).

Читатели антиутопии О.Хаксли вводятся в новый мир через центральный инкубатор, название которого так же сразу дает возможность локализовать его в пространстве. Очевидно, что действие романа происходит в Лондоне (Великобритания): «CENTRAL LONDON HATCHERY AND CONDITIONING CENTER, and, in a shield, the World State's motto, COMMUNITY, IDENTITY, STABILITY» [Huxley 1989, p.1].

В обоих анализируемых текстах указание на место действия производится автором в первом абзаце первой главы. Эксплицитные маркеры дают читателю возможность не только локализовать действие произведения в пространстве художественного текста, но и соотнести это пространство с реальным миром.

В антиутопии, в отличие от утопии, встречаются и другие соотносящиеся с реальным миром топонимы, указывающие на пространство: *New York, Samoa, New Guinea, New Mexico, New Orleans, Texas, the North Pole*. Такой широкий географический разброс реальных топонимов позволяет читателю антиутопии сделать вывод, что все пространство Земли в будущем будет полностью покорено людьми и подчинено единым законам антиутопического общества.

Локализация художественного пространства относительно реального мира осуществляется также через описание природы и предметов окружающего мира. В этих описаниях проявляются различия между миром утопии и антиутопии.

Так, изображая природу утопического мира, описывая наполняющие его предметы, С. Батлер использует такие прилагательные, как *magnificent, beautiful, delightful, admirable* и др., тем самым подчеркивая отличие фикционального мира от реального, величие природы в этом недоступном месте:

«When we had got past the village the fog rose, and revealed magnificent views of the snowy mountains and their nearer abutments, while in front I could now and again catch glimpses of the great plains which I had surveyed on the preceding evening» [Butler 1967, p. 49];

«The wide and wasteful river with its ceaseless rushing – the beautiful water-birds too, which abounded upon the islets and were so tame that we could come close up to them – the ineffable purity of the air – the solemn peacefulness of the untrodden region – could there be a more delightful and exhilarating combination?» [Butler 1967, p. 25];

«My food was plain, but always varied and wholesome, and the good red wine was admirable» [Butler 1967, p. 55].

Такое описание художественного пространства формирует в воображении читателя образ «райского уголка». Это ощущение усиливается благодаря контрасту в описании природы вне этого волшебного края с помощью таких прилагательных, как *stony, brawling, roaring, etc.*

«We found as soft a piece of ground as we could – though it was all stony – and having collected grass and so disposed of ourselves that we had a little hollow for our hip-bones, we strapped our blankets around us and went to sleep» [Butler 1967, p.26];

«We followed an Alpine path for some four miles, now hundreds of feet above a brawling stream which descended from the glaciers, and now nearly alongside it» [Butler 1967, p.26];

«...he crosses a bridge hung in mid-air over a roaring waterfall, and enters on the darkness of a tunnel, hewn out of the rock» [Butler 1967, p. 185].

Все эти описания помогают читателю осознать труднодоступность и недостижимость в пространстве прекрасного утопического мира.

О. Хаксли в тексте антиутопии, указывая на временные отношения, рассказывает о мире, который будет существовать приблизительно через 400 лет. Существует эксплицитный временной маркер, показывающий это - летоисчисление, которое ведется в описываемом фикциональном мире. За точку отсчёта взят тот момент, когда Форд изобрел первый автомобиль. Поэтому вместо указания «От рождества Христова» (AD) используется «Эпоха Форда» (AF): «*Hypnopædia, first used officially in A.F. 214*» [Huxley 1989, p. 24].

Более того, автор дает конкретное указание года происходящих событий: «*In this year of stability, A.F. 632, it didn't occur to you to ask it*» [Huxley 1989, p. 3].

Указание на время также осуществляется с помощью имплицитных маркеров:

«*Two thousand pharmacologists and bio-chemists were subsidized in A.F. 178*» [Huxley 1989, p. 53]. Понятие «биохимия» только появилось на момент выхода книги, соответственно, учитывая то, что данная наука широко распространена в этом мире, читатель ассоциативно соотнесет его существование с планом будущего.

«*Bent over these instruments, three hundred Fertilizers were plunged...*» [Huxley 1989, p. 2]. Наука начала XX века не находилась на том уровне развития, чтобы востребовать такое количество специалистов в представленной области, соответственно, данный имплицитный маркер времени отнесет читателя к плану будущего.

Еще один маркер будущего – это наименования технических новшеств, которые герои используют в своей речи. Эти слова являются для них обыденными, не представляющими ничего неизвестного. Таким образом, Хаксли формирует в нашем воображении ту «реальность», в которой живут его герои, и помогает противопоставить эту модель мира действительности, в которой находится читатель:

«*„Going to the Feelies this evening, Henry?“ enquired the Assistant Predestinator*» [Huxley 1989, p. 34];

«*Now – such is progress – the old men work, the old men copulate, the old men have no time, no leisure from pleasure, not a moment to sit down and think—or if ever by some unlucky chance such a crevice of time should yawn in the solid substance of their distractions, there is always soma, delicious soma, half a gramme for a half-*

holiday, a gramme for a week-end, two grammes for a trip to the gorgeous East, three for a dark eternity on the moon; returning whence they find themselves on the other side of the crevice, safe on the solid ground of daily labour and distraction, scampering from feely to feely, from girl to pneumatic girl, from Electromagnetic Golf course to ...» [Huxley 1989, p. 55–56];

«*The taxicopter landed on the roof of Lenina's apartment house*» [Huxley 1989, p. 173].

В качестве имплицитного маркера времени в антиутопии можно рассматривать имена собственные (антропонимы). Многие герои романа носят имена известных личностей, с которыми ассоциировались революционные идеи XIX – начала XX века: **Lenina Crowne** (очевидно, что за основу взят псевдоним Ленин, автор лишь трансформирует известный псевдоним в вариант женского имени); **Bernard Marx** (автор делает героя однофамильцем Карла Маркса); **Polly Trotsky** (эпизодически встречающаяся героиня носит фамилию известного российского политического деятеля начала XX века). Эти антропонимы персонажей из вымышленного мира будущего, тем не менее, ассоциируются у читателя с определенным историческим промежутком времени. Можно предположить, что использование имен собственных такого рода выполняет не только временно-определятельную функцию, но в ретроспективе начинает выполнять и оценочную функцию, которая во многом определяется фоновыми знаниями и мнением об исторических событиях читателя.

Маркеры, определяющие категорию времени в утопии С. Батлера, выполняют функцию, отличную от функции временных маркеров в романе О. Хаксли. Если О. Хаксли стремится показать, что его мир – мир будущего, т. е. он недоступен во времени, но имитирует реальное пространство, то С. Батлер рисует нам картины мира, находящегося в близком читателю времени, но недоступного в пространстве.

Для того, чтобы читатель понял, что утопический мир существует в якобы реальном времени, он, через образ главного героя, попадающего в утопический «Рай», выстраивает параллели с настоящим, выделяя сходства:

«*The way of cooking and eating was European*» [Butler 1967, p. 45]; «*This is the case in many of Italian villages*» [Butler 1967,

р. 46] – быт людей утопического мира напоминает герою быт итальянской деревни;

«*All things were generally the same as in Europe*» [Butler 1967, р. 45] – жизнь людей напоминала жизнь современной для героя Европы, герою она не казалась необычной или отставшей от цивилизации;

«*The vine grew outside many of the houses and there were some signboards on which was painted a bottle and a glass*» [Butler 1967, р. 48] – бытовое сходство подчеркивает нахождение в едином времени с реальным миром.

Все достижения прогресса в утопическом государстве знакомы как герою, так и читателям, так как взяты из реального мира. В то время как в антиутопии научный прогресс естественен для героя, но не понятен читателям-современникам автора, так как содержит в себе много неизвестных открытий будущего.

Таким образом, на основе проведенного анализа средств выражения категорий художественного пространства и времени в утопии С. Батлера «Эдгин» и антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир», можно сделать вывод, что в утопии автор делает более значимым художественное пространство, а в антиутопии – художественное время. Арсенал средств, создающих художественное пространство в утопии, гораздо разнообразнее, чем в антиутопии. В свою очередь, набор средств для изображения художественного времени гораздо более разнообразен в антиутопии по сравнению с утопией. Это обусловлено тем, что утопия рассказывает нам о мире, находящемся в реальном для читателя времени, но недоступном в пространстве, а антиутопия рассматривает мир в реальном, но удаленном во времени пространстве. Иными словами, утопия переносит читателя в мир, существующий якобы в реальном времени, но территориально недоступный, а антиутопия, являясь логическим продолжением утопии, создает мир будущего, который будет существовать через много лет в якобы реальном пространстве.

К эксплицитным средствам выражения художественного пространства в проанализированных произведениях относятся реальные топонимы (антиутопия), к имплицитным – качественные прилагательные, с помощью которых автор дает оценку описываемым предметам (утопия). При этом неприступность утопи-

ческого мира подчеркивается с помощью описания природных ландшафтов. Еще одним средством усиления ощущения пространственной недоступности в утопии является отсутствие конкретных топонимов для локализации утопического государства в пространстве. Читатель лишь догадывается о его приблизительном местонахождении.

Категория художественного времени в обоих произведениях также выражается с помощью эксплицитных и имплицитных маркеров. К эксплицитным средствам выражения относится употребление конкретных дат, четко определяющих локализацию события во времени, что характерно для антиутопии. Имплицитными являются средства, которые локализуют действие во времени, опираясь на ассоциативные связи читателя: имена известных современников, используемые для наименования героев произведения; научная терминология, которая называет достижения технического прогресса; слова, описывающие окружающие героев реалии, что характерно как для утопии, так и для антиутопии.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. 1981.

Григоровская А.В. Атлантида как утопическая модель в романе Айн Рэнд «Атлант Расправил плечи». Филологические науки. Вопросы теории и практики. 6-2 (84). 2018. С. 240–244.

Лукашёнков И.Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века. Ярославский педагогический вестник. № 4. Том 1 (Гуманитарные науки). 2010. С. 286–288.

Пятигорский А.М. Утопия как незаживающая интрига. EINA1: Философия. Религия. Культура. Том 4 (1/2). 2015. С. 538–543.

Рахимова Э.Л. Жанровая модель антиутопии. Актуальные проблемы филологии. № 12. 2015. С. 100–104.

Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М., 1986.

Филиппова Е.В. Параметры соотнесенности: методологические измерения утопии. В кн.: В.М. Воронов, К.Я. Коткин (ред.) Масштабы и меры. Мурманск: МАГУ, 2019. С. 64-73.

Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ, 2011.

Шишкина О.В. «Дивный новый мир»: эксплицитная и имплицитная модели Цивилизации как антиутопического центра. МедиаАльманах. №4. 2019. С.94-100.

Шишкина О.В. Роман Дж. Оруэлла «1984»: аудиальное наполнение пространства и семантика колокольного звона. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 1 (124). 2018. С. 174-177.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2018.

Butler S. *Erewhon*. USA: Airmont Publishing Company, 1967.

Huxley A. *Brave New World*. USA: HarperPerennial, 1989.

Malysheva Elena Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

FICTIONAL SPACE AND TIME OF UTOPIA AND ANTIUTOPIA

The paper analyzes the specifics of building categories of fictional space and time in utopia and anti-utopia. The comparative analysis of S. Butler's utopia "Erewhon" (1872) and O. Huxley's classical anti-utopia «Brave New World» (1932) showed that the category of fictional space is more important for utopias, while the category of fictional time is more important for anti-utopias. The tools for creating the above categories are the variety of lexical markers that can be both explicit and implicit.

Keywords: utopia, anti-utopia, text, text category, fictional time and space, explicit markers, implicit markers.

С.М. Пашков, М.А. Малышева (Волхов, Россия)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КONTИНУУМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируются языковые средства, репрезентирующие пространственно-временной континуум в художественном тексте. Помимо выделения пространственных и временных деталей, изображающих пространство и время в тексте, постулируется необходимость выделения пространственно-временных деталей. Показано, что эти детали изображают пространство и имплицитуют время. Выделяются две группы пространственно-временных деталей, имплицитующие: а) суточный цикл; б) годовой цикл.

Ключевые слова: художественный текст, пространственно-временной континуум, пространственная деталь, временная деталь, пространственно-временная деталь.

Категории пространства и времени исследуются в разных областях научного знания. В философии они определяются как «формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их со-бытие, со-существование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования» [Всемирная энциклопедия: Философия, 2001, с. 838]. Пространство и время образуют нерасторжимое единство, и их «разъединение» осуществляется в исследовательских целях.

В лингвистике пространство и время рассматриваются, в частности, как текстовые категории. основополагающими исследованиями в этой области знания являются труды М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, Е.А. Гончаровой, О.И. Москальской, А.Ф. Папиной, З.Я. Тураевой и др. «Спаянность» пространства и времени, моделируемая в художественном тексте как вторичной моделирующей системе, эксплицитруется вариативной терминологией (Ср. «хронотоп» (М.М. Бахтин), «континуум» (И.Р. Гальперин), «топохронос» (М.В. Никитин), «локально-темпоральная отнесенность» (В.А. Кухаренко), «пространственно-временная структура» (Е.А. Гончарова)). В статье предпочтение отдается термину

«континуум», поскольку ее цель – лингвистическое исследование пространственно-временных деталей, моделирующих единство пространства и времени, а данная онтология топоса и хроноса эксплицируется именно термином «континуум». Под последним обычно понимаются «объекты, части которых недискретны, не отделены друг от друга какой-либо границей, а плавно переходят друг в друга» [Никитин, 2007, с. 92].

В категориальной модели текста, предложенной И.Р. Гальпериным, континуум определяется как «определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве <...>» [Гальперин, 2009, с. 87]. Ученый отмечает, среди прочего, текстотипологическую маркированность пространства-времени и более высокую точность пространственного континуума в художественном тексте, чем временного [там же, с. 87–89]. Следует отметить, что ученый относит к пространственному континууму также действующих лиц [там же, с. 95].

При лингвистическом анализе художественных образов времени и пространства (пространственно-временного континуума), в качестве операциональной единицы исследования в статье выступает художественная деталь, под которой понимается «компонент художественного образа, обладающий различной степенью эстетической активности в зависимости от характера семантической трансформации языковых единиц, реализующих деталь в тексте» [Щирова, 2003, с. 15].

На сегодняшний день имеется множество лингвистических исследований, в которых анализируются пространственные и временные детали на материале художественного текста. Первые реализуются языковыми единицами с локальной семантикой, вторые – с темпоральной. В силу «абсолютного антропоцентризма» (Е.А. Гончарова) художественного текста, в исследованиях акцентируется функциональная направленность данных деталей на «экстериоризацию внутреннего мира» (И.А. Щирова) персонажа. Однако при создании художественных моделей объективного пространства и времени автор может стремиться к изображению их онтологического единства. В этой связи уместно привести известную мысль А.П. Чехова, который писал: «У тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и

покатилась шаром черная тень собаки или волка» [Чехов, 1974, с. 241].

В логике сказанного представляется возможным выделение *пространственно-временной детали*, под которой понимается компонент художественного образа, реализуемый языковыми единицами с локальной семантикой и имплицитный, помимо когнитивной активности персонажа, темпоральные отношения. Следовательно, пространственно-временной континуум в художественном тексте реализуется тремя типами деталей: пространственными, временными и пространственно-временными.

Проиллюстрируем вышесказанное на материале романа Патрика Макграта «Spider». Герой романа – больной шизофренией Деннис Клег, который по ошибке убил мать. После лечения в психиатрической больнице он едет в реабилитационный центр в Лондоне, где все напоминает о произошедшей трагедии.

Пространственные детали

(1) «*I have a narrow bed with a cast-iron frame and a thin, tired mattress that lies as uncomfortably upon its few functional springs as I do upon it; this bed is too short for me by about six inches, so my feet stick out the end. There is a small threadbare rug on the cracked green linoleum, and a hook on the back of the door from which a pair of wire hangers dangle, jangling tinnily when I open the door*» [Spider, 1990, p. 11].

В первом микроконтексте описывается убогая палата Денниса в реабилитационном центре. Пространственные детали, формируемые ЛЕ (лексическая единица) с локальной семантикой *bed, frame, mattress, springs, rug, linoleum, hook, door, hangers*, изображают ветхие предметы интерьера. Примитивные вешалки (*a pair of wire hangers*), короткая и узкая кровать (*a narrow bed, this bed is too short for me*), тонкий и пролежанный матрас (*thin, tired mattress*), потертый коврик и потрескавшийся линолеум (*threadbare rug on the cracked green linoleum*) – все это, естественно, негативно воздействует на Денниса, имплицитно его отрицательные эмоции.

Временные детали

(2) «*On I scribbled, on through the hours of darkness, getting down on paper my exact and detailed reconstruction of that terrible*

night, all I'd thought about during those long, empty years cooped up in Canada» [Spider, 1990, p. 72].

В микроконтексте № 2 описывается эмоциональное состояние Денниса, пытающегося посредством ведения дневника восстановить детали трагедии (убийство матери). Временные детали, формируемые существительными с темпоральной семантикой *hours, night, years* в контексте ЛЕ *terrible, long, empty* свидетельствуют о тягостном периоде в жизни героя. После смерти матери герой ощущает себя опустошенным (*empty*), а время идет мучительно медленно (*long*).

Пространственно-временные детали

Как было отмечено выше, в романе можно выделить пространственно-временные детали, имплицитующие годовой и суточный циклы.

(3) «*The rain had stopped, though droplets still clung to the bare branches of the trees in the park, glinting in the light of the streetlamp then dripping onto the dead leaves below. A figure with an umbrella went hurrying along the pavement, and somewhere a dog began to bark. The moon was a slender crescent of yellow light, and I imagined that light rippling on the dark swells of the river a mile or so to the south» [Spider, 1990, p. 45].*

В микроконтексте № 3 описывается осенний пейзаж после дождя в ночное время. Пространственно-временные детали *the bare branches of the trees* и *dead leaves*, формируемые ЛЕ с локальной семантикой *branches, trees, leaves*, изображают Лондон (пространство) и имплицитуют осеннее время года (годовой цикл). Дефиниционный анализ лексемы *bare* («*not covered by trees or grass, or not having any leaves» [LDCE]*) свидетельствует об изображенных голых ветвях деревьев, что наблюдается осенью, зимой и ранней весной. Опора на макроконтекст романа снимает эту неопределенность и позволяет интерпретировать изображенное время года как осень.

Суточный цикл в данном микроконтексте имплицитруется пространственно-временными деталями *the light of the streetlamp* и *the moon was a slender crescent of yellow light*. Они формируются ЛЕ с локальной семантикой *moon* и *streetlamp*, которые дефинируется как:

- moon: ‘the round *object* that you can see shining in the sky at *night*, and that moves around the Earth every 28 days’;
- streetlamp: ‘a light at the top of a tall post in the street’ [LDCE].

Предложенная интерпретация доказывается ближайшим контекстом – лексемой *light* и номинативным словосочетанием *yellow light*. Луна светит ночью, а фонари днем, как правило, не зажигают.

Подведем итог. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в художественном тексте пространственно-временной континуум моделируется посредством трех типов деталей: пространственными, темпоральными и пространственно-темпоральными. Последний тип деталей предполагает дополнительные когнитивные усилия читателя, поскольку с помощью них имплицуруется не только внутренний мир героя, но и время. В связи с этим можно утверждать, что данные детали обладают большей степенью эстетической активности.

Список литературы

Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2009.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007.

Чехов А.П. Письмо Чехову Ал. П., 10 мая 1886 г. Москва // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. Т. 1. Письма, 1875–1886. – М.: Наука, 1974. – С. 241–243.

Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.

McGrath P. Spider. New York, 1990.

Longman Dictionary of Contemporary English: [сайт]. URL: <http://www.ldoconline.com/> (дата обращения: 10.02.2020).

*Pashkov Sergey Mikhailovich (Volkhov, Russia),
Malysheva Maria Alexandrovna (Volkhov, Russia)*

SPATIO-TEMPORAL CONTINUUM IN FICTION

The article deals with analysis of linguistic means representing spatio-temporal continuum in fiction. In addition to spatial and temporal details that depict space and time in fiction, it is necessary to distinguish spatio-temporal details. It is shown that these details depict space and imply time. Two groups of spatio-temporal details are identified: a) implying the daily cycle; b) implying the annual cycle.

Keywords: fiction, continuum, spatial detail, temporal detail, spatio-temporal detail.

С. М. Пашков (Волхов, Россия)

ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕНОРМАТИВНОСТЬ В НЕОГОТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются языковые средства репрезентации информационной ненормативности, рассматриваемой в качестве причины страха в неоготическом тексте. Анализ проводится с опорой на понятие эмоционального сценария, в структуре которого выделяются «причина», «эмоция» и «реакция». Описываются три группы лексем, обозначающие различный характер информации: а) скрытый; б) неопределенный; в) необычный.

Ключевые слова: информационная ненормативность, эмоция, эмотивность, эмоциональный сценарий, неоготический текст.

Интенсивный рост исследований в области эмотивности языка свидетельствует, в частности, о важности эмоций в процессе понимания природы человека, его языка и общения [Альба-Хуэс, Ларина, 2018, с. 19]. Не так давно язык и эмоции рассматривались как сущности, не имеющие ничего общего. Сегодня многие исследователи, вслед за James M. Wilce, могут заявить: ‘The loci of emotion in language are as numerous as locusts in a plague’ [Wilce, 2009, p. 39].

В эмотиологии аксиоматичен тезис о том, что в любом языке отрицательные эмоции превалируют [Шаховский, 2016, с. 63], в связи с чем они чаще привлекают внимание исследователей. Среди «эмоциональных фаворитов», безусловно, остается страх. Неослабевающий интерес к страху диктуется тем, что эта эмоция (в той или иной степени, осознаваемо или нет) пронизывает все бытие человека, начиная от его рождения и кончая смертью [Риман, 1998, с. 12].

При лингвистическом описании эмоций исследователи часто обращаются к понятию *эмоционального сценария*, позволяющему системно описать эмотивные смыслы. Данный сценарий дефинируется как «ряд развивающихся событий, которые особым образом темпорально и каузально соотнесены» [Kövecses, Palmer, Dirven,

2003, р. 140]. Его базовыми компонентами являются «причина», «эмоция» и «реакция». В тексте реализация компонента «причина» осуществляется посредством языковых средств, маркирующих явления внеязыковой действительности, вызывающие определенную эмоцию. Реализация компонентов «эмоция» и «реакция» связывается с использованием языковых средств, обозначающих, описывающих или выражающих эмоции [Шаховский, 2009].

Тексты неоготической прозы содержат богатый материал художественного осмысления страха. Предметом изображения (темой) в них выступают ненормативные (аномальные) процессы и явления в сфере человеческих отношений. Согласно авторской интенции, они вызывают страх персонажа и рассматриваются в качестве причин появления этой эмоции. Данные причины могут быть объединены понятием ненормативности, под которой понимается характеристика объекта, осознаваемая человеком как неправильная, необычная и наименее встречаемая. Поскольку причины страха не исчерпывают тематику неоготики, отношение между предметом изображения (темой) в данных текстах и причинами страха следует рассматривать как отношение общего и частного.

К видам ненормативности, воспроизводимым в неоготическом тексте, относится, в частности, *информационная ненормативность*, определяемая как характеристика (отрицательная) эпистемического состояния персонажа. Причинно-следственная связь неизвестности и страха постулируется психологией. Отмечается, что страх обуславливается дефицитом информации при удовлетворении потребности [Симонов, 1966].

Проанализируем языковые средства, маркирующие информационную ненормативность в неоготическом романе А. Murdock "The Unicorn". Главная героиня романа, Мариан Тейлор, приезжает в замок Гейз давать частные уроки Ханне, хозяйке замка. Ханна находится в Гейзе за измену и попытку убить своего мужа, а охраняют ее злые и порочные слуги: Джералд и Виолет. После тщетной попытки увезти Ханну, которая погибает из-за несчастного случая, Мариан покидает зловещий замок.

В замке Гейз все является неизвестным, таинственным (*Everything in this house is secretive* [The Unicorn, р. 129]) и необъяснимым с точки зрения здравого смысла. Сложность осмысления героиней происходящего в замке создает у нее иллюзию,

что она находится в сумасшедшем доме (*little madhouse* [The Unicorn, p. 89]).

(1) “*The moon cast behind her in the garden the black shadow of the stone wall. The smooth sheep-nibbled lawn of grass that led to the cliff top lay clear before her, empty, shadowless, appallingly stilled by the dim cold illumination. Marion stood in the doorway. Something behind her. Something that she feared, seemed yet like a magnet holding her back. The garden was thick and magnetic behind her. Her desire to go out was gone. She was afraid to step outside. She stood paralysed in the gateway for some time, keeping her breathing quiet*” [The Unicorn, p. 54–55].

В микроконтексте № 1 причина страха номинируется неопределенным местоимением *Something*, в значении которого имеется сема ‘unknown’. Анафорический повтор лексической единицы (далее ЛЕ) позволяет поставить необходимый смысловой акцент: причиной страха, с которым девушка столкнулась за стенами замка, является неизвестность. Семантический повтор ЛЕ *magnet* и *magnetic* передаёт специфику этого человеческого страха: неизвестность и страшит, и притягивает. Сад не только пугает своей неизвестностью, но и влечёт к себе героиню, словно магнит. Пейзажная деталь *shadowless, appallingly stilled by the dim cold illumination* создает образ лужайки, кажущейся пугающе неподвижной в тусклом и холодном свете. Сема ‘dark’ в семантической структуре эпитета *dim* указывает на то, что тьма не позволяет героине ориентироваться на местности и препятствует отражению потенциальных угроз.

Информационная ненормативность, характеризующая эпистемическое состояние героини, обуславливает развитие эмоционального сценария. Эмоция страха описывается глаголом *feared* и стативом (*was*) *afraid*; реакция на страх описывается причастием *paralysed* и словосочетанием *keeping her breathing quiet*. Лексическая анафора *She was afraid to step outside. She stood paralysed in the gateway for some time, keeping her breathing quiet* концентрирует внимание читателя на героине, а точнее – на страхе, который ее охватил. Причастие *paralysed* и словосочетание *for some time* фиксируют характерные особенности высшей степени страха (аффекта страха) – его неконтролируемость и кратковременность.

К компонентам текста, имплицитно выражающим реакцию испуганной героини, можно отнести предложение, в котором описывается исчезновение у неё желания выйти из замка (*Her desire to go out was gone*).

(2) “*Marian woke with a start, and terror immediately, with consciousness, invading her limbs and made them rigid. It was pitch dark in the room, but she knew that someone was standing beside her bed. She tried to move and speak, but it was as if her throat were being held*” [The Unicorn, p. 238].

В микроконтексте № 2 причина страха номинируется неопределенным местоимением *someone*. Если в микроконтексте № 1 неизвестность номинируется ЛЕ *something*, которая имеет референцию к неодушевленному предмету, то в микроконтексте № 2 используется референция к неопределенному лицу. Мариан начинает пугаться обитателей замка.

Страх Мариан, которая находится в полной и пугающей неизвестностью темноте (Ср. *pitch dark*), описывается словосочетанием *with terror*. Реакция на страх воспроизводится в тексте посредством номинации соматических реакций: скованности конечностей (*invading her limbs and made them rigid*), потери дара речи (*throat were being held*). Сравнение (*as if*) и длительный вид глагола (*were being held*) усиливают эмоциональное воздействие на читателя.

(3) “*Jamesie stared. She could see his eyes, darker and larger in the very dim light. The wavering candle flame cast moving shadows across his features, making them mobile and grotesque. It came to Marian that he was full of purpose, he was going to do something, he had come to her with some end. She shrank back from him. She had not let her mind dwell upon the mystery of his relation with Gerald. It confronted her now, and she felt in the staring boy the new madness of the house collected and wakeful*” [The Unicorn, p. 241].

В микроконтексте № 3 страх героини вызывают скрытый характер отношений Джеймси и Джералда (обитателей замка), неопределенность целей и необычное поведение Джеймси. Причина страха номинируется существительным *mystery* (скрытый характер информации), неопределенными местоимениями *some* и *something* (неопределенный характер информации) и суще-

ствительным *madness* (необычный характер информации); семы ‘hidden’, ‘unknown’ и ‘unaccountable’ в их значениях актуализируются микроконтекстом. Исследования В. И. Шаховского показали, что ЛЕ *some* в структуре *some* + N употребляется в эмоциональных контекстах для выражения широкого диапазона противоположных эмоций на оси «одобрение-неодобрение». В семном наборе этой ЛЕ выделяются в качестве потенциальных эмотивные семы, в том числе *dreadful*, *terrible*, *awful*, *horrible* [Шаховский, 2009, с. 170]. Поскольку неопределенность цели прихода Джеймси (*some end*) пугает героиню, оправданно предположить, что перечисленные эмотивные семы местоимения *some* актуализируются микроконтекстом. Страх Мариан усиливается мрачной освещенностью замка (*The wavering candle flame cast moving shadows across his features, making them mobile and grotesque*), тени от пламени свечи придают лицу Джеймси уродливый вид. Необычность поведения Джеймси (*she felt in the staring boy the new madness of the house*) усиливает таинственность и неизвестность происходящего в замке.

Реакция на страх описывается эмоциональной кинемой *shrank back*. В значении этого фразового глагола имеется сема ‘frightened’, которая актуализируется в тексте (‘to move back and away from something, especially because you are *frightened*’ [LDCE]). Основанием для такой интерпретации фразового глагола служит существительное *madness*, которое актуализирует в тексте, помимо вышеуказанного, еще один лексико-семантический вариант (‘very stupid behaviour that could be *dangerous* or have a very bad effect’ [LDCE]). Сема ‘dangerous’ свидетельствует об угрозе, исходящей от Джеймси, а любая угроза непременно вызывает страх.

Подведем итог. В неоготическом тексте информационная ненормативность выступает причиной страха и моделируется посредством языковых средств, обозначающих: а) скрытый характер информации; б) неопределенный характер информации; в) необычный характер информации. Все три группы лексем связаны со сложностью получения информации. ЛЕ первой группы акцентируют целенаправленное сокрытие информации. В их значениях присутствует сема ‘hidden’. ЛЕ второй группы акцентируют неопределенность информации. В их значениях

присутствует сема 'not known'. ЛЕ третьей группы указывают на необычность информации, трудность ее объяснения. Методом многоступенчатого дефиниционного анализа в их семантической структуре можно выделить сему 'unaccountable'.

Список литературы

Альба-Хуэс Л., Ларина Т. В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. No 1.

Риман Ф. Основные формы страха. М., 1998.

Симонов П. В. Что такое эмоция? М., 1966.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016.

Kövecses Z., Palmer G. B., Dirven R. Language and emotion: The interplay of conceptualisation with physiology and culture // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. 2003.

Wilce J. M. Language and emotions, Cambridge University Press, 2009.

Murdock I. The Unicorn. Australia, 1963.

Longman Dictionary of Contemporary English: [сайт]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 10. 01. 2020).

Pashkov Sergey Mikhailovich (Volkhov, Russia)

INFORMATIONAL NON-NORMATIVITY IN NEO-GOTHIC TEXT: EMOTIVE ASPECT

The article dwells upon analysis of language means representing informational non-normativity, it being considered as a cause of fear in neogothic text. The research is carried out with reference to notion of emotional script consisting of three components: «cause», «emotion», «reaction». Three groups of lexemes representing different types of information are identified: 1) hidden; 2) indefinite; 3) unusual.

Keywords: *informational anorminateness, emotion, emotivity, emotional script, neo-gothic text.*

К.Д. Токарева (Санкт-Петербург, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «Я-ДРУГОЙ»

В статье на примере англоязычного мемуарного текста исследуется актуальное для антропоцентричной науки понятие «языковая личность». Основой для выявления и анализа особенностей языковой репрезентации личности мемуариста служит трехуровневая структура языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым.

Ключевые слова: языковая личность, мемуарный текст, структура языковой личности, диалогичность текста, репрезентация языковой личности.

Языковой личностью называется совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [Караулов, 2010]. Тексты, созданные языковой личностью, дают представление о говорящем субъекте на уровне активного творческого осмысления действительности. В общеизвестной концепции Ю.Н. Караулов выделяет несколько уровней структуры языковой личности:

- вербально-семантический уровень – естественный язык, который принимается его носителем как данность;
- когнитивный уровень, включающий в себя понятия, идеи и концепты, которые формируют упорядоченную картину мира, существующую в сознании автора текста;
- прагматический уровень, связанный с выявлением мотивов и целей, которые ставит перед собой автор при создании текста [Караулов, 2010].

На особенности репрезентации в тексте языковой личности мемуариста закономерно влияют типологические характеристики мемуарного текста. Учитывая ограниченный объем статьи, остановимся лишь на некоторых из этих характеристик.

1. Документальность повествования.

Мемуарный текст обладает такой характеристикой, как документальность. В которой проявляется публицистическое начало

мемуарного текста. Документальность обуславливается информативной функцией, выполняемой публицистическими текстами и реализующейся в точности и документированности изложения. Документальность в мемуарном тексте проявляется в использовании многочисленных указаний на даты, места событий, употреблении имен исторических деятелей, например: “*He and his wife, Annie, were scheduled to come to Tucson that April for James to read at the University of Arizona Poetry Center, but of course that was never to be*” [Silco, p. 14]; “*It was at Acoma Pueblo that the Spaniards chopped off one hand and one foot of every captured Acoma man or boy over the age of seven, in retaliation for an Acoma victory over the Spanish troops in 1598*” [Silco, p. 21]. В данных примерах содержатся точные указания на места событий и дату событий, что позволяет читателю воспринимать рассказываемые события как происходившие в действительности, тем более, что он мог слышать об этих событиях из других источников.

2. *Взаимодействие субъективности и документальности повествования, придание изложению достоверности посредством контекстуализации знания.*

Мемуарный текст, как пишет Л.Е. Бушканец, обнаруживает «недостоверность в целом» [Бушканец, 2015, с. 20]. Так как «позиция вспоминающего неизбежно субъективна, он представляет свою версию событий, обусловленную его местом в происходящем, его политическими, литературными, этическими представлениями и т.п.» [Бушканец, 2015, с. 20]. В мемуарах бывшего агента Секретной службы США К. Хилла, например, важную роль играют его личные симпатии к окружающим людям, повествование носит выраженный субъективный характер, о чем свидетельствует обилие в нем оценочной и эмотивной лексики. В тоже время многочисленные маркеры документальности – точные даты и места географического расположения; факты, подтвержденные другими источниками, более точными в описании информации, чем мемуары, целеориентированы на убеждение читателя в достоверности рассказа и справедливости авторской оценки. Такое описание манеры поведения Дж. Кеннеди, особенностей его внешности и отношения к окружающим в том же мемуарном тексте, во многом обусловлены субъективным воспри-

ятием Хилла и могут отличаться от восприятия других. Вместе с тем, исторический факт, не подлежащий сомнению, – избрание Дж. Кеннеди на пост президента США, совпадающее по времени со службой Хилла в охране, усиливает эффект правдоподобия и повышает степень доверия читателя к рассказу мемуариста. Историко-культурный контекст, в который автор помещает свои переживания, т.о., не просто повышает интерес читателя к тексту. Образующие его факты, персоналии и события представляются как имевшие место и, хотя они интерпретируются мемуаристом, исходя из собственной субъективной оценки, всегда соотносятся с общеизвестными знаниями.

3. *Субъективность повествования, реализуемая в языковом эгоцентризме, оценочности и экспрессивности.*

В следующем отрывке из того же мемуарного текста эмоциональное состояние автора описывается при помощи фразеологизма и прилагательных и характеризуется экспрессивностью и оценочностью:

“My mind was spinning as I replayed the events of the last couple of weeks, trying to figure out what I could have done wrong, and though my stomach was in knots, I did my best to stay calm and composed” [Hill, p. 14].

Экспрессивное описание состояния нервного напряжения описывается посредством фразеологизма *my stomach was in knots*, оценка заложена в лексемах *wrong, my best, calm, composed*. Использование экспрессивной лексики направлено на то, чтобы вызвать у читателя, полагаясь на его опыт, схожие ощущения и эмоции, заставить его сопереживать автору.

4. *Сочетание двух временных планов – времени события и времени создания текста.*

Мемуарист создает текст на основе воспоминаний, обращаясь к собственной памяти. Например, в мемуарах писательницы Л.М. Силко, опубликованных в 2010 году, описываются события настоящего (10- гг. XXI века) и события прошлого – периода ее рождения (семейные события XIX–XX вв.) и детства (50–60-е гг. XX века): *“I was born in 1948, the year of the supernova in the Mixed Spiral galaxy”* [Silco, p. 3]; *“When I was twelve <...>”*. [Silco, p. 8]. В переплетении временных планов, в отборе событийного материала и в способах его семантической и структурной орга-

низации реализуются не только авторская субъективность, но и интенция мемуариста на самовыражение.

5. Реализация интенции автора на самовыражение

Я и Другой, указывает М.М. Бахтин, – это «принципиально различные, но соотношенные между собой ценностные центры <...>» [Бахтин, 2003, с. 67]. В их взаимодействии возникает коммуникация, т.е. диалог, через который Я осмысливает собственную личность и свое отношение к Другому. Под диалогическими отношениями М.М. Бахтин понимает любые отношения между Я и Другим, в том числе осуществляемые посредством речи [Бахтин 1972: 71]. В тексте мемуаров как в акте коммуникации осуществляется: а) взаимодействие между автором и читателем (информация передается по каналу Я–ОН; в функции Другого выступает читатель), б) обращение автора к самому себе (информации передается по каналу Я–Я; в функции Другого выступает сам мемуарист). Если в тексте изображается передача информации по каналу автокоммуникации, «носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл» [Лотман, 2000, с. 160], более того, изменениям подвергается личность адресанта высказывания. Я и Другой могут обладать схожими или не схожими картинами мира, что влияет на особенности восприятия текста Другим. В любом из этих случаев фактор адресата имеет для мемуариста несомненную значимость. Другой как участник акта коммуникации противопоставляется его Я. Лишь на основе взаимодействия с Другим Я способно проявить свою языковую личность.

В тексте, построенном на изложении событий прошлого, значимым элементом выступает память, а изложение является воспоминанием – воспроизведением образов прошлого, хранящихся в автобиографической памяти и локализованных во времени и пространстве [Зинченко, 2003, с. 74]. Создание мемуаристом собственного образа, который, с одной стороны, воспринимается читателем, а с другой – оценивается и переживается автором, является опосредованной формой самопрезентации авторской языковой личности. Автор Я) обращается к памяти и прошлому как к ценностям, чтобы составить себе характеристику и представить ее читателю (Другому).

Языковая личность автора-мемуариста реализуется в диалоге с Другим на трех уровнях структуры, выделенной Ю.С. Карауловым (см. выше)

Так, характерное для мемуарного текста обращение автора к памяти *на вербально-семантическом уровне* выражается посредством единиц лексико-семантического поля «Память»: *Fortunately my subconscious remembers* [«to bring to mind or think of again»] *everything I need* [Silko, p. 32]. Включение в повествование ЛЕ remember позволяет акцентировать внимание читателя на том, что речь идет о событиях прошлого. Обращение к памяти содержится в следующих фрагментах мемуарного текста: «Sometimes in this casual environment you could almost forget [«to lose the remembrance of : be unable to think of or recall»] he was the President of the United States» [Hill, p. 45]; “*The star pattern reminded* [«to put in mind of something: cause to remember»] *me of the Star Being images incised into sandstone thousands of years ago*” [Silko, p. 4]; “*We learn to ignore the discrepancies between our memory* [«the power or process of reproducing or recalling what has been learned and retained especially through associative mechanisms»] *of an event and a sister’s memory*” [Silko, p. 74].

Языковая репрезентация личности автора нередко обеспечивается языковыми средствами, которые подтверждают эгоцентрический, экспрессивный характер мемуарного текста. Так, в приведенном ниже примере автор передает свои ощущения и программирует их воссоздание в сознании читателя с помощью перцептивных лексических единиц (*smell, sweet moisture, felt, the coolness*):

“*Still the clouds were very lovely – I could smell their sweet moisture and felt the coolness as I watched them move past*” [Silco, p. 13]. “*I used to wonder why he ran away from home at fourteen*” [Silco, p. 32]. Здесь с помощью оборота *used to wonder* передается эмоция автора “*Sometime in the late 1950s (was it one of the times she thought Grandpa Hank was having an affair?)*” [Silco, p.32].

Языковым средством диалогизации на вербально-семантическом уровне может служить вопросительное предложение в составе вопросно-ответного комплекса, указывающее читателю на то, что автор ориентируется на присутствие Другого (читателя) и предполагает его реакцию (*was it one of the times she thought Grandpa Hank was having an affair*).

На когнитивном уровне диалог Я с Другим проявляется через осмысление автором своего опыта в предполагаемом взаимодействии с опытом читателя, что в тексте нередко проявляется с помощью оценочных языковых средств.

Например, в следующем далее примере представлена авторская оценка действий других людей. К. Хиллу предложили, вместо работы в охране президента, работать в охране первой леди, но он счел это снижением своего статуса. Понимание Хиллом произошедшего события выражается с помощью конструкции *as though I had been demoted from the starting lineup to the bench* и слова *devastated*:

“It felt as though I had been demoted from the starting lineup to the bench. I was devastated” [Hill, p. 14].

Языковая личность автора мемуарного текста репрезентируется в ходе воссоздания читателем индивидуальной авторской картины мира. Наличие такой картины мира подтверждается присутствием и доминированием в тексте определенных смыслов, репрезентирующих «обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи» [Караулов, 2010, с. 52]. Ключевые понятия в составе авторской картины мира транслируют авторский образ, своеобразие авторского осмысления и оценки событий. Проходя сквозь призму авторского восприятия, реальные события интерпретируются и образуют текст, в котором взаимодействуют описание фактов и индивидуальные особенности их восприятия автором. Представление автором реальной действительности на когнитивном уровне дополняется её чувственным восприятием:

“In the rain mists that shimmer across the shoulders of the mountain in the west wind I can make out the tall graceful forms of the shi-wah nah, the cloud beings. I was amazed the first time I saw them crossing the Tucson Mountains” [Silco, p. 13].

Автор процитированного высказывания с помощью языковых средств, формирующих визуальные образы, реализует интенцию воссоздания в сознании читателя детальной картины окружающей действительности. Описание природного объекта сопровождается оценочной и эмотивной лексикой (*shimmer, graceful, amazed*).

На прагматическом уровне проявление языковой личности автора также происходит в условиях диалога, когда автор

стремится передать свои интенции и оценки читателю, воздействовать на него таким образом, чтобы он принял оценку. Автор эксплицирует присутствие читателя: «неожиданная» замена местоимение *I* (Я) местоимением *we* (Мы), с одной стороны, объединяет автора и читателя в единое целое, а с другой, – отделяет авторское Я от Другого (читателя):

“A great deal of what I call “memories” are bits and pieces I recall vividly; but the process we call “memory,” even recent memory, involves imagination. We learn to ignore the discrepancies between our memory of an event and a sister’s memory. We can’t be certain of anything” [Silco, p. 3].

Репрезентация языковой личности автора мемуарного текста на прагматическом уровне обусловлена представлением автора как создателя текста (рассказчика) и главного действующего лица повествования. Все эти аспекты ЯЛ реализуются в языке. Так, в следующем эпизоде автор предстает перед читателем и как рассказчик, и как герой. Как рассказчик автор описывает местность, тропу, ее назначение, и в этой связи – людей прошлого, которые пользовались этой тропой. Как герой событий – заявляет себя в описании своих действий: *I turn and follow the big arroyo back home:*

“Eventually the trail descends and crosses the big arroyo and continues; but here I turn and follow the big arroyo back home. The sandy bottom of the arroyo is criss-crossed with bird and animal tracks that make the trail that humans have used for thousands of years. In rough steep terrain arroyos may provide the only access to an area so the arroyos are “rights of way” for wildlife and humans on foot” [Silco, p. 5].

Таким образом, авторская интенция в мемуарном тексте определяется обращением автора к памяти, стремлением воссоздать события прошлого, предложить их анализ и оценку, направленную на самовыражение языковой личности автора. В основе репрезентации языковой личности мемуариста лежит повествование о событиях, значимых не только для него самого, но и для национальной и мировой истории, культуры, науки, политики. Автор вспоминает события, оценивает их и себя в этих событиях, воспроизводит эмоции, которые возникали у него в прошлом и возникают на момент создания текста, сравнивает их, стремясь

вызвать сопереживание в читателе. Воспроизводимое в тексте прошлое включает в себе уникальные моменты, эмоционально прожитые автором и составляющие часть его жизненного опыта. Оценка и эмоции автора выражаются с помощью экспрессивной, оценочной, перцептивной лексики, вопросительных и восклицательных конструкций, модальных конструкций.

В процессе коммуникации автор мемуарного текста, в зависимости от канала, по которому им передается информация, выступает по отношению к себе в качестве Я (канал коммуникации; Я как основной субъект повествования) или Другого (канал автокоммуникации). Авторская языковая личность всегда реализуется, т.о., в диалоге автора с Другим: читателем текста и с самим собой. Это выражается в двусторонней оценке событий: как автор сам оценивает события спустя некоторое время после событий в момент создания текста, так и моделируемый в тексте читатель оценивает события в момент прочтения текста. Ориентируясь на «образцового читателя», автор отбирает те факты, которые потенциально являются интересными читателю. Он выводит на первый план одни события и затеняет другие, т.е. *направляет* адресата текста на восприятие авторских интенций [Голубева, с. 76] (курсив мой – К.Т.). Так, мемуарный текст обычно содержит в себе рассказ о том или ином человеке, сыгравшем в жизни автора значимую роль, и при отборе фактов для описания в мемуарах автор задействует, в основном, те факты, которые касаются этого человека. Например, в мемуарах К. Хилла, посвященных рассказу о работе с Ж. Кеннеди, описываются события, наступившие после того, как Хилла назначили в службу её охраны – практически все, что предшествовало этому событию, автор не затрагивает.

Репрезентация языковой личности автора и актуализация оппозиции «Я – Другой» осуществляется в мемуарном тексте на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном, прагматическом (терминология Ю.Н. Караулова). На вербально-семантическом уровне оппозиция, в частности, реализуется с помощью перцептивной и ментальной лексики, которая способствует воссозданию образов окружающей действительности, описываемой автором. На когнитивном уровне оппозиция «Я – Другой» актуализируется посредством перцептивной, оценочной и эмотивной

лексики, передающий уникальный опыт, проживаемый и оцениваемый мемуаристом. На прагматическом уровне эта лексика реализует авторское намерение обратиться к читателю и вызвать эмпатию у читателя, при этом читатель сопоставляет полученные факты со своим жизненным опытом. Прагматический уровень подразумевает применение таких языковых средств, как обращения, вопросительные конструкции, побудительные конструкции, эксплицирующее диалог мемуариста с Другим.

Список литературы

Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003.

Бушканец Л. Е. Проблема достоверности литературных мемуаров и современные концепции нейрофизиологии памяти // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Том 157, кн. 2.

Голубева Т. А. Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний: на материале англ. и амер. авторов XIX и XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 1990.

Зинченко Т. П. Воспоминание // Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. СПб, 2003.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Лотман Ю. М. Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб, 2000.

Hill C. Mrs. Kennedy and Me, An Intimate Memoir. Gallery Books, 2012.

Silko L. M. The Turquoise Ledge: A Memoir. Viking; First Edition, 2010.

Tokareva Kseniya Dmitrievna (Saint Petersburg, Russia)

**REPRESENTATION OF THE AUTHOR' LANGUAGE PERSONALITY
IN MEMOIR TEXTS OF THE XX–XXI CENTURIES**

This article deals with the research of the concept «language personality» as exemplified in a language personality of a memoir text. The peculiarities of language representation of the memoirist's personality are identified and analyzed in accordance with the three-level structure of the language personality.

Keywords: language personality, memoir text, structure of a language personality, dialogism in text, representation of a language personality.

С. Г. Филиппова (Волхов, Россия)

СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА ХАЛЕДА ХОССЕЙНИ «И ЭХО ЛЕТИТ ПО ГОРАМ»

Статья посвящена анализу ключевых элементов, устанавливаемых сильными позициями текста, в третьем романе Х. Хоссейни. Семантика заглавия, начала и конца романа формирует контекст сильных позиций, который позволяет интерпретировать смыслы, реконструировать их иерархию и описать глобальный текстовый смысл. Этот смысл в романе состоит в утверждении необходимости быть с близкими и помнить о них как о высшей человеческой ценности.

Ключевые слова: смысл, интерпретация, сильная позиция

Проблематика смысла носит универсальный характер, т.к. использование языка, употребление языковых выражений есть не что иное, как оперирование определенными смыслами. Смысл рассматривается не как «часть абсолютизированной сущности семантики языка», а как часть системы мнений, знаний и ощущений носителя языка, т.е. его картины мира [Павиленис, 1983, с. 12–13].

Текстовый смысл формируется не только значениями языковых знаков, но и теми отношениями, в которые эти знаки вступают. Кроме того, смысловое наполнение текста находится в зависимости от языковой личности интерпретатора, его знаний, мнений и ценностей. «Значение текста, таким образом, имеет собственно языковой характер, в то время как смысл текста детерминируется прагматическими факторами» [Щирова, 2019, с. 44].

В художественном тексте смыслы иерархично организованы и иерархично осваиваются при интерпретации. Вершину (или центр) иерархии смыслов занимает глобальный глубинный смысл, выраженный целым текстом. Глубинный текстовый смысл называют темой (или гипертемой) текста. Основная задача интерпретатора художественного текста состоит в выявлении и описании темы, двигаясь по этапам, обратным авторской

интенции: от расшифровки смыслов микро-образов к пониманию смыслов имплицитующих деталей (таких как эмоционально-сущностная деталь и эмоциональный символ в терминологии И.А. Щировой [Щирова, 2003]), образов персонажей и, наконец, к интерпретации авторских идей, составляющих тему.

Важнейшим инструментом построения и интерпретации иерархии смыслов в художественном тексте является выдвигание, фокусирующее внимание читателя (интерпретатора) на ключевых текстовых элементах. К принципам выдвигания традиционно относят конвергенцию, сцепление, обманутое ожидание и сильную позицию текста.

И.В. Арнольд характеризует сильные позиции текста как «позиции, которые устанавливают иерархию смыслов, фокусируя внимание читателя на самом важном, усиливают эмоциональность и эстетический эффект, устанавливают значащие связи между смежными и дистантными текстовыми элементами, принадлежащими одному и разным уровням, обеспечивают связность текста и его запоминаемость» [Арнольд, 1978, с. 23]. К сильным позициям относятся заглавия, подзаголовки, эпиграфы, начало и конец текста (или главы, части).

Сильные текстовые позиции связаны с идеей отмеченности (маркированности), которая возникла в парадигматике (сначала в фонологии, затем в грамматике) в связи с логической категорией привативной оппозиции. В речевой цепи привативные отношения между маркированной и немаркированной частями возникают в связи с различием в степени информативной нагрузки [Архипкина, 2014]. Сильная позиция формирует синтагматическую маркированность априори, поскольку она очерчивает границы текста.

Исследователи отмечают тенденцию ключевых элементов к концентрации в сильных позициях. Ключевой элемент квалифицируется как дейктический (индексальный) знак, указывающий на глубинный смысл текста. Отличие ключевого элемента и сильной позиции состоит в том, что ключевой элемент не закреплен за определённым участком текста [Стрельцова, 2018, с. 1–2]. Однако сильные позиции определяют ключевые элементы, задавая программу интерпретации смыслов, и реализуют такие категории как ассоциативная когезия и адресованность.

Среди сильных позиций «сильнейшей» вершиной считается заглавие. Семантике и видам заглавий посвящено немало работ. Исследователи предлагают различные классификации заглавий. Независимо от вида заглавия (который, в первую очередь, является элементом художественного стиля автора) оно подвергается гиперсемантизации, т.к. на его смысловое наполнение оказывает влияние семантика всех языковых и композиционных компонентов текста. Заглавие является основным репрезентантом темы.

Работ, посвященных сильным позициям начала и конца текста (рамочного комплекса), значительно меньше. В.А. Кухаренко пишет о роли этих позиций в организации текстовой целостности. Так, начало текста «вводит в систему координат того мира, который будет разворачиваться перед читателем» [Кухаренко, 1988, с. 121], а конец, главным образом, актуализирует категорию завершенности, означая то, что определенный аспект картины мира автора освещен [там же, с. 130].

В результате анализа сильных позиций текста с целью интерпретации смыслов мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, сильные позиции обязательно присутствуют в тексте, что определяет их первостепенное значение в смыслопорождении. Во-вторых, сильные позиции могут различаться степенью отмеченности и, таким образом, имеют свою иерархию. Среди них возможно выделение абсолютных (заглавие, начало и конец текста) и относительных (начало и конец частей и глав). В-третьих, совокупность сильных позиций формирует особое синтагматическое семантическое поле, которое можно назвать контекстом сильных позиций. Контекст сильных позиций обуславливает семантику всех элементов текста и формирует в тексте смысловые синтагматические и парадигматические связи. Контекст сильных позиций определяет ключевые элементы текста и задает программу интерпретации текстовых смыслов. Наконец, рамочный комплекс начала и конца текста может быть замкнутым при совпадении ключевых элементов или контрастирующим при формировании оппозиции ключевых элементов начала и конца.

Абсолютную сильную позицию начала третьего романа американского писателя афганского происхождения Халед Хоссейни «*And the Mountains Echoed*» («И эхо летит по горам»), вышедшего в свет в 2013 г., занимает притча (текст в тексте) о бедном ферме-

ре, потерявшем сына. Фермер вынужден отдать спустившемуся с гор великану своего младшего сына как откуп. Отец не смог вынести тоски по сыну и отправился в горы на его поиски. Но когда он нашел пристанище великана, то оказалось, что все похищенные дети живы, здоровы и счастливы. Великан предложил фермеру выбор: забрать ребенка и обречь его на нищету или оставить жить в достатке и забыть навсегда, выпив волшебный напиток. Отец оставил сына в горах, вернулся домой и счастливо прожил свою жизнь в забвении. Но иногда он слышал «горное эхо» – звон колокольчика, который когда-то был привязан к малышу, чтобы он не потерялся, и фермера охватывала необъяснимая тоска. Потеря любимого сына навсегда оставила отпечаток печали в его сердце. Таким образом, начало романа формирует смысловое наполнение метафоры, вынесенной в позицию заглавия, *And the Mountains Echoed*, которое можно интерпретировать как «боль от потери близкого человека, невозможность его забыть».

В романе ключевой элемент *mountain* повторяется 25 раз. В позиции абсолютного начала, т.е. в притче – 11 раз (концентрация ключевого элемента). Смысловые приращения ЛЕ в начальной позиции формируют основу контекста сильных позиций, благодаря которому лексема становится символической деталью. Помимо актуализации прямого денотативного значения (*a raised part of the earth's surface, much larger than a hill*) реализуется и вторичное обобщенное значение ЛЕ (*a large amount of something*). Сема *large* коррелирует с окказиональными приращениями лексемы в романе и имплицитно эмоционально-оценочный личностный смысл: близкие занимают значительное место в нашей жизни, а их потеря приносит горе и душевные муки.

К окказиональным значениям ЛЕ *mountain*, использованной в начале романа, можно отнести такие смыслы как «граница с миром, где жизнь прекрасна, но недостижима» и «место, которое притягивает, куда стремится сердце, а недостижимость вызывает тоску». В деревне, в которой живет семья фермера, не хватает воды, плодородной земли, что становится причиной тяжелой жизни жителей. Деревня располагается в пыльной долине, окруженной горами. Недостижимость мест за горами, в частности, имплицитно оценочно-окрашенным эпитетом *craggy*: «It sat in a flat, dusty plain ringed by a chain of craggy mountains».

Старик тоскует о своем сыне, часами смотрит вдаль, в сторону гор. Эти эмоционально-оценочные окказиональные смыслы формируются выражением *a lone, wretched figure*: «...every day Baba Ayub did nothing but sit at the edge of his field, a lone, wretched figure gazing toward the mountains».

Вторая ЛЕ – *echo* – используется только в заглавии. Однако соответствующий образ реализуется в семантических повторах и имплицитных деталях. В конце притчи образ эха проявляется в детали колокольчика, который когда-то был привязан к маленькому сыну фермера. Услышав звон колокольчика, старик чувствует отголосок тоски по чему-то забытому. Этот смысл поэтично выражен сравнениями и метафорой, актуализирующими такие компоненты значения ЛЕ *echo* как «*remember something else*», *like the tail end of a sad dream, swept through him whenever he heard the jingling, like an unexpected gust of wind*: «He sighed happily, and listened to the wind sweeping down from the mountains, to the chirping of night birds.....Just as he didn't understand why a wave of something, something like the tail end of a sad dream, always swept through him whenever he heard the jingling, surprising him each time like an unexpected gust of wind».

История главных героев романа брата и сестры Абдуллы и Пари напоминает историю из притчи и начинается с того, что отец увозит маленькую Пари, чтобы продать ее в богатую семью. Приращения смыслов, реализованных ЛЕ *mountain*, определяются контекстом сильных позиций и связываются с образом Пари, последним путешествием брата и сестры перед разлукой.

Так, предчувствие потери близкого человека выражено метафорой *mountain peaks became opaque silhouettes of crouching giants*, в которой ЛЕ *giant* синонимична *div*, отсылающего к притче о великане, который отобрал ребенка из семьи: «The day's colors slowly dissolved into gray, and the distant mountain peaks became opaque silhouettes of crouching giants».

В описании Кабула повторяется не только ключевой образ горы, но и лексема *fort*, устанавливая смысловые связи, возвращая читателя к притче и жилищу дива, похитившего детей. Для Абдуллы Кабул становится «фортом дива»: «They watched the city stream by as Uncle Nabi drove. He said he would take a longer

route so they could see a little of Kabul. ... He showed them the Bala Hissar fort atop the Koh-e-Shirdawaza mountain».

Образ дворца дива, реализующий смысл потери, повторяется и в описании дома супругов Вадати (Wahdati), покупающих девочку: «He felt as though he had stepped into the div's palace».

В сильной позиции начала вводится еще одна символическая деталь, реализующая в романе образ горного эха как воспоминание, отзвук потерянного близкого человека. Это подаренная Абдуллой старая жестяная банка из-под чая, в которой Пари держала свои самые дорогие ценности – птичьи перышки. Банка с перышками становится для Абдулы «эхом-воспоминанием» о любимой сестре. Деталь используется в ближайшем контексте с описанием звуков раскатистого смеха девочки, который сохранился в памяти Абдуллы, подобно звукам колокольчика в памяти отца из притчи: «He heard in his head the tinkle of her laughter rolling around the house like it used to ... Abdullah dug until his fingers struck metal. Then he maneuvered his hands underneath and lifted the tin tea box from the hole».

В заключительной части второй главы (сильной позиции конца главы) повторяются символические детали гор и жестяной коробки и наполняются новым смыслом – надеждой. Так, надежда эксплицирована прямой номинацией и имплицирована в действиях и мыслях персонажа. Абдулла нашел красивое перышко и положил его в жестяную коробку, представляя, как оно однажды пролетит через пустыни и горы, и Пари найдет его. ЛЕ *hoped* подчеркнута парцелляцией: «He opened the tea box. They were all there, Pari's feathers, shed from roosters, ducks, pigeons; the peacock feather too. He tossed the yellow feather into the box. One day, he thought. Hoped».

Пари выросла в Париже, она не помнит своего брата, однако ее преследует «горное эхо» в виде ощущения, что что-то жизненно важное в ее жизни потеряно. Автор подчеркивает то, что это чувство посещает ее давно (*old feeling*), оно сильное и неконтролируемое (*power that catches her unawares*). Оценочный смысл эксплицирован ЛЕ *vital*: «absence in her life of something or someone vital».

К Пари приходят смутные воспоминания детства. То, что читатель знает о брате, которого не может вспомнить Пари, при-

дает повествованию острый драматизм. Ключевой смысл эха выражен ЛЕ *memory* и метафорами *a little puff breaks rank from the collective fog of Pari's memories* и *ghost*. Для передачи смысла ощущения потери и смутного воспоминания также используются глаголы *remember*, *miss* и ЛЕ *good* в речи Пари, когда она через много лет пытается объяснить племяннице свои ощущения: “I remember almost nothing about him. What I remember, it is not his face or his voice. Only that in my life something has been *missing* always. Something *good*».

Сильная позиция заключительного фрагмента шестой главы – кульминационный момент истории Пари, уже пожилой женщины. Ей читают по телефону письмо, которое открывает тайну ее детства. Сознание героини «просыпается», на нее накатывают воспоминания, и, в конце концов, «к ней возвращается горное эхо» – она вспоминает брата. Значительность этого момента подчеркивается использованием таких эпитетов как *startling*, *remarkable*; необычной метафорой *an ax striking soil and suddenly rich black oil bubbling up to the surface*. Перед Пари появляются картины далекого детства – повозка, холмы и овраги, фруктовые деревья и виноград, качели, собака, отец и мачеха. Образы замыкаются, пересекаясь (повторяясь) с повествованием начала романа: «Pari's hands shake. A *startling* thing is happening to her. Something truly *remarkable*. The picture of it in her mind is of an *ax striking soil and suddenly rich black oil bubbling up to the surface*».

Воспоминания Пари о брате смутные (*elusive shadow*), она не может вспомнить его лица (*it evades her, slips from her*), но она помнит то, что этот человек ее любил и защищал. Его образ передается эпитетами в антитезе *soft and hard*, метафорой *feels a hole opening up in her* и эпитетом *great*, которые подчеркивают осознание того, что ее лишили значительной части ее жизни. Глубина психологического состояния героини, полнота ее переживаний переданы и на синтаксическом уровне – эллиптическими предложениями и параллельными конструкциями: «But something else too at the edge of it all, at the rim of her vision—and this is what draws her most—an *elusive shadow*. A *figure*. At once *soft and hard*. The *softness of a hand holding hers*. The *hardness of knees where she'd once rested her cheek*. She searches for his face, but

it evades her, slips from her, each time she turns to it. Pari feels a hole opening up in her. There has been in her life, all her life, a great absence. Somehow, she has always known. "Brother," she says, unaware she is speaking. Unaware she is weeping».

Пари приехала в Калифорнию увидеть своего брата 57 лет спустя после их разлуки. Но «эхо» повернулось к брату и сестре другой стороной. У Абдуллы болезнь Альцгеймера, которая явилась тем самым волшебным зельем потери памяти из притчи.

В абсолютной сильной позиции конца романа смысл эха передается ключевой символической деталью коробки из-под чая с птичьими перышками, которую сохранил Абдулла и, которая через много лет вернулась к Пари: «Pari hands me the package. I tear it open for her. Inside is an old tin tea box, on its lid a faded picture of a bearded Indian man wearing a long red tunic». Она не помнит о коробке, но чувствует ее важность в памяти о брате. «Эхо» снова реализуется глаголом *remember*: «I don't know what this feather means, the story of it, but I know it means he was thinking of me. For all these years. He *remembered* me».

Таким образом, формируемый в романе контекст сильных позиций основывается на семантике текстовых элементов заглавия, начала и конца (замкнутого рамочного комплекса). Ключевые детали контекста – образы гор (mountains) и жестяной коробки с перышками (echo) символизируют тоску после утраты любимого человека и память (иногда неосознанную) о нем. Актуализируемые в тексте авторские оценочные смыслы представляют возможность быть рядом с близкими как высшую ценность для человека. Контекст сильных позиций способствует выявлению ключевых элементов в построении иерархии смыслов, ее интерпретации и описанию темы.

Список литературы

Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации текста // Иностранные языки в школе. 1978. №4. С. 23–31.

Архипкина Г.Д. Эффект сильной позиции заголовка (на материале немецкой прозы) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. С. 445–449.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.

Романы Х. Хоссейни (Khaled Hosseini) [сайт]. URL: <http://anybooksfree.com/authors/books/khaled-hosseini> (дата обращения: 20.11.2018).

Стрельцова Е.В. Сильные позиции художественного текста: начало и конец произведения (на материале произведения Р. Даля) [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/silnye-pozitsii-hudozhestvennogo-teksta-nachalo-i-konets-proi> (дата обращения: 15.03.2020).

Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб, 2003.

Щирова И.А. Понимание, интерпретация и интерпретационная программа // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In Aevum: сб. научных трудов. 2019. С. 42–46.

Filippova Svetlana Gennadjevna (Volkhov, Russia)

**STRONG POSITIONS IN INTERPRETATION OF SENSE
ORGANISATION IN THE NOVEL «AND THE MOUNTAINS ECHOED»
BY KHALED HOSSEINI**

The article is dedicated to the analysis of the key elements set by strong positions in the 3-d Kh. Hosseini's novel. The semantics of the title, beginning and end of the novel forms the context of strong positions which helps to interpret the senses, reconstruct their hierarchy and describe the global text sense. The author of the novel asserts the necessity of being with and remembering one's closest as the highest human value.

Keywords: sense, interpretation, strong position, context of strong positions.

Z. M. Chemodurova (Saint-Petersburg, Russia)

THE PHENOMENON OF MICROFICTION: AN INTERTEXTUAL PERSPECTIVE

The objective of the article is to analyze the role of intertextuality in constructing “short short stories”, or microfictions, which have gained popularity with the onset of the Digital Age. Intertextual markers used by the authors of such microstories are viewed in the article as one of the mechanisms of foregrounding enhancing the expressivity of the stories, their emotional impact, and ludic potential.

Keywords: short short stories, microfiction, intertextuality, foregrounding, attention focusing, cognitive stylistics.

1. INTRODUCTION: *Microfiction as the reflection of the current Zeitgeist.*

With the onset of the Digital Era we can witness a sharp spike in the popularity of what literary critics, philologists and creative writing professors refer to as “short short stories”. This umbrella term is often used to describe a great variety of narrative subgenres complying with at least one generic convention: the brevity of the form. This formal criterion, however, can also be quite misleading as a number of words allowing a piece to be attributed to this genre of short-short prose may vary from just 6 words (the so-called “six-word stories”), and the 280 characters in Twitterature, for example, to up to 2500 words [Drag, 2018] constituting practically a conventional short story.

The proliferation of the terms describing this phenomenon, on the one hand, attests to its rising popularity and, on the other hand, demonstrates the relevance of its multidisciplinary analysis. There have emerged a few dozen names such as “flash fiction”, “sudden fiction”, “microfiction”, “hint fiction”, “miniature fiction”, “minute fiction”, “smoke-long fiction” [All-Sharqi; Abbasi, 2015] showing the lack of consensus among the researchers as to the definition of the genre and the major principles of its identification. Practically every scholar investigating the “short-shorts” tends to mention

the phenomenally brief piece of fiction ascribed to E. Hemingway and viewed as one of the most evocative examples of this kind of writing: “*For sale: baby shoes, never worn*” [Nelles, 2012, p. 91]. This six-word story, though it cannot claim to have a full-fledged narrative structure, still manages to produce a most powerful effect on the readers, as it involves them in a pragmatic situation causing an immediate emotional resonance. The impact is obviously enhanced by the detachment on the syntactical level and the lexical choice (the adverb “never”) foregrounding the inevitable inference readers might make. A recent sample of such radically brief fiction is entitled “Widow’s First Year” and consists of 4 words only: “*I kept myself alive*”. Joyce Carol Oats contributed this piece to the anthology called “Hint Fiction” (2010) sharing her emotional experience of losing a spouse.

Marc Bortha offers the following definition of microfictions: «A conjunction of the Greek mikros (small) and the Latin fictio (formation), microfictions are small literary forms, either historical or contemporary, which are suited to representing a wide range of subjects while remaining responsive to the shifting contexts of literary production and reception» [Bortha, 2016, p. 202]. As can be seen from this rather general outline of microfiction as a type of the text, the author of the chapter in the Cambridge Companion to the English Short Story (2016) points out the need to take into consideration some early samples of microfictions, or miniature texts. Both he and William Nelles in his ground-breaking essay on Microfiction (2010) pay tribute to some «short verbal forms as the parable, exemplum, fabliau, and fable [that] have been widely and more or less continuously practiced for millennia» [Nelles, 2012, p. 87].

Nevertheless, all the students of this genre agree that with some notable exceptions, such as some short-short stories by K. Chopin, for instance, and outstanding miniatures of Modernists (V. Woolf, for example), it’s the 1950s and the 1960s that marked a surprising surge in microfiction production. It was in the Age of Postmodernism that practising experimental literary forms, including flash fiction, and disrupting numerous generic conventions turned into a prevalent tendency (for the survey of most influential postmodernists practising microfictions see: [Bortha, 2015], [Drag, 2018]). The short-shorts by R.Coover, D.Barthelme, A. Carter, M. Atwood,

enjoyed by so many readers for their narrative fragmentation, intertextual games, and ironic reflections, might be viewed as the precursors of present-day microfictions.

What makes microfictions so popular nowadays is the combination of various factors. Among them is the reduced attention span of many modern readers accustomed to scanning through various blogs and posts while commuting (hence, the popularity of the Japanese cell phone novels, “keitai shosetsu” [Nelles, 2012, p. 88], twitter fiction, both serialized and presented in 140/280-character format; and the emergence of numerous labels for this type of texts such as “minute-long, palm-sized, little short, pocket-size, and smoke-long”, wide-spread in China [All-Sharqi, Abbasi, 2015, p. 53]). The impatience of contemporary readers, eager to get involved in the “intensive” game of imagination, and the fast-paced lifestyle of the present day caused by the staggering developments in technology can be considered a driving force and a major factor behind the ever-increasing success of all kinds of microfictions reflecting the spirit of our times compellingly enough.

2. THE ROLE OF INTERTEXTUALITY IN MICROFICTION

William Nelles in his article “Microfiction: What Makes a Very Short Story Really Short?” undertook one of the first attempts to delineate the constituent features of Microfiction as a separate genre claiming that there are significant differences between a short story as it was defined in Norman Freeman’s often quoted essay entitled “What Makes A Short Story Really Short?” (1958) and modern short short stories [Nelles, 2012]. Given the complexity of the object under investigation, which might be examined from various perspectives, including both formal characteristics of microfictions (such as their size, structure and composition) and their inherent textual features (such as time, space, author-reader relationships, etc.), it seems quite relevant nowadays to look at Microfiction as an interdisciplinary phenomenon posing research challenges for multiple areas of linguistics.

The objective of this essay, however, is to examine just one aspect of Microfiction production and reception, which has been deemed crucially important for Postmodernist texts, the category of intertextuality [McHale, 1992]. So my intention here is to analyze the use of intertextual markers in short short stories from

the viewpoint of cognitive stylistics which might yield some insight into the mechanisms of constructing and interpreting such texts.

Intertextual markers activating intertextual frames [Panagiotidou, 2012] have long been viewed as textual focal points of the interpretational programmes the authors provide for their readers, and treated as access points/keys for the readers trying to process the text information and decode the writers' intentions. One of the significant theories helping to account for complicated textual mechanisms involved in text production and reception is the Foregrounding Theory (for a recent survey see: [Gambino, Pulvirenti, 2019]) which is now considered fundamental for cognitive psychology, cognitive stylistics, discourse analysis and which might become methodologically quite relevant for examining the phenomenon of Microfiction. One of the prominent Russian stylisticians and a proponent of this theory I.V. Arnold defined foregrounding as "the ways of formal text organization focusing readers' attention on certain text properties and establishing semantic relations between textual elements of different levels or distant elements of the same text level" [Арнольд, 1999, с. 203 – all translations are mine, unless otherwise indicated, Z.Ch.]. I.V. Arnold regarded foregrounding as a central concept of her Stylistics of Decoding and identified various types of foregrounding, intertextual markers being one of such mechanisms responsible for pragmatic focusing in the text. Different kinds of intext characterized as "ontologically salient" [Ирисханова, 2014, с. 30] elements of the text help to foreground semantically most relevant fragments of the narrative enhancing their expressivity and their emotional impact.

Teju Cole created 7 microfictions modelling a futuristic world where drones attack familiar characters from the classic novels:

«1. *Mrs. Dalloway said she would buy the flowers herself. Pity. A signature strike leveled the florist's.*

2. *Call me Ishmael. I was a young man of military age. I was immolated at my wedding. My parents are inconsolable.*

3. *Stately, plump Buck Mulligan came from the stairhead, bearing a bowl of lather. A bomb whistled in. Blood on the walls. Fire from heaven» [Cole: www.thenewinquiry.com].*

Successfully using the strategy of double coding which, according to U.Eco, usually helps to establish "a sort of silent

complicity with the sophisticated reader” [Eco, 2011, p. 48] Teju Cole follows the suit of many postmodernist authors relying heavily on the intertextual irony and expecting to trigger the effect of cognitive dissonance in the minds of those readers who are not quite prepared for this kind of intertextual game [Чемодурова, 2019]. Foregrounding of the intext as a cognitive mechanism of attention focusing involves the “strong” (salient) initial position in each microfiction which intensifies the pragmatic impact and entails an immediate engagement with the text of those readers who manage to decipher the rules of the game offered by the author [Чемодурова, 2017].

The combination of several types of foregrounding, such as the “strong position” of the title and/or the beginning of the text where intertextual markers are used is a typical feature of many microfictions helping the contemporary authors to ‘deautomatize’ their readers’ attention at once and enhance the ludic modality of created texts:

“Bluebeard’s Bloody Test

My new husband’s blue-toned beard crinkles in a grin as he entrusts me with the keys and shows me the door that I must never open. There is a malicious gleam in his eye, a playful sort of evil, like an unspoken dare, a challenge, an invitation.

He places a scratchy kiss on my forehead before departing. I recall tales of the string of previous wives, their disappearances, how this castle reeks of blood. He thinks I will fail his test. But it will not be my blood spilt in this castle upon his return. I will avenge my predecessors” [Richardson, 2020, p. 232].

This one-hundred word microfiction, referred to as “drabble” (another label for the “short-shorts”) in some anthologies and critical works, presents one of many revisions of the Bluebeard tale offering a postmodernist/feminist interpretation of the canonical plot where the roles of the victim and the victimizer are reversed. The title containing the allusive Proper name activates the conventional associative schema foregrounding the key concepts of the plot: “the murderous husband”, “blood” and “test”. The initial sentence of this very short story written as the first person narration, with the wife telling it in the Present Simple Tense, takes some “unsophisticated” readers by surprise. The writer implements

the strategy of double coding provoking the effect of cognitive dissonance as the adjectives “new” and “blue-toned” help the author to shift the focus of readers’ attention away from the evil plans of the husband hinting at the reversal of the roles and setting a rather playful tone of the narration.

One of the latest anthologies of microstories (2020) offers quite a number of allusive titles which serve as the initial signals of the interpretational programmes provided by the authors: “Tea For Two”, “To Sleep, Perchance To Dream”, “Murder She Wrote”, “S.H.E.L.L.Y”, “Melanie’s Choice”, “The Last Supper”, “Till Death Do Us Part”.

Various intertextual games are a characteristic feature of many microfictions as they help both quite experienced writers and budding authors to make certain textual elements salient and intensify the expressivity of short-shorts and their ludic modality:

«To Be With Bill or Not to Be?

Bill Gates-Shakespeare, a secret admirer of the Bard, though better known to the populace as the founder of Microsoft and a leader for many years in maximisation of computer technology, walked into his virtual home in the cloud. He marched up to a console, waved his left hand over a sensor, an open fridge door appeared before him and he pulled out a bottle of water. Ecology has now overtaken us and it is no longer normal to enjoy such experiences in person. Bill’s holographic avatar consumed the chilled liquid in proxy for the man. Bill, meanwhile, ignored his own thirst as he felt compelled to read for the fourth time that day in his “I love Wm Shakespeare Journal” ...”If music be the food of love, play on ...” Inspired, he projected a virtual stage and musicians on the blank walls of his room and began to jam with Clapton and Hendrix. “Laylah”, he wailed to the music as their guitars soared in surround sound in the soundproofed room. Yes, all the ecology had finally achieved that which Bill never could... he’d frightened of his beloved wife. To paraphrase Orsino, “...her appetite had sickened and so died”» [Woods, 2015, p. 5].

This microfiction consisting of 206 words opens and finishes with the allusions to Shakespeare and this mechanism of attention focusing can be described in terms of the Foregrounding Theory as “attention convergence” [Чемодурова, 2019], since it is based

on the combination of two converging types of foregrounding: the “strong” positions of the beginning and the ending and the use of the intext [Арнольд, 1999, с. 368]. The easily decipherable title of this piece as the first manifestation of the author’s ironic game adds to the playful ambiguity of the story, especially if the readers take another look at it after completing the text.

CONCLUSION

The phenomenon of short short fiction has for several decades now been in the focus of attention of both the professional community (writers, researchers, students enrolled in numerous creative writing programmes) and readers looking favourably at different flash fiction/microfiction/anthologies published annually all around the world. Moreover, the popularity of various Contests, be it Flash Fiction Contest, or 6-Word Story Competition, has been growing steadily over the last years attracting more and more participants willing to try their hand at producing a brief evocative piece of fiction.

All these factors explain the interest of many linguists in pursuing a complex multidisciplinary analysis of Microfiction which strives to take into account the latest findings of sociolinguistics, cognitive psychology, cognitive poetics and narratology, to name just a few relevant areas of research. Probing deeper into the role of intertextuality in constructing microfiction and the use of intext as a mechanism of foregrounding the key elements of the story can throw some additional light on the inherent characteristics of this type of texts.

References

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб, 1999.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014.

Чемодурова З.М. Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе 20-21 веков. Автореферат ... доктора филолог. наук/ З.М. Чемодурова. СПб, 2017.

Чемодурова З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художествен-

ного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55–64.

All-Sharqi L., Abbasi I.S. Flash Fiction: A Unique Writer-Reader Partnership // Studies in Literature and Language. Vol. 11, № 1, 2015.

Botha, M. Microfiction. In: Einhaus, Anne-Marie (ed.) The Cambridge Companion to the English Short Story. Cambridge, 2016.

Cole T. Seven Short Stories About Drones. January 14, 2013 [Electronic resource]. URL: <https://thenewinquiry.com/blog/seven-stories-about-drones/>

Drug W. Cutting to the Chase: Microfiction, Empathy, and the New Sincerity // Brno Studies in English Volume 44, No. 1, 2018.

Eco U. Confessions of A Young Novelist. Cambridge, 2011.

Gambino R., Pulvirenti G. Neurohermeneutics. A Transdisciplinary Approach to Literature//Gestalt Theory. 2019. Vol. 41, No. 2.

McHale B. Constructing Postmodernism. London: Rutledge, 1992.

Nelles W. Microfiction: What Makes A Very Short Story Very Short? // Narrative, Vol 20. 2012. No. 1.

Panagiotidou M.-E. Intertextuality and Literary Reading: a Cognitive Poetic Approach. PhD.Thesis. University of Nottingham, 2012. [Electronic resource]. URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/14310/1/580156.pdf>

Richardson M. Bluebeard's Bloody Test // A Dark Drabbles Anthology. Compiled and Edited by D.Kershaw. Australia, 2020.

Woods E. A. To Be With Will Or Not To Be? // Microcuts: GUCW Flash Fiction Anthology. Glasgow, 2015.

Чемодурова Зинаида Марковна (Санкт-Петербург, Россия)

ФЕНОМЕН МИКРОПРОЗЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Цель статьи состоит в анализе роли категории интертекстуальности в создании так называемой микропрозы, или “свехкоротких рассказов”, ставших особенно популярными в век цифровых технологий. Интертекстуальные маркеры, используемые авторами микропрозапов,

рассматриваются в статье как один из видов выдвижения, усиливающий экспрессивность таких рассказов, их эмоциональное воздействие и игровой потенциал.

Ключевые слова: сверхкороткий рассказ, микрорассказ, интертекстуальность, актуализация, акцентирование внимания, когнитивная стилистика.

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты смыслового конструирования в художественном тексте; кратко характеризуются особенности и компоненты коммуникативной ситуации, в условиях которой оно происходит; акцентируется диалогический характер смыслового конструирования, раскрывается трансцендентный характер глубинного текстового смысла. Описание смыслового конструирования включается в контекст идей диалогизма и холизма, актуальных для современной науки.

Ключевые слова: коммуникация, смысл, целостность, связность, смысловая иерархия, тема, смысловое конструирование.

Антропоцентричность современной науки побуждает видеть в художественном тексте авторскую ценностную позицию, уникальный взгляд на мир, репрезентируемый в художественной модели силою творческого воображения и ориентирующий читателя на «активно-ответное понимание» (выражение М. Бахтина). Перцепция художника субъективна. Являясь результатом авторского выбора, слово текста репрезентирует индивидуальность творческого замысла, стиля и мировоззрения. Все элементы текста, реализуя авторскую интенцию («речевую волю говорящего», по М. Бахтину), интегрируются текстовым целым, обретают в нем большую или меньшую степень релевантности для раскрытия глубинного текстового смысла, воздействуют на когнитивную систему читателя, до сознания которого художник стремится донести свою истину. В материальной данности текста репрезентируется авторское ценностное отношение к художественной и к реальной действительности, формирующей основу художественного аналога. Текстовый смысл реализует авторский посыл.

Авторское мировосприятие объективируется в материальной данности текста, опредмечивается в вербальной (устной или

письменной) или невербальной форме. Распредмечивание смысла в сознании читателя совершается в ходе диалога его сознания с сознанием объективированного субъекта (автора), или, как характеризует диалог М. Бахтин, в ходе «обмена мыслями», высказываниями, которые строятся с помощью языковых единиц. «Ведь и самая мысль рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями» [Бахтин 1996, с. 172–173, 197].

В описании взаимодействия коммуницирующих сознаний «целостность» и «связность», нередко именуемые фундаментальными (основными) свойствами текста, играют особую роль. Целостность соотносится со смыслом текста, а связность – с вербализацией смысла посредством тематических, лексических, грамматических и пр. языковых единиц. Направление смыслового развертывания зависит от того, в сознании какого именно когнитивно-коммуникативного субъекта оно осуществляется: автора, чьей целью является реализация замысла в художественной форме, или читателя, который возобновляет литературную коммуникацию с целью понимания и интерпретации вербализованного авторского замысла с опорой на маркирующие его языковые средства. В любом случае, однако, смысловое пространство текста формируется диалогом сознаний, взаимодействующих через текст. Порожденные креативным субъектом и связанные его интенцией в единое целое, условно (на время) «застывшие» текстовые смыслы актуализируются в сознании читателя-со-творца. Обретая новую реальность, они приближают читателя к пониманию глубинного смысла текста (в иной терминологии, идеи, базисного концепта текста, концептуально-тематической сути и пр.).

Отношения смысловой целостности и формальной связности огрубленно можно назвать отношениями содержания и формы. Фундаментальный характер данных философских категорий объясняет то внимание, которое уделялось одноименным свойствам текста уже на первых этапах его осмысления. Напомним, что, в отличие от иных обращавшихся к тексту гуманитарных наук, лингвистика текста увидела в нем самостоятельный предмет исследования и поэтому, постулируя качественную определенность текста, была концептуально заинтересована в выявлении параме-

тров текста, которые её актуализировали. Утверждение принципов диалогизма в науке сместило внимание с изначально активно разрабатывавшихся элементов формы на элементы содержания текста, воспроизводимые в его коммуникативных и когнитивных моделях.

Текст относится к ключевым концептам гуманитарного знания, и ссылки на важность описания его онтологических, системных и функциональных свойств давно звучат аксиоматично. Как системное образование, констатирует А.Н. Мороховский, текст включается в «неопределенное большое количество отношений» с языковой и с неязыковой действительностью», обнаруживая «неопределенное большое число свойств и признаков» [Мороховский 2011, с. 348]. Все свойства текста широко обсуждаются, и смысловая структура не является здесь исключением. Рассматриваются механизмы смыслообразования; этапы, уровни и направления смыслового развертывания текста; языковые элементы, репрезентирующие доминирующие смыслы в иерархически организованном текстовом целом. Неоднократно предпринимались попытки выявить закономерности смыслообразования художественного текста, в творческом ядре которого, по словам М. Бахтина, продолжает жить личность [Бахтин 1986, с. 392], выделить в этом тексте основную смыслопорождающую инстанцию. В зависимости от господствующих научных взглядов, мировоззренческих позиций и принадлежности исследователя к встроенному в парадигму научному направлению или научной школе способность к порождению и трансляции текстового смысла приписывалась автору, читателю или самодостаточному тексту, контролирующему и автора, и читателя. Интеegrативные процессы, характерные для современного социума, культуры и науки, заставляют интерпретировать взаимоотношения этих инстанций *как единение в процессе смыслотворчества*.

Речевое общение, справедливо подчеркивает М. Бахтин, – это процесс *многосторонне-активного «обмена мыслями»*. Всякое высказывание – звено в цепи речевого общения, активная позиция говорящего [Бахтин 1996, с. 195]. Текстовый смысл возникает в ходе общения и в результате сотрудничества литературных коммуникантов, которые различаются картинками мира, ценностными ориентирами, языковыми компетенциями, историко-, со-

цио- и психолингвистическими характеристиками. Используя классические образы М. Бахтина, можно сказать, что «чужое слово» (созданный автором текст – И. Щ.) превращается в «свое чужое» [Бахтин 1986, с. 369] на «рубеже» сознаний автора и читателя. Ситуация, в условиях которой осуществляется смысловое конструирование, характеризуется специфическими пространственно-временными параметрами. Адресант и адресат разделены в ней во времени и пространстве, а смысл, изначально заложенный в текст автором, по истечении времени актуализируется читательским сознанием, тем самым обретая интерсубъективный характер. Отдавая должное активному, целенаправленному началу интерпретации, отметим, вместе с тем, ее вторичность по отношению к акту создания оригинального текста. Уместно, в этой связи, привести бахтинское определение точности в гуманитарных науках, несомненно релевантное для идентификации адекватности интерпретации: «... преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое» [Бахтин 1986, с. 392]. Следует упомянуть и еще один важный фактор, влияющий на особенности смыслового конструирования: конкретные социальные и исторические условия процессов текстопорождения и текстосприятия. Игнорирование этих параметров литературной коммуникации снизит точность толкования текстового смысла (Ср. общеизвестные идеи Яюсса о «горизонте ожидания»). Заметим, однако, в очередной раз, что свои выводы лингвисту оправданно основывать, в первую очередь, на языковом материале. Это касается и социокультурной контекстуализации знаний о тексте.

Несмотря на то, что идея смысловой целостности текста не нова и, как было сказано, образует традиционный фокус научных изысканий, доминирующие в науке холистические тенденции придают ей сегодня особую значимость. Оправдывают они, как представляется, и *широкое понимание текстовой целостности, согласно которому это свойство не ограничивается собственно текстовым (в нашем случае – вербальным) пространством, а включает разнообразные факторы, в совокупности раскрывающие сложные механизмы создания, понимания и истолкования смыслового текстового целого.* Любая личность, порождающая текст, руководствуется собственными интенциями и мотивациями, т.е. намерениями решить с помощью текста

некие задачи: прагматические, коммуникативные. Содержание этих задач варьируется в зависимости от природы, участников и условий коммуникативной ситуации. Некоторые из них были обозначены выше. К факторам, реализующим ситуационную конкретику, обоснованно отнести характеристики коммуникантов как речевых субъектов и языковых личностей; их языковые, текстуальные, интертекстуальные и пр. компетенции, в т.ч. знание жанровых характеристик текста, запечатленных в нем как в акте речевого общения, как то степень выраженности в жанре личностного начала и пр.; хронотопические параметры коммуникативной ситуации и т.д. По поводу каждого из названных компонентов и их общего инвентаря существуют многочисленные описания, иногда демонстрирующие теоретические и терминологические расхождения, в то время как *намерение языковой личности быть понятой и определенным образом истолкованной* сохраняет релевантность в любой коммуникативной ситуации. Речь при этом правомерно вести *об успешности истолкования целостного смысла, будь то весь текст как «сложно построенный смысл» (Ю.М. Лотман) или его отдельные фрагменты, характеризующиеся семантической связностью*: высказывания, абзацы, сверхфразовые единства и пр. Все строевые элементы текста по сути представляют собой целостные единства и отличаются иерархической организацией: темы формируются подтемами, лейтмотивы воспринимаются на фоне мотивов; среди конфликтов различаются главные и второстепенные, внешние и внутренние конфликты; в системе образов персонажей выделяются главные и второстепенные, простые и сложные; статичные и динамичные, параллельные и контрастные персонажи. Каждый из членов оппозиций сохраняет значимость лишь в единстве с противочленом, даже если последний не эксплицируется. Так, отсутствие второстепенных персонажей в тексте не исключает необходимости учета содержательного наполнения оппозиции «главное – второстепенное» для понимания характеристик протагониста. Выстраивание подобных парадигматических рядов представляется эффективным способом упрощения сложного, важным для упорядочивания смыслов в многомерном текстовом пространстве. Элементы текста, воспринятые в их системных связях, обеспечивают понимание текста как смыслового целого,

заставляют видеть в нем целостный продукт творческой мысли, синтезированный на основе проанализированного.

Известны разные способы моделирования смысловой иерархии, методологическим основанием которых, как представляется, следует признать базовые принципы организации текста – *принципы* (в терминах когнитивистики, концепт) *выдвижения*. Идея выдвижения, хотя и отличается неоднозначным содержанием наполнением и терминологическим оформлением в научных описаниях (см., например, [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 21] или [Douthwaite 2000, р. 32–37]), ориентирует исследователя на поиск наиболее важной текстовой информации. Например, Дж. Даутуэйт пишет о двух видах информации, формирующих основу выдвижения и соотносящихся с тема-рематической и перцептуальной организацией текста: информации переднего плана (*foregrounded information*) и фоновой информации. Информация, выдвинутая на первый план (фигура на фоне), носит содержательный характер, является новой и может обрести в интерпретации статус концептуально значимой. Фоновая информация (*background information*) образует основу для фигуры, известна читателю и ограничена выполнением вспомогательной функции, например, используется как комментарий или для усиления основной информации [Douthwaite 2000, с. 34–36]. Идея выделения важных (значимых) смыслов на фоне второстепенных лежит в основе идентификации ключевых слов, моделирования смысловой доминанты текста, иерархического концептуального моделирования и пр. Помимо смысловых связей, ограниченных рамками ближней и дальней комбинаторики и образующих, в конечном счете, макроконтекст целостного художественного текста, важную роль в выявлении и систематизации текстовых смыслов играют те *семантические сгущения*, которые создаются отдельными сегментами сюжета: мотивами, лейтмотивами, подтемами, темами.

Рассуждая о содержательном наполнении литературоведческого термина «тема» («тематика», от др.-гр. *thema* – то, что положено в основу), В.Е. Хализев, «с долей приблизительности», выделяет в нем два основных значения: первое акцентирует структурное, второе – субстанциональное начало тематики. В первых, пишет Хализев, темой называют наиболее существенные

компоненты художественной структуры, аспекты формы, опорные приемы; в литературе это – значения ключевых слов, то, что ими фиксируется. Тематика в таком понимании (далее следует ссылка на В.М. Жирмунского) связана со сферой семантики художественной речи и приближается к мотиву, «если не отождествляется с ним» [Жирмунский 1977, с. 30] (цит. по [Хализев 1999, URL:]). Подобно «запоминающимся и узнаваемым» элементам структуры музыкального произведения (Е.А. Ручьевская), читатель «узнает» словесные темы в поэтических направлениях. Например, в творчестве поэтов-сентименталистов «узнаваемы» слова «грустный», «томный», «сумерки», «печаль» и пр. [там же]. Тема, таким образом, является активным и *выделенным компонентом структуры текста*. Второе значение термина «тема» связано не со структурной организацией, а с «предметом художественного познания», *«с сущностью произведения как целого»*. Тема в этом понимании создает фундамент художественного произведения и подразумевает все, что стало «предметом авторского интереса, осмысления и оценки». Иными словами, *тема воспринимается как интенция*, реализуемая в тексте; как установка, которой подчинены все его элементы (Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. [там же]). Ту же идею обнаруживаем у У.Эко, который приравнивает интенцию текста к образцовому автору: ... the model author... in the end, coincides with the intention of the text) [Есо 1996, р. 64].

Обозначенные аспекты темы характеризуют ее с позиций формы и содержания, которые (см выше) соотносятся с интересующими нас свойствами связности и целостности, и заставляют обратить внимание на взаимоотношение этих свойств. Обращаясь к взаимосвязям формы и содержания в контексте критики формального метода в литературоведении, М.М. Бахтин постоянно напоминает об их органическом единстве. Каждый выделенный элемент произведения, подчеркивает он, является «химическим соединением» формы и содержания. Нет неформального содержания и нет бессодержательной формы [Медведев 1925, с. 298, с.157]. Взаимоотношения смысловой целостности и формальной связности текста непрямолинейны. Глубинный смысл текста, его концептуальная суть конструируется на основе иерархически организованных текстовых смыслов в составе целостного

текстового пространства. Каждый из образующих смысловую иерархию частных смыслов выполняет в ней свою функцию, однако, *глубинный смысл текста не формируется этой смысловой совокупностью, а надстраивается над нею, т.е. носит трансцендентный характер*. Как пишет М.М. Бахтин, совокупность значения словесных элементов – не тема, а одно из «средств овладения» ею. *Тема трансцендентна языку, на нее направлено не слово и не предложение, она есть тема целого высказывания как социально-исторического акта* [Бахтин 2000, с. 309] (курсив мой – И. Ш). Используя иную терминологическую традицию, можно сказать, что в абстрактной модели смыслового конструирования глубинный текстовый смысл представляет собой *монолит, качественно новое образование* или, как характеризует его В.Г. Адмони, «качественно новое» свойство текста [Адмони 1988, с. 208]. Глубинный текстовый смысл, иллюстрируя качественную трансформацию частей в составе целого, но не являясь их механической суммой, оказывается *частным случаем реализации универсальных принципов холизма*. Холистические тенденции современной науки закономерно влияют на описание художественного текста. Текст трактуется как ингерентный компонент литературной коммуникации и социокультурного контекста, соответственно, коммуникативно-когнитивные субъекты, порождающие и воспринимающие его, и объединенные в диалоге смыслового конструирования, сам текст и экстралингвистические аспекты коммуникации оправданно рассматривать как взаимосвязанные элементы в составе целостного единства. Внимание к теоретическому и методологическому осмыслению глобального целостного текстового единства или любых иных образующих текст целостных единств отразит характерное для эпохи стремление к целому в познании мира.

Список литературы

- Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. Работы 1940 – начала 1960 годов. М., 1996.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Бахтин М.М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 365. Тарту, 1975.

Медведев П.Б. В. Томашевский. Теория литературы (Поэтика) // Звезда. 1925. № 3 (9).

Мороховский А.Н. Избранные труды. Киев, 2011.

Ручьевская Е.А. Функции музыкальной темы. Л., 1977.

Хализов В.Е. Теория литературы. М., 1999. Электронный ресурс. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138729&p=10>

Douthwaite J. Toward Linguistic Theory of Foregrounding. Alessandria, 2011.

Eco U. Overinterpreting Texts // Interpretation and Overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. Cambridge, 1996.

Schirova Irina Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

ON THE ISSUE OF MEANING CONSTRUAL IN A FICTIONAL TEXT

The article discusses some aspects of meaning construal in a fictional text; briefly characterizes the features and components of situation in which fictional communication and meaning construal occur; emphasizes the dialogical nature of meaning construal and reveals the nature of integral textual meaning as transcendental. The description of textual meaning construal is included in the context of the ideas of dialogism and holism that are relevant for modern science.

Keywords: communication, meaning, coherence, cohesion, semantic hierarchy, theme, meaning construal.

Научные события

К 90-ЛЕТИЮ М.В. НИКИТИНА: КРУГЛЫЙ СТОЛ «НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019»

20 декабря 2019 г. в институте иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена состоялось юбилейное заседание Круглого стола «Никитинские чтения – 2019». Научное событие было посвящено юбилею выдающегося учёного Михаила Васильевича Никитина (1929–2009 гг.) – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, лауреата премии Правительства Российской Федерации, почетного профессора РГПУ им. А.И. Герцена, многолетнего руководителя факультета иностранных языков и кафедры английской филологии.

Профессор М.В. Никитин – автор фундаментальных трудов по теории и истории английского языка, общему и русскому языкознанию, семантике, семиотике и прагматике английского языка, когнитивистике и методике преподавания иностранных языков. Актуальная проблематика этих предметных областей стала предметом обсуждения на заседании Круглого стола «Никитинские чтения – 2019».

Круглый стол проводится уже более 10 лет. За это время с пленарными докладами на заседании Круглого стола выступали д. филол. н., проф. И.К. Архипов (РГПУ им. А.И. Герцена), д. филол. н., проф. М.В. Зеликов (СПбГУ), д. филол. н., проф. В.В. Кабакчи (СПбГЭУ), д. филол. н., проф. Т.А. Казакова (СПбГУ), д. филол. н., проф. И.А. Каргаполова (РГПУ им. А.И. Герцена), д. филол. н., проф. С.В. Киселева (РГПУ им. А.И. Герцена), д. филол. н., проф. Е.А. Нильсен (СПбГЭУ), д. филол. н., проф. И.Г. Серова (ЛГУ им. А.С. Пушкина), д. филол. н., проф. И.В. Толочин (СПбГУ), д. филол. н., проф. З.А. Харитончик (МГЛУ, Минск), д. филол. н., проф. Е.Г. Хомякова (СПбГУ). Помимо пленар-

ных докладчиков с презентациями, сообщениями и стендовыми докладами выступили 9 докторов наук, 9 кандидатов наук, 32 аспиранта и 64 студента из Запорожского национального университета, Донецкого национального университета, ЛГУ им. А.С. Пушкина, НИУ «Высшая школа экономики», РГПУ им. А.И. Герцена, его Волховского и Выборгского филиалов.

Традиции Круглого стола складывались постепенно, но ключевыми слагаемыми повестки дня неизменно являлись события, презентации и доклады, посвященные М.В. Никитину, пленарные доклады ведущих специалистов в области лингвистики и научные проекты молодых исследователей, начинающих свой путь в науке.

КРАТКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА СОБЫТИЯ¹

Круглый стол «Никитинские чтения – 2009», посвященный 80-летию М.В. Никитина, состоялся после кончины ученого, 27 ноября 2009 г. Кафедра английской филологии организовывала и проводила его впервые. Значимость события определялась самим фактом его начинания и содержанием докладов: они ориентировались на фундаментальность научных проблем и масштаб решавшей их личности.

С презентацией – посвящением Учителю выступили аспиранты и докторанты кафедры английской филологии.

Круглый стол «Никитинские чтения – 2010» состоялся 26 ноября 2010 и впервые получил статус международного. Помимо исследователей факультета иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена в его работе приняли участие профессора, преподаватели, аспиранты и студенты вузов Беларуси, Украины, регионов России. Докладам конференции предшествовало аудиобращение Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника отдела теоретического языкознания Института Языкознания РАН Е.С. Кубряковой.

¹ Более подробно о прошедших Круглых столах, презентации и фотографии событий см. в рубрике «Летопись Круглого стола» на сайте кафедры английской филологии <https://ephil.herzen.spb.ru/?cat=72>

Важным событием Круглого стола стало представление научной библиотеки профессора Никитина, которая была передана кафедре по его просьбе. Библиотека насчитывает более 750 томов (книг, журналов, словарей и сборников статей) и позволяет судить об энциклопедическом характере научной проблематики, входившей в сферу интересов Михаила Васильевича. Библиотека содержит книги по философии и логике, культурологии и социологии, психологии и семиотике, циклы книг по различным отраслям языкознания – семантике и лексикологии, истории и грамматике германских языков, математической лингвистике и вероятностным моделям языка, поэтике и лингвистике текста, когнитивистике и др.

С 2010 г. программу Круглого стола дополняет новая форма участия: стендовые доклады.

Круглый стол «Никитинские чтения – 2012» с международным участием состоялся 30 ноября 2012 г. В этот юбилейный год Российскому государственному педагогическому университету имени А.И.Герцена исполнилось 215 лет. В честь памятной даты участники кафедрального проекта «Ученые моего университета» подготовили презентацию «РГПУ им. А.И. Герцена: история и современность», представив наследие М.В. Никитина в контексте научных традиций и перспектив Герценовского университета.

На сессии стендовых докладов Круглого стола были представлены результаты поисковых исследований иногородних участников, а также докторантов и аспирантов Герценовского университета.

Круглый стол «Никитинские чтения – 2014» с международным участием состоялся 10 декабря 2014 г. Программа, по традиции, отражала научные достижения маститых ученых и студенческо-аспирантского состава.

Молодые исследователи – победители конкурса стендовых докладов «Идеи-Проекты-Результаты» были награждены памятными дипломами и грамотами.

Круглый стол «Никитинские чтения – 2016» состоялся 23 декабря 2016 г. Собравшиеся почтили память Игоря Констан-

тиновича Архипова – крупного ученого-лексиколога, ведущего специалиста кафедры английской филологии в области когнитивистики. Профессор Архипов работал с М.В. Никитиным долгое время, их объединяли научные интересы, в чем убедила презентация памяти профессора Архипова, подготовленная на основе архивных материалов кафедры.

Круглый стол обрел новую традицию – сообщения и презентации о коллективных проектах, реализуемых профессорско-преподавательским составом и молодыми исследователями кафедры. Магистранты представили один из таких проектов – научно-информационный портал «Ноосфера». Портал предлагает большие возможности для научно-исследовательской, творческой и социально-воспитательной работы молодежи в области языка, культуры и образования.

Круглый стол «Никитинские чтения – 2019»

В заседании Круглого стола 20 декабря 2019 г. приняли участие преподаватели и студенты института иностранных языков

и филиала Герценовского университета в Волхове, СПбГУ, ЛГУ им. А. С. Пушкина, НИУ ВШЭ и других вузов города. По традиции, были представлены пленарные доклады коллег и учеников М.В. Никитина, презентации кафедральных проектов и проведён конкурс стендовых докладов молодых исследователей «Идеи-Проекты-Результаты».

С приветственным словом к участникам обратились Президент института иностранных языков, Почетный профессор РГПУ, д. ф. н., проф. Т.И. Воронцова и председатель оргкомитета Круглого стола, зав. кафедрой английской филологии, д. ф. н., проф. И.А. Щирова, отметившие значимость фигуры Михаила Васильевича Никитина как ученого и организатора науки, руководителя известной герценовской научной школы «Английская филология».

К 90-летию ученого, которое отмечалось в 2019 г., аспиранты Д. Макурова, М. Яловенко и магистрант М. Фокина подготовили презентацию о научном наследии М.В. Никитина и рассказали о новых проектах, приуроченных к юбилею учёного.

Посвященная памяти юбиляра **фотокнига «Отдавая должное: М.В. Никитин»**¹ является частью научно-творческого и воспитательного проекта «Ученые моего университета». Фотокнига включает ценный архивный материал² о жизни М.В. Никитина и годах работы в РГПУ им. А.И. Герцена, фотоотчеты о прошедших Круглых столах «Никитинские чтения»; строки воспоминаний об ученом д.ф.н., профессора Е.С. Кубряковой; д.ф.н., профессора, филолога-германиста и переводчика В.Я. Плоткина (Израиль); книги с дарственными надписями В.Г. Гака, О.С. Ахмановой, Р.А. Будагова, И.В. Арнольд, Г.С. Щура, З.Я. Тураевой, В.В. Богданова, А.В. Бондарко, И.К. Архипова, Н.А. Кобриной, Р.Г. Пиотровского, Ф. Палмера и др., – все эти, по крупицам собранные материалы, исполнены искренней признательности и глубокого уважения к М.В.Никитину.

¹ Составители фотокниги: проф. И.А.Щирова, доц. Ю.В.Сергаева, магистранты Комарова В., Никитина Е., Фокина М.

² Кафедра искренне благодарит Музей истории РГПУ им. А.И.Герцена и лично его директора Е.М.Колосову за помощь в работе с архивными материалами.

Важное место в повестке Круглого стола занимали пленарные научные доклады Круглого стола.

Профессор кафедры теории языка и переводоведения СПбГЭУ В.В. Кабакчи в докладе *«Лингвистический ликбез в эпоху глобализации»* рассказал об актуальности и важности решения проблем перевода в условиях современной интеллектуальной ситуации с характерными для нее многочисленными иноязычными контактами.

Профессор кафедры английской филологии ЛГУ им. А.С. Пушкина И.Г. Серова в докладе *«Динамика гендерных репрезентаций в англоязычных дискурсивных практиках XIX–XXI вв.»* подробно осветила сложные и поэтому не всегда находящиеся однозначное решение в современной науке проблемы гендерных отношений и механизмов их реализации в языке.

Профессор кафедры английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена Каргаполова И.А. в докладе *«Послесловие к «Курсу лингвистической семантики»* предложила масштабный обзор научных взглядов профессора М.В. Никитина. Автор классических трудов, руководитель научной школы, научный руководитель, выпустивший в науку более 60 кандидатов и докторов наук, М.В. Никитин имел глубокие познания в разных областях знания и внедрял в науку новые и актуальные идеи.

Участниками конкурса **стендовых научных докладов «Идеи — Проекты — Результаты»** стали аспиранты и студенты института иностранных языков, СПбГУ и филиала РГПУ им. А.И. Герцена в Волхове. Постеры оценивались специалистами из разных вузов и структурных подразделений: д. ф. н. проф. Гончаровой Е.А. (председатель жюри, РГПУ), д. ф. н., проф. И.В. Толочиным (СПбГУ), к. ф. н., доц. С.Г. Филипповой (Волховский филиал), к. ф. н., доц. В.В. Меняйло (НИУ ВШЭ) и др. Был отмечен высокий научный уровень стендовых докладов, представленных молодыми исследователями:

– аспирантами (Д. Гальчук – диплом I степени; Д. Елькина – диплом II степени; Д. Макурова и А. Минеева – дипломы III степени);

– магистрантами (М. Фокина – диплом I степени; Е. Никитина – диплом II степени; А. Белова – диплом III степени);

ФОТОАКЦИЯ

#читаемНикитина

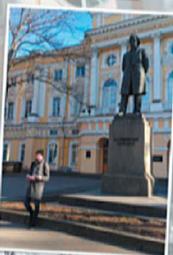
К 90-летию выдающегося ученого
Михаила Васильевича Никитина (1929-2009)

«Многообразие...
вопросов, не имеющих
очевидных ответов,
ничего не отнимает от
проблемы а, наоборот,
лишь подчеркивает её
многоаспектность,
сложность и значимость
всесторонней её
разработки...»

«Конечно, новые подходы не отменяют того, что
сделано на предшествующих этапах
лингвистики... но в какой-то и достаточно
существенной части - они должны существенно
скорректировать объективистские
представления о мышлении,
речемыслительной деятельности и языке...»

«Вера полагает для себя вопрос о достоверности
решенным изначально и поэтому в принципе не
только не требует никаких усилий для
верификации, но освобождает для них, что и
делает ее экономной, с одной стороны, и
недостаточно надежной – с другой.»

«Если тропы имеют для людей
эстетическую ценность, то это
потому, что они задают сознанию
творческую задачу восполнить
недосказанное. Они не просто
языковое действие и языковая
игра, а знание мира и творческое
усилие ума.»

«Люди верят и не верят мифам и держатся
пачеку, поскольку авторитет мифа
содержится не в нём самом,
а в его протагонистах, традиции и
распространённости.»

– бакалаврами (А. Григорьева, Я. Тасалова – диплом I степени; И.Гнаток – диплом II степени; Г.Акулинина и М.Малышева – дипломы III степени).

Со статьями некоторых участников конкурса можно ознакомиться в настоящем выпуске *Studia Linguistica* XXIX.

На с. 157 представлен фрагмент постера, созданного в ходе фотоакции **#читаемНикитина**, которая проводилась кафедрой английской филологии и студенческим объединением «Союз молодых исследователей» (куратор – доц. Ю.В. Сергаева, руководитель объединения – магистрант Е. Смирнова). Событие, на первый взгляд, выходящее за рамки строгих научных форматов, содержало в себе элемент поиска и открытия. В классическом труде «Курс лингвистической семантики» (2007 г.) участники акции находили рассуждения о языке, человеке, мышлении, науке, наиболее близкие их собственному исследовательскому опыту. «Близкая по духу» цитата сопровождалась фотоснимком того, кто открыл ее для себя и коллег. Фотоакция позволила молодым исследователям по-новому взглянуть на фундаментальный труд «Курс лингвистической семантики» и оценить энциклопедизм научных устремлений и масштабность личности Михаила Васильевича Никитина.

И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева

НАШИ АВТОРЫ

БЕРЕЗИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ГАЛУШКО ТАМАРА ГЕОРГИЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ГОРДИЕНКО ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Донецкого национального университета (Украина)

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО «Образование в поликультурном обществе» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КЛЕЙМЕНОВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КОНЯХИНА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – студентка четвертого курса бакалавриата кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

МАЛЫШЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

МАЛЫШЕВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – студентка четвертого курса бакалавриата кафедры гуманитарного образования

и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

НИКИТИНА ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА – студентка второго курса магистратуры кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПАШКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПРУЦКИХ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

СЕРОВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СИДОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОКАРЕВА КСЕНИЯ ДМИТИЕВНА – аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ФИЛИППОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ФИЛАТОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ФОКИНА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – студентка второго курса магистратуры кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЧЕМОДУРОВА ЗИНАИДА МАРКОВНА – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Великой Победы

<i>Щирова И.А., Сергаева Ю.В. (от редакторов) Ученые-герценовцы на фронте и в тылу</i>	3
--	----------

ПРОБЛЕМАТИКА ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

БЕРЕЗИНА О.А. Местоимение <i>it</i> в субъектной позиции как отражение динамики референтной отнесенности	9
ГАЛУШКО Т.Г. Язык в контексте эволюционной эпистемологии	15
ПРУЦКИХ Т.А. Звукосимволизм экспрессивной лексики китайского языка	24
СЕРГАЕВА Ю.В., НИКИТИНА Е.В. Домашнее насилие как объект дискурса-анализа	31
СЕРОВА И.Г. Динамика гендерных репрезентаций в англоязычных дискурсивных практиках XIX–XXI вв.	41
СИДОРОВ А.В. Псевдонимы англоязычных авторов: подходы к изучению	47
ТОЛОЧИН И.В. Английский фразовый глагол и синтаксический эллипсис	52
ФОКИНА М.С. Синонимия в медицинской терминологии английского языка	59

ПРОБЛЕМАТИКА ТЕКСТА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

ГОРДИЕНКО Е.В. Оценочный потенциал новостных заголовков в медиадискурсе США	66
ИВАНОВА Т.Н. Английская публицистика 17–18 вв.: тематика и лингвистическая сущность	72
КЛЕЙМЕНОВА В.Ю., ФИЛАТОВ А.С. Языковые маркеры «Арки Героя» в сериале “Breaking Bad”	81
КОНЯХИНА И.В., ФИЛИППОВА С.Г. Оценочные приращения значений феминитивов в публицистической статье	87
МАЛЫШЕВА Е.В. Художественное пространство и время в утопии и антиутопии	93

ПАШКОВ С.М., МАЛЫШЕВА М.А. Пространственно-временной континуум в художественном тексте	102
ПАШКОВ С.М. Информационная ненормативность в неоготическом тексте: эмотивный аспект	108
ТОКАРЕВА К.Д. Репрезентации языковой личности автора мемуарных текстов в контексте оппозиции «Я-Другой»	114
ФИЛИППОВА С.Г. Сильные позиции в интерпретации смысловой организации романа Халеда Хоссейни «И эхо летит по горам» . .	124
СНЕМОДУРОВА Z.M. The Phenomenon of Microfiction: an Intertextual Perspective	133
ЩИРОВА И.А. К проблеме смыслового конструирования в художественном тексте	142

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

ЩИРОВА И.А., СЕРГАЕВА Ю.В. К 90-летию М.В. Никитина: Круглый стол «Никитинские чтения – 2019»	151
НАШИ АВТОРЫ	159

ISBN 978-5-907223-81-3

9 785907 223813

STUDIA LINGUISTICA

**СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ. ТРАДИЦИИ И ПОИСК НОВОГО**

XXIX

Подписано в печать 07.09.2020. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5.
Тираж 200 экз. Заказ 3698.

Отпечатано в ООО «Политехника Сервис».
Санкт-Петербург, Измайловский пр, 18-д.